

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 11.

ЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Очерки изъ исторіи Христіанской проповѣди. Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востоцѣ въ IV вѣкѣ (окончаніе). <i>Н. Барсова</i>	735—753
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	754—789
Русская и нѣмецкая школа (окончаніе). <i>Т. Бутневича</i>	790—810
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
О движеніи. Архимандрита <i>Бориса</i>	431—450
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	451—468
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1888/9 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состоящей при Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ церковно-приходской школы за 1888/9 учебный годъ.—Списокъ воспитанницъ IV и V классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1888/9 учебный годъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петропльскій пер. ч. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ Мѣсяцѣ за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юня 15 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

О Ч Е Р К И

изъ

ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокѣ

ВЪ IV ВѢКѢ.

(Окончаніе *).

III.

Первостепенное значеніе въ исторіи проповѣди имѣютъ бесѣды и слова Макарія *по своему содержанію*. Въ нихъ содержится ученіе отчасти своеобразное, относящееся къ области частныхъ такъ называемыхъ мнѣній св. отцовъ, къ которымъ Церковь относится съ уваженіемъ, отчасти составляющее ученіе самой Церкви, въ первые Макаріемъ выраженное и формулированное. Главнымъ исходнымъ пунктомъ богословскаго міровоззрѣнія св. аввы слѣдуетъ, кажется, признать ученіе о способахъ приближенія души къ Богу и соединенія ея съ Нимъ, какъ высшемъ благѣ христіанина и конечной цѣли человѣческаго существованія. Это соединеніе, по Макарію, не есть лишь одно согласіе мысли и воли человѣка съ мыслию и волею Божественною: для его глубокаго христіанскаго чувства такого соединенія недостаточно, и онъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 10.

находить возможнымъ и осуществимымъ дѣйствительное, реальное единеніе души съ Божествомъ, такое единеніе, въ которомъ человѣческое существо разрѣшается въ Божеское и личность человѣка становится единымъ съ Богомъ,—когда человѣкъ мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ не въ себѣ самомъ, и не для себя самого, а всецѣло живетъ въ Богѣ и для Бога. «Когда душа прилѣпляется къ Господу (τῆς ψυχῆς κολλωμένης τῷ Κυρίῳ), то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, приходитъ къ ней и прилѣпляется къ ней, и разумъ ея непрестанно пребываетъ въ благодати Господней, и такимъ образомъ душа и Господь становятся едины Духъ, едино раствореніе, едины разумъ (εἰς ἓν πνεῦμα, εἰς μίαν χάριν, καὶ εἰς μίαν διάνοιαν γίνονται ψυχὴ καὶ ὁ Κύριος). И хотя тѣло ея на землѣ находится, разумъ весь и всецѣло въ небесномъ Иерусалимѣ обитаетъ, соединяся съ Господомъ и восшедши до третьяго небесе, тамъ служить ему. Онъ же, сѣдя на престолѣ величества на высокихъ, въ небесномъ градѣ, весь, купно съ душею, въ ея тѣлѣ пребываетъ (ὅλος πρὸς αὐτὴν ἐν τῷ σώματι αὐτῆς ἐστί!); ея образъ Онъ вселилъ горѣ, въ небесномъ святомъ градѣ; свой же образъ неизрѣченнаго свѣта и Божества поставилъ въ ея тѣлѣ. Онъ ей служитъ во градѣ тѣла, а она ему служитъ во градѣ небесномъ. Душа получаетъ его себѣ въ наслѣдіе на небеса, а Онъ беретъ ее себѣ въ наслѣдіе на землѣ, и такимъ образомъ Господь содѣлывается наслѣдіемъ душѣ, а душа наслѣдіемъ Господу... 1). Ибо если разумъ и мысль даже грѣшниковъ, во тѣмѣ сущихъ, столь далеко отъ тѣла могутъ быть и странствовать, въ одно мгновеніе отходить въ далечайшіе мѣста, и на землѣ оставляя тѣло, въ иномъ отечествѣ съ своимъ возлюбленнымъ или возлюбленною обитать; если душа грѣшника столь удобоподвижна, что ея мысль не можетъ быть препятствуема самыми далекими разстояніями: не тѣмъ ли болѣе душа, съ которой святъ покровъ мрака силою Св. Духа, и которой мысленныя очи просвѣщены небеснымъ свѣтомъ, которая освободилась совершенно отъ нечистыхъ страстей и

1) Бес. 46, 8, Migne, t. 34, col. 793.

содѣлалась, силою благодати, непорочною,—не тѣмъ ли болѣе она, вся въ Св. Духѣ пребывая, на небеси служить Господу и вся въ тѣлѣ своемъ ему работаетъ и своимъ разумомъ до того распространяется, что всюду присуща, и гдѣ токмо хочетъ и когда хочетъ, служить Христу? Это утверждаетъ и апостоль: да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долготы и глубина и высота, и разумѣти преспѣющую любовь Христову, да исполнитесь во всякое исполненіе Божіе (Ефес. 3, 19). Разумѣй неизрѣченныя тайны души, отъ которой отнялъ Господь мракъ, которую открылъ и которой самъ открылся, распростирая мудрость ея разума въ широты, глубины, долготы и высоты всего видимаго и невидимаго созданія. По истинѣ великое божественное и досточудное дѣло--душа!»

Изучая внутреннюю духовную жизнь человѣка и законы нравственнаго бытія его и дѣятельности, св. авва подробно развиваетъ свою особую своеобразную психологическую теорію, и между прочимъ утверждаетъ, что ангель, душа, духъ по собственной природѣ каждый есть тѣло—*κατὰ ἰδίαν φύσιν σῶμα ἐστίν, ὁ ἄγγελος, ἡ ψυχὴ, ὁ δαίμων*. Ибо хотя они и тонки, однако въ существѣ, образѣ и видѣ, по тонкости своей природы суть тонкія *τῆλα* (*σῶμα τοῦχάνας λεπτόν* слово о возвышеніи ума, § 6). Душа «имѣетъ образъ и видъ, подобный ангелу;—какъ ангелы имѣютъ образъ и видъ и какъ внѣшній человѣкъ имѣетъ видъ, такъ и внутренній человѣкъ имѣетъ образъ, подобный ангелу и видъ—внѣшнему человѣку» *ἔχει εἰκόνα καὶ μορφὴν ὁμοιάζουσαν τῷ ἄγγέλῳ* (б. 7, 7). «Безконечный, неприступный и несозданный Богъ, по неизглаголанной своей благодати, воспріялъ на себя плоть... дабы чрезъ то возможно было ему соединиться съ видимыми своими твореніями, съ душами святыхъ и ангеловъ, да и они содѣлаются причастниками жизни Божественной. Ибо каждое изъ сихъ твореній по естеству своему есть тѣло—ангелъ, душа и духъ (*δαίμων*); хотя они суть существа тонкія, однако и душа имѣетъ свое око, которымъ видитъ, ухо, которымъ слышитъ, языкъ, которымъ говорить, руки, все свое тѣло (*πᾶν σῶμα*) и всѣ его члены (*πᾶν σῶμα καὶ τὰ μέλη αὐτοῦ*),

и соединившись съ тѣломъ чрезъ него совершаетъ всѣ жизненные отправления. Такъ и Богъ, будучи безпредѣленъ, превосходя всякій нашъ умъ, по своей благодати облекся въ тѣло, по своему человѣколюбію, премѣнивъ образъ, воспріялъ плоть, и такимъ образомъ соединяется и пріемлетъ души святыхъ, Ему благоугождающія и вѣрныя, и бываетъ съ ними, по слову апостола, единъ духъ; душа такъ сказать переходитъ въ душу, ипостась въ ипостась (*ὑπόστασις εἰς ὑπόστασιν*), дабы душа богоугодная (Римл. 4, 6) могла пожить новою жизнью, почувствовать жизнь безсмертную и сдѣлаться причастницею жизни вѣчной... Ибо если Богъ изъ не сущахъ воеже быти сотворилъ всю видимую тварь, съ великимъ различіемъ, котораго прежде бытія вещей не было, благоволилъ сотворить изъ не сущаго существа твердыя и грубыя—землю, горы, древа, и среднія воды, и птицъ, и существа легчайшія (*λεπτότερα*) огонь, вѣтры и прочія, по своей тонкости невидимыя твари,... то кольми паче Онъ, по образу бытія своего независимый, яко же хочетъ и во что хочетъ, по неизглаголанному милосердію и нецостижимой благодати, можетъ самъ себя преобразить и умалить (*μεταβάλλειν καὶ σμικρύνειν*) и пріявши на себя плоть, сходственную съ своимъ естествомъ, уподобиться святымъ, достойнымъ и вѣрнымъ душамъ, дабы отъ нихъ быть созерцаему Тому, Кто невидимъ, и осязаему отъ тончайшей души Тому, Кто непрístupенъ для всѣхъ... да тако вкусятъ они его сладости, и насытятся благодію его неизглаголаннаго свѣта. Онъ, когда восхощетъ, бываетъ огонь поядаяй (Евр. 2, 29), и, когда восхощетъ, бываетъ неизглаголаннымъ таинственнымъ упокоеніемъ, въ которомъ опочіетъ душа, и когда восхощетъ, бываетъ радостію и миромъ, питающимъ и улаждающимъ душу» ¹⁾).

¹⁾ Мнѣніе о тѣлесности ангеловъ и душъ высказывалось учителями Церкви и до Макарія: Тертуліаномъ (въ соч. «противъ Праксея»), Оригеномъ («о началахъ», кн. 2-я, гл. 23), а послѣ Макарія Кирилломъ Александрійскимъ. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ считаютъ ангеловъ существами простыми и безтѣлесными. Св. Іоаннъ Дамаскинъ (о правосл. вѣрѣ, кн. 2, гл. 3) старается согласить оба мнѣнія въ томъ смыслѣ, что тѣлесными ангелы и души называются по отношенію къ Богу. См. Христ. Чтеніе 1821 г. ч. 1, стр. 40—42.

Такъ какъ это «превождедѣльное единеніе съ Богомъ» чело-вѣка осуществляется подъ условіемъ всей возможной для чело-вѣка святости, то отсюда, изъ этого главнаго мотива про-повѣди Макарія, возникаетъ преобладающее содержаніе всего его учительства. Это содержаніе почти въ полномъ своемъ составѣ *нравоучительное*. Во всей древней Церкви нельзя наз-вать проповѣдника, который бы въ своихъ проповѣдяхъ такъ всецѣло отдавался нравоученію, какъ Макарій. Въ отличіе отъ другихъ проповѣдниковъ моралистовъ, это нравоученіе можно назвать болѣе евангельскимъ, нежели послѣдующимъ—церковнымъ; оно имѣетъ своимъ предметомъ болѣе христіан-ское благоустройство внутренняго міра чело-вѣка, его мыслей, чувствъ, пожеланій по заповѣдямъ евангелія, нежели регла-ментацію внѣшней дѣятельности и дисциплины. Для позд-нѣйшей католической доктрины объ *opus operatum*, въ бесѣ-дахъ Макарія не находится ни малѣйшихъ основаній. Отчасти въ противорѣчій съ своею собственною, аскетическою, т. е. и внѣшне-благочестивою, на дѣлѣ и въ дѣлахъ святой, жизни, онъ постоянно настаиваетъ на внутренней, въ мысляхъ и же-ланіяхъ находящейся, хотя и во внѣшнемъ благочестивомъ поведеніи обнаруживающейся, святости. Поэтому если онъ сильными и выразительными чертами изображаетъ поведеніе чело-вѣка, его рабство грѣху и силу сатаны надъ чело-вѣче-скимъ сердцемъ ¹⁾, то въ то же время онъ далекъ отъ того, чтобы отрицать *свободу воли* въ чело-вѣкѣ. Онъ постоянно на-поминаетъ своимъ слушателямъ объ ихъ прирожденной спо-собности возвышаться при содѣйствіи благодати надъ соблаз-нами грѣха къ святой мысли и святому дѣлу и чрезъ то ста-новиться способнымъ къ единенію съ Богомъ и со Христомъ. Чело-вѣкъ нуждается въ содѣйствіи божественной благодати, чтобы на своемъ пути къ нравственному совершенству сдѣ-лать все должное употребленіе изъ своего свободнаго произ-воленія; но эта божественная помощь всегда для него готова, Господь всегда близъ есть, Иисусъ Христосъ подаетъ свою вспомошествоющую десницу благочестивому борцу за добро-

1) Бес. 2-я, 5, 15, 24, слова о терпѣніи и храненіи сердца и др.

дѣтель, Св. Духъ освящаетъ и укрѣпляетъ слабыя силы. Ученіе св. Макарія о взаимномъ отношеніи благодати и свободы въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія и вѣчнаго спасенія людей, въ которомъ св. авва счастливо избѣгаетъ обоихъ крайностей въ этомъ вопросѣ — и монтанистической и пелагіанской — составляетъ ту часть его ученія, которая доставила его бесѣдамъ въ Богословіи православной Церкви и въ общемъ составѣ святоотеческой литературы классическое значеніе: рѣшеніе этого вопроса, имъ намѣченное, лежитъ, намъ кажется, въ основаніи символическаго ученія Церкви по этому предмету.

Вообще христіанское *нравоученіе* составляетъ проповѣдническую спеціальность Макарія. Не представляя какихъ либо глубокихъ изслѣдованій его основаній или систематическаго его построенія, Макарій какъ мужъ глубокаго душевнаго опыта дѣлаетъ превосходный анализъ, по частямъ, разнообразныхъ внутреннихъ состояній грѣховности и праведности, сопровождая свои одушевленные описанія горячими увѣщаніями. Всѣ эти нравоучительныя наставленія и для нашего времени также назидательны и убѣдительно, какъ для времени — тогдашняго. Такимъ образомъ нравоученіе Макарія есть прежде всего и главнымъ образомъ обще-христіанское, въ полномъ своемъ составѣ примѣнимое къ жизни всякаго чловѣка — христіанина. Уже на этой общехристіанской почвѣ онъ, затѣмъ, развиваетъ ученіе аскетическое о совокупности тѣхъ условій, которыя *внѣшнимъ образомъ* могутъ способствовать достиженію высшаго нравственнаго совершенства: отреченіе отъ міра и отъ всѣхъ мірскихъ занятій, умерщвленіе плоти, непрестанное самонаблюденіе и молитва, внѣшнее смиреніе, борьба съ дьяволомъ и его искушеніями. Увѣщевая къ этого рода подвигамъ своихъ учениковъ, великій авва говоритъ столь же горячо и сильно, какъ и о добродѣтели вообще. Великій подвижникъ по собственному опыту знаетъ какъ возможно непрестаннымъ подвигомъ совлечь съ себя ветхаго чловѣка, отречься отъ всего земнаго, отъ всѣхъ житейскихъ потребностей, и всецѣло предаться мысли о Богѣ и стремленію приблизиться къ нему, соединиться съ нимъ.

Для образца нравоученія Макарія приведемъ его разсужденія о свободѣ воли изъ 28 бесѣды. Проповѣднику предложенъ вопросъ: какимъ образомъ многіе уже облагодатствованные вновь падаютъ? Гдѣ день, какимъ образомъ можетъ быть тамъ ночь? Не потому такіе люди падаютъ, чтобы благодать въ нихъ уничтожилась или ослабѣвала, но чтобы искушлось человѣческое произволеніе и свобода — къ чему она склонна, попускается на человѣка злоба. А тебѣ предлагается увѣщаніе, чтобы и падши, ты тщился собственною волею и ученіемъ приближаться ко Господу и возвращаться къ благодати. Для чего было бы сказано: духа не угашайте (Сол. 5, 19), если бы духъ былъ неугасимъ и всегда свѣтилъ? Но ты самъ твоимъ произвольнымъ нерадѣніемъ и несогласіемъ погашаешь его дѣйствіе. Сказано также: не оскорбляйте Духа Святаго, имъ же знаменаетеся въ день избавленія (Ефес. 4, 30). Въ твоей, значить, волѣ почитать и не оскорблять духа святаго. Но и въ Христіанахъ совершенныхъ, плѣненныхъ и упоенныхъ любовію блага, есть свобода, и они обращаются ко благу, искушенные безчисленными злключеніями. Какъ иногда люди богатые и знатные отлагаютъ свое богатство, знатность и достоинство, и облекаясь въ одежды убогія и вмѣсто славы пріемлютъ безчестіе, дѣлая это не по чему другому, какъ по собственной волѣ и желанію: такъ и самими апостолами, въ благодати совершеннымъ, благодать не воспретила бы творить что-либо по ихъ желанію и противное благодати. Ибо природа наша способна и къ добру и ко злу, а противная власть можетъ только склонять, но не принуждать, ты же имѣешь свободу преклониться куда хочешь. Развѣ не знаешь, что Петръ былъ укоряемъ (Гал. 2, 21) и Павелъ, духовенъ будучи, по своему произволенію воспріалъ преніе съ Варнавою, и разгнѣвавшись, разлучишася (Дѣян. 15, 39). Тотъ же апостоль говоритъ: вы, духовніи, исправляйте такового духомъ кротости, блюдыи себе, да не и ты искушенъ будешь (Гал. 6, 1). Значить и духовные искушаются, ибо въ нихъ имѣется свобода, и на нихъ, пока они пребываютъ въ этой жизни, нападаютъ враги. Хотя апостолы грѣшить не могли, ибо не возносилсѣ, находясь въ такомъ свѣтѣ и благодати; однако

нельзя сказать, что благодать въ нихъ дѣйствовала съ принужденіемъ ихъ воли; благодать самымъ духовнымъ и совершеннымъ попускаетъ имѣть волю и власть дѣйствовать по произволению и преклониться куда желаетъ. Человѣческое естество, сколь ни слабо, имѣетъ власть и можетъ и обращаться къ добру и отъ онаго удаляться. Какъ воины, снабженные всѣмъ оружіемъ, облеченные въ щитъ и шлемъ, имѣютъ возможность и употребить оружіе для защиты отъ непріятеля или для нападенія на него, и не употребляютъ его и при всей возможности побѣды заключить миръ и не воевать со врагами, такъ и христіане и облекшись во все оружіе Божіе, если хотятъ, могутъ веселиться съ сатаною, съ нимъ мириться и не воевать. Ибо природа наша измѣнчива, и если кто хочетъ, можетъ быть сыномъ Божиимъ, а если не хочетъ—можетъ быть сыномъ погибельнымъ, ибо человѣку присуща свобода (*διὰ τὸ παραμένειν τὸ αὐτεξούσιον*). Самъ сатана лишь соблазняетъ людей, не зная, будутъ ли они ему послушны или нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока самъ человѣкъ добровольно не отдастъ ему свою волю. Человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію, и какъ Богъ самовластенъ—если бы захотѣлъ, по силѣ и власти своей могъ бы посылать праведныхъ въ геенну, а грѣшныхъ въ царство небесное, но не творитъ сего, потому что не хочетъ, ибо праведенъ Господь,—такъ и человѣкъ самовластенъ, и если хочетъ погибнуть, хулы изрыгать, отравы творить, убивать—никто ему не запрещаетъ, и если хочетъ повиноваться Богу и шествовать путемъ правды—можетъ побуждать злыя похоти. Противоборствующая душа можетъ силою своею преодолѣть силу злыхъ стремленій и постыдныя пожеланія (15, 21). Природа неразумныхъ существъ связана (*δέτη φύσις ἐστίν*): змѣя по природѣ хитра и ядовита—таковы всѣ змѣи; голубь чуждъ лукавства и гнѣва—таковы всѣ голуби; овца по своей простотѣ служить добычей хищника—таковы всѣ овцы. Но человѣкъ не таковъ; одинъ хищенъ, какъ волкъ, другой—подобно овцѣ, добыча хищника, хотя и тотъ и другой изъ одного и того же человѣческаго рода.—Съ такою же ясностію и всесторонностію св. авва объясняетъ необходимость благодатной помощи при свободѣ человѣка (въ особенности бес. 2 и 44).

«Какъ если-бы кто, увидѣвъ летающую птицу, и самъ захотѣлъ бы летѣть, не смогъ бы этого сдѣлать по неимѣнн крыльевъ: такъ у человѣка есть желаніе быть чистымъ, свободнымъ отъ грѣха и соединеннымъ съ Богомъ, но не имѣетъ въ самомъ себѣ всей нужной для того силы. Онъ страстно желаетъ витать въ этой божественной атмосферѣ, но если не получить крыльевъ не сможетъ. Помолимся Богу, да дастъ намъ крилѣ голубинѣ Св. Духа, да возлетимъ къ Нему и почіемъ (Ис. 54, 7); да отлучитъ отъ души и тѣла злый вѣтръ, т. е. грѣхъ, обитающій въ душѣ и тѣлѣ нашемъ. Онъ одинъ можетъ это сотворить,—Онъ, Агнецъ Божій, взявша грѣхи міра. Онъ одинъ явилъ это милосердіе вѣрующимъ въ него, еже избавляти ихъ отъ грѣха; Онъ одинъ дарствуетъ всегда это спасеніе всю надежду на него возлагающимъ... Какъ во время мрачной ночи буйный вѣтеръ всѣ растенія и древа колеблетъ, и приводитъ въ движеніе: такъ и человѣкъ, подвергшись темной власти дьявола, колеблется лютымъ вѣтромъ грѣха, который пронзаетъ все его естество, душу, разумъ, и всѣ тѣлесныя члены.. А въ день свѣта Божественное вѣянiе Духа Святаго оживляетъ души, проникая все ихъ существо, услаждая ихъ неизглаголаннѣмъ успокоеніемъ. Мы нѣсмы чада ночи, вся сынове свѣта, сынове дне (1 Сол. 5, 5). И какъ ветхій человѣкъ на ложномъ пути совлекъ съ себя непорочнаго человѣка и облекся въ одежду мрака у порока; такъ совлекшіе съ себя ветхаго человѣка, совлекли съ себя чрезъ Христа одежды мрака, облеклись въ новаго небеснаго человѣка Іисуса, и стали чистымъ и украшеннымъ образомъ Божиимъ».

Часто также говорить, и столь же одушевленно и ясно, Макарій о молитвѣ. «Начало всякаго прилежанія у всякой ревности къ благу и вѣнецъ всѣхъ благихъ дѣлъ—постоянство въ молитвѣ, которою мы можемъ достигнуть высшихъ добродѣтелей предъ Богомъ. Отъ нея происходитъ для достойныхъ общенія съ Богомъ соединеніе всѣхъ стремленій чувства въ неизрѣченной любви къ Богу. Кто самъ ежедневно стремится къ молитвѣ, тотъ разгорается Божественною любовію и пріобрѣтаетъ благодать Божию и совершенную святость.—Молится истинно тотъ, кто молится тихо, воздерживаясь отъ громкихъ

восклицаній (б. 6). Кто преклоняетъ свои колѣна на молитвѣ и напередъ исполняетъ свое сердце Божественной силы, того душа радуется (*eufrainetur*) съ Господомъ, какъ невѣста съ женихомъ, по слову Исаи. Кто среди разнообразныхъ занятій дня посвящаетъ хоть одинъ часъ молитвѣ, тотъ чувствуетъ свой духъ возвышеннымъ и увлеченнымъ горѣ. Тогда забываются всѣ земныя заботы, его душа наполняется Божественнымъ, небеснымъ, всѣмъ тѣмъ чудеснымъ, чего не могутъ выразить человѣческія уста. Въ такіе часы,—полный святого воодушевленія, человѣкъ восклицаетъ: о если бы и душа моя вознеслась ко Господу вмѣстѣ съ молитвой!¹⁾

Трудно предположить, чтобы проповѣдникъ, обладавшій такимъ сильнымъ и вмѣстѣ кроткимъ, искреннимъ и вѣрнымъ религіознымъ чувствомъ, обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ способностію къ глубокомысленному теоретизированію въ области догматовъ. Дѣйствительно Макарій въ своихъ проповѣдяхъ является преданнымъ сыномъ Церкви, излагающимъ ея догматы о Богѣ и его благодати, о Христѣ и царствѣ небесномъ, о грѣхопадении и искупленіи и т. д., въ предѣлахъ катихизически-символическаго такъ сказать элементарнаго изложенія, хотя и это его ученіе — ученіе объ этихъ догматахъ всегда высоко цѣнилось Церковію, какъ свидѣтельство до Никейской вѣры. Что касается догматовъ о Троичности лицъ въ Божествѣ, о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, и другихъ вопросахъ Христологіи, волновавшихъ въ его время Церковь,—то ихъ совершенно чуждъ Макарій. Все его глубоко Христіанское одушевленіе направлено къ евангельскимъ и преимущественно практическимъ основоположеніямъ Христіанства. Въ спокойно-святой благочестиво вдохновенной области созерцанія и внутреннихъ движеній Христіанскаго вѣрованія, которую возлюбилъ Макарій, холодно-резонирующее догматствованіе и запальчивая полемика, явились бы непримиримымъ диссонансомъ. Лишь иногда, какъ мы видѣли, на примѣръ въ ученіи о природѣ ангеловъ и

¹⁾ Болѣе подробное синтетическое изложеніе всего ученія Св. Макарія о благодати см. въ прибав. къ Твор. Св. Отцовъ въ русс. переводѣ 1845 г. въ статьѣ П. С. Казапскаго: Св. Макарій Египетскій (стр. 125—146).

души, отчасти въ ученіи о свободѣ воли, и еще изрѣдка, онъ заявляетъ свою полную способность къ утонченному и ясному умствованію въ сферѣ Богословія догматическаго. Вообще какъ по содержанію, вполне жизненному и практическому, такъ по изложенію, художественно одушевленному и всегда ясному, по глубокому благочестивому чувству и возвышенному полету мысли, по полному отчужденію отъ полемическихъ контроверсій своего вѣка, по всѣмъ своимъ особенностямъ Макарій, какъ ораторъ, служитъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области проповѣднической литературы, не только одного 4 вѣка, но и всей древней нераздѣленной Церкви.

IV.

Маркъ аскетъ ¹⁾.

Между болѣе замѣчательными египетскими отшельниками 4 вѣка, по сказанію Палладія ²⁾, былъ Маркъ, которому за его необычайные между самими монахами аскетическіе подвиги было усвоено имя *аскета по преимуществу* (ἀσκητής κατ' ἐξοχήν). Еще въ молодыхъ годахъ удалившись въ пустыню, онъ кротостію сердца и подвигами воздержанія стяжалъ себѣ даръ чудотвореній; скончался столѣтнимъ старцемъ ³⁾. Этотъ Маркъ одно ли лице съ тѣмъ Маркомъ, о которомъ Созоменъ ⁴⁾ говоритъ, что онъ зналъ все священное Писаніе на-

¹⁾ Свѣденія о немъ: *Палладій*, Лавсаякъ гл. 20 и 21, *Созоменъ* Церк. Истор. кн. 6, гл. 29, *Cassiodorus historia tripartita*, 8, 1, *Никифоръ* Церк. Истор. 13, 11, 35, 14, 54, epist. 53, 54. *Domini biblioth. cod.* 200. *Dupin*, hist. eccl. t. 3, *Tillemont* memoir. t. 10, p. 457, 801. *Oudin*, t. 1, p. 372. *Fabricius bibl. graeca*, 1, 5, c. 24. *Cave* hist. litter. t. 1, p. 372, *Gallandi bibl. patrum* t. 8, proleg. c. 1. Изданія его сочиненій: у *Gallandi biblioth. patrum* t. 8, и у *Мни patrologiae cursus completus*, s. graeca t. 65. Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь сочиненій Марка Никифору Каллисту извѣстны были и другія творенія Марка въ которыхъ онъ «проходить всѣ пути подвижническаго житія». Въ русскомъ переводѣ изъ его сочиненій извѣстны: въ «Добротолюбіи» три статьи; въ Христ. Чтеніи (1821, 1828 и 1834 гг.) также три статьи: о постѣ, о тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами, разговоръ ума и души.

²⁾ Лавсаякъ, гл. 21.

³⁾ Тамъ же гл. 20.

⁴⁾ Церк. Ист. кн. 6, гл. 29.

изусть, а Никифоръ ¹⁾—что онъ былъ ученикомъ и служителемъ Златоуста,—какъ думаютъ Фесслеръ и преосв. Филаретъ Черниговскій—или это два особыя лица, какъ думаютъ Галланди и нѣкоторые другіе ²⁾, трудно рѣшить съ точностію. Такъ или иначе съ именемъ Марка аскета еще Фотію ³⁾ были извѣстны восемь сочиненій: 1) трактатъ о тѣхъ, кто думаетъ оправдаться дѣлами, 2) о покаяніи, 3) отвѣтъ сомнѣвающимся о Божественномъ крещеніи, 4) душеспасительныя правила для Николая (πρὸς Νικόλαον νουθεσίαι ψυχωφελεῖς), 5) главы о воздержаніи (κεφαλαία ἠπτικὰ—сочиненіе, сохранившееся не въ цѣломъ видѣ,—недостааетъ конца), 6) состязаніе съ схоластикомъ (ἀντιβολή πρὸς σχολαστικόν), 7) совѣщаніе ума съ душею (συμβουλία νόος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ ψυχήν), 8) о постѣ. Позже въ 1748 г. въ одномъ древнемъ папирусномъ спискѣ найдено вмѣстѣ съ исчисленными еще одно сочиненіе Марка: «о Мельхиседекѣ». Еще позже былъ найденъ отрывокъ изъ его же «второго посланія». Минъ въ слѣдъ за Фесслеромъ приписываетъ ему еще слово -- «о духовномъ законѣ», въ которомъ объясняется, въ какомъ смыслѣ ап. Павелъ (Римл. 7, 14) выразился: законъ духовенъ. Однако преосвящ. Филаретъ считаетъ это сочиненіе тождественнымъ съ твореніемъ Макарія Великаго, извѣстнымъ подъ именемъ его 37-й бесѣды. Затѣмъ нѣсколько сочиненій съ именемъ Марка извѣстны по каталогамъ рукописей: 1) главы о перерожденномъ и рожденномъ, или подвижническая фізіологія, 2) главы о молитвѣ; 3) главы созерцательныя (γυοστικαί), 4) главы нравственныя, 5) главы о дѣятельности и созерцаніи духовномъ, 6) главы параллельныя о добродѣтеляхъ и порокахъ; 7) въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря въ славянской рукописи (S. № 74) значатся сочиненія: а) къ настоятелю десять главъ, б) еже отмщати себѣ и не судити обидящихъ,—вопроси нѣкто отъ книжникъ старца постника. Наконецъ Никифоръ Каллистъ ⁴⁾ упоминаетъ еще о сочиненіяхъ Мар-

1) Hist. eccles. 14, 53, 54.

2) См. *Paniel Geschichte der christ. Beredsamkeit* s. 414, § 126.

3) *Bibliotheca cod.* 200.

4) Hist. eccl. 14, 54.

ка, въ которыхъ онъ «проходить всѣ пути подвижническаго житія». Можетъ быть здѣсь имѣются въ виду исчисленныя сочиненія. Вообще Маркъ былъ одинъ изъ болѣе плодovitыхъ писателей изъ египетскихъ аскетовъ, изъ сочиненій котораго издана доселѣ лишь незначительная часть.

Всѣ извѣстныя въ настоящее время сочиненія св. Марка имѣютъ какъ по внутреннему характеру и содержанию, такъ и по внѣшней формѣ чрезвычайно близкое сходство съ сочиненіями св. Макарія, что подало поводъ нѣкоторымъ патрологамъ сочиненія Макарія приписывать Марку ¹⁾. Это сходство доходитъ иногда до полнаго тождества въ выраженіяхъ ²⁾. Хотя Маркъ и не равняется Макарію ни по силѣ мысли, ни по степени идеально-мистическаго одушевленія, — но это сходство по внѣшней структурѣ рѣчи, по предметамъ и по общему направленію образа мыслей въ сочиненіяхъ несомнѣнно указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что оба проповѣдника жили въ одно время и въ одномъ мѣстѣ и были близки между собою столько же по духу, сколько по мѣсту пребыванія, при чемъ неизбежно имѣлъ мѣсто обмѣнъ мыслей между ними и непосредственное пользованіе однимъ сочиненіями другаго. Авторъ исчисленныхъ сочиненій, очевидно, былъ тотъ Маркъ, о которомъ, по сказанію Памладія, св. Макарій, бывший пресвитеромъ для отшельниковъ египетскихъ, говорилъ, что онъ принималъ св. тайны не отъ него, пресвитера Макарія, а отъ ангела ³⁾.

Подобно сочиненіямъ Макарія, всѣ творенія препод. Марка гомилетическаго характера и происхожденія. Почти всѣ они оканчиваются обычнымъ въ проповѣдяхъ 4 вѣка славословіемъ и заключительнымъ «аминь». Какъ произведенія Ма-

¹⁾ См. объ этомъ у Пания Geschichte der christl. Beredsamkeit, стр. 414.

²⁾ Слич. — напримѣръ, Макарія бесѣды 8, §§ 2 и 6 съ сочиненіемъ Марка объ умѣренности (de temperantia) §§ 26 и 27. Въ томъ и другомъ сочиненіи буквально читается: εἰπὲ ἡμίην, ἐν ποίοις εἰ μέτροις· отвѣтъ: ἀλλῆ ἄρα υἱὸς βασιλέως οὕτω φαρρεῖ τῷ Χριστῷ τοῦ θεοῦ ὡς πατρί. Еще сравни Марка opusculum VI, § 21 (начиная со словъ τὰ δὲ πράγματα οὕτως ἐστὶν съ словомъ о благодати Макарія § 12. Еще: § 28 opusc. 6 Марка съ тѣмъ же словомъ о благодати Макарія § 30.

³⁾ Лавсанъ, гл. 20.

карія они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни въ буквальномъ смыслѣ слова проповѣди—*собесѣдованія*, состоящія изъ вопросовъ (*ἐρωτήσεις*) учениковъ и отвѣтовъ (*ἀποκρίσεις*) учителя. Сюда относятся: о крещеніи (все состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, см. у Мнѣя *opusculum* 4), о воздержаніи (*opusculum* 6 состоитъ отчасти изъ вопросовъ и отвѣтовъ, отчасти рѣчь монологическая), состязаніе съ схоластикомъ (*opusculum* 7, состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ отчасти изъ монологическаго разсужденія). Ко второй группѣ, состоящей изъ бесѣдъ монологическихъ, принадлежатъ всѣ остальные (изъ изданныхъ) сочиненія Марка.

По своему содержанію поученія Марка, какъ и бесѣды Макарія, представляютъ, во-первыхъ, настойчивую и энтузіастическую проповѣдь внѣшнихъ аскетическихъ подвиговъ, воздержанія, поста, молитвы; затѣмъ проповѣдь самонаблюденія и самоиспытанія, а главнымъ образомъ представляютъ компетентную защиту ученія о свободѣ воли и чистаго евангельскаго ученія вообще—отъ еретическихъ заблужденій. За ту настойчивость и энергію, съ какими преп. Маркъ защищаетъ ученіе о свободѣ воли и прирожденной ей силѣ сознательнаго стремленія къ добру, сочиненія Марка были отнесены Римскою церковію къ числу пелагіанскихъ и включены въ *index prohibitorum*, хотя отнюдь не было сдѣлано того же съ сочиненіями св. Макарія, совершенно согласными въ ученіи о свободѣ воли съ сочиненіями Марка. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна бесѣда Марка о крещеніи (*opusculum IV de baptismo responsu ad eos, qui de divino baptismo dubitant*) посвященное всецѣло вопросу о свободѣ воли. «Докажи мнѣ, говоритъ здѣсь между прочимъ авторъ, что крещенные вовсе не могли исполнить заповѣдей о свободѣ воли (*τὰς ἐντολάς τῆς ἐλευθερίας*) и что для этого крещеніе недостаточно. Или же, если мы докажемъ, что они достигли этой силы, пусть сознаются (противники), что чрезъ благодать І. Христа они (крещенные) стали свободны, и потомъ опять отдались въ рабство грѣху, тѣмъ, что не исполнили всѣхъ заповѣдей, и слѣд. опять подчинены силѣ (*ὀποχείριος γεγόνεαι*). Пусть убѣдятся (противники) изъ Писанія (2 Кор. 7, 1): очистямъ себе отъ

всякія скверны плоти и духа. Ибо какъ можетъ рабъ грѣха очиститься отъ всякія скверны, если онъ не владѣеть свободой воли и находится въ узахъ грѣха? Если же ты имѣешь силу надъ своимъ страстями, знай, что ты побужденъ къ этому не внѣшнею силою (ἐξουσία), но по причинѣ свободного произволенія. Значить, то, что говоритъ св. Писаніе объ очищеніи (отъ всякія скверны), говоритъ свободнымъ, какъ свободныхъ убѣждаетъ не упорствовать въ тѣхъ своихъ мудрованіяхъ, а любить свободу, такъ какъ мы имѣемъ силу склоняться къ тому, что намъ хочется, будетъ ли то хорошее или дурное¹⁾. Такъ же энергически Маркъ говоритъ въ рѣчи о Мельхиседекѣ противъ ереси такъ называемыхъ Мельхиседекистовъ, которые утверждали, что Мельхиседекъ, ветховавѣтный царь и священникъ, есть Сынъ Божій. Въ этой, довольно длинной догматико-діалектической рѣчи проповѣдникъ не щадитъ даже своего отца, который принадлежалъ къ этой сектѣ²⁾.

Маркъ Аскетъ, по отзыву патрологовъ, одинъ изъ лучшихъ церковныхъ учителей между египетскими аскетами. Въ своихъ поученіяхъ онъ является великимъ знатокомъ человѣческаго сердца; рѣчь его вездѣ мужественно-сильна, убѣдительна и ясна, насколько то возможно при изложеніи того мистическаго ученія, какимъ преимущественно занятъ этотъ св. подвижникъ; доказательства его хорошо идутъ къ дѣлу и остроумны; библейскія изрѣченія онъ приводитъ умѣренно и всегда кстатѣ. Вообще въ немъ видѣнъ ясный и сильный мыслитель. Какъ обитатель пустыни и аскетъ онъ много занимается ученіемъ спеціально-аскетическимъ, но если бы для него была иная сфера дѣятельности, онъ могъ бы быть отличнымъ проповѣдникомъ жизненно-практическимъ³⁾.

1) Подлинный текстъ: "Ὅσα οὖν ἡ θεία γραφή περί καβαρισμοῦ ἀναλέγεται, ἕς ελευθέρους παραινεί τοῦ μὴ μένειν ἐν τοῖς τούτοις λογισμοῖς ἀλλὰ ἀγαπᾶν τὴν ἐλευθερίαν, ἐξουσίαν ἔχοντες, ρηπεῖν εἰς ὃ ἂν θέλωμεν, ἦτοι ἀγαθόν, ἦτοι κακόν. Migne, p. c. c. v. gr. t. LXV, col. 988—989.

2) Migne, t. LXV, col. 1117—1140.

3) См. Paniel, Geschichte... § 126. Φοτίᾳ χαρακτηρίζεται Μάρκος ἐν ταῖς λέξεσι: Σαφῆς μὲν ἐστίν, ὅσον ἐπὶ τῇ κοινότητι τῶν λέξεων, καὶ τῷ κεφαλαίωδῳ ἐξενηγέσθαι ἢ φράσις, εἰ καὶ μὴ πρὸς τὴν Ἀττικὴν ἐξηκριβῶται τὰ ὅλα γλῶσσαν,

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ его поученій «о постѣ» и изъ «собесѣдованія разума съ душею». Въ первомъ онъ между прочимъ разсуждаетъ: «По истинѣ, если мы отдаемся смиренію, мы не нуждаемся ни въ внѣшнихъ правилахъ дисциплины, ни въ увѣщаніяхъ. Все зло въ насъ происходитъ отъ нашей гордости (ἐπάρσις). Если самому апостолу данъ былъ пакостникъ плоти, чтобы дѣлать ему пакости, дабы онъ не превозносился, не тѣмъ ли болѣе подвержены вліянію сатаны мы—до тѣхъ поръ, пока не возвратимся къ смиренію? Наши прародители (προπάτορες) управляли своимъ домомъ, обладали богатствомъ, могли бесѣдовать съ самимъ Богомъ, именно потому, что были полны смиренія. А мы, (аскеты, монахи) отрелись отъ міра, презрѣли богатства, оставили свои жилища и—поруганы бываемъ демонами, и это за нашу гордость и самомнѣніе. Кто кичится, тотъ не знаетъ самого себя. Если бы онъ зналъ себя и свою скудость духовную, онъ не кичился бы. И кто не знаетъ самого себя, какъ можетъ познать Бога? Кто не могъ познать собственнаго неразумія, какъ можетъ обнять Божественную мудрость, отъ которой онъ такъ далекъ и для сужденія о которой онъ не имѣетъ ничего въ своемъ опытѣ? Кто знаетъ Бога и постигаетъ Его величіе (μεγαλωσύνην Ἐαυτοῦ), тотъ считаетъ себя ничтожнымъ и говоритъ подобно Іову (42, 5—6): *слухомъ уха слышахъ тя первъе, нынѣ же око мое видѣтъ тя; тѣмъ же укорихъ себе самъ, и истаяхъ и мно себе землю и пепелъ.* И такъ только тотъ, кто подражаетъ Іову, узритъ Бога и познаетъ его. И если мы хотимъ видѣть его, должны счесть себя ничтожными, и тогда будемъ не только лицезрѣть Его, но и можемъ обрѣсть Его въ насъ самихъ обитающимъ. Тогда наше безуміе умудрится Его мудростію, и наша немощь обратится въ крѣпость Его могуществомъ. Смиреніе содѣлаетъ то, что удостоившій насъ такого дара величественно прославится въ насъ, а врагъ дьяволъ постыдится, силою Господа нашего Иисуса Христа, коему слава, честь и держава во вѣки. Аминь».

εἰ δὲ ποῦ τὸ ἀσαρκεῖ ἐνοράται, τῷ δια πράξεως αὐτὰ πεφυκέναι μᾶλλον κατανοεῖσθαι, ἀναχωρεῖ τῆς διὰ τῶν λόγων ἐρμηνείας, οὐχὶ τὸ δυσκόλως εἰρησθαι.

Много прекрасныхъ мыслей высказываетъ проповѣдникъ въ «собесѣдованіи ума съ своею душею». «Слушай, разумная душа, сообщница моихъ намѣреній: я хочу сказать тебѣ тайну, которую полезно знать намъ обоимъ. Я увѣренъ, что причиною беспорядочныхъ движеній, которыя происходятъ въ тебѣ и во мнѣ, наше невѣжество... Вину свою мы иногда слагаемъ на Адама, на дьявола и на другихъ людей... Мы иногда думаемъ, что доставляетъ себѣ великую пользу, между тѣмъ какъ причиняемъ себѣ вредъ, напрасно подвергаемъ себя тяжкимъ трудамъ и безъ всякой пользы обременяемъ себя многими заботами. Мы строго исполняемъ внѣшнія добродѣтели, но не хотимъ обратить вниманія на внутреннія причины нашихъ пороковъ. Никакая внѣшняя сила не можетъ безъ нашего согласія принудить насъ ни къ добру, ни къ злу. Мы сами послѣ крещенія отдаемъ себя на служеніе Богу или дьяволу, и послѣ того или Богъ или дьяволъ исключительно имѣютъ надъ нами власть. Всѣ пороки наши происходятъ изъ двухъ источниковъ, которыхъ люди большею частію не примѣчаютъ — изъ честолюбія или угожденія чувственности. Уже склонность воли нашей показываетъ или пороки, или добродѣтели ея. Когда мы не слушаемъ Господа, воля наша склоняется на требованія злаго духа, который предлагаетъ намъ чувственныя удовольствія. Когда отвергаемъ внушенія порока и соглашаемся переносить всѣ неприятности для Господа: тогда воля наша склоняется къ Господу. Онъ вселяется въ сердце наше и обращаетъ оное къ истинѣ. Подобнымъ образомъ и дьяволъ, вошедши въ наше сердце, производитъ въ немъ всѣ пороки, которые долѣе умножаются, доколѣ люди не перестанутъ угождать дьяволу».

«Поелику ты, душа, поработила себя этимъ двумъ порокамъ и отдала себя во власть ихъ, то не обвиняй въ томъ ни Адама, ни дьявола, ни другихъ людей, но старайся освободить волю свою отъ порабощенія. Брань, которую ты должна вести, не есть внѣшняя, но внутренняя. Мы оба съ тобой должны будемъ сражаться не противъ ближнихъ, которые живутъ съ нами, но противъ внутреннихъ враговъ. Въ этомъ сраженіи не будетъ участвовать никто изъ людей. Мы будемъ имѣть только

одного помощника, который со времени крещенія тайно вселился въ насъ. Это есть непобѣдимый Христось, отъ котораго ничто не сокрыто. Онъ будетъ сражаться за насъ, если мы всѣ силы свои употребимъ къ тому, чтобы исполнять повелѣнія Его. Враги наши—чувственныя удовольствія и честолюбіе. И я и ты находимся въ рабствѣ у нихъ. Они увлекли въ заблужденіе Адама и Еву. Чувственное удовольствіе сказало имъ, что запрещенное дерево добро въ снѣдь и угодно очима видѣти, а честолюбіе присоединило къ тому: будете, яко бози, вѣдяще доброе и лукавое (Быт. 3, 5—6). Какъ первозданный Адамъ и Ева, преступивши заповѣдь Божию, начали стыдиться другъ друга, такъ и мы внутренними нашими очами видимъ себя обнаженными и чувствуемъ въ совѣсти стыдъ. И мы спиваемъ себѣ покрывало изъ листьевъ смоковницы, когда думаемъ оправдаться предъ Богомъ одними словами и дѣлами... Господь же предлагаетъ намъ одежду изъ кожъ, когда говоритъ: въ терпѣнїи вашемъ стяжите души ваши (Лук. 21, 19),—Ему же слава во вѣки, аминь».

Эти выдержки даютъ понятіе какъ о направленїи мыслей проповѣдника, такъ и о его манерѣ изложенія.

Антоній, Макарій, Исаія, Маркъ Аскетъ были главными представителями нравственно-аскетическаго типа проповѣди въ 4 вѣкѣ на Востокѣ. Ихъ проповѣдь имѣлъ, конечно, въ виду, хотя и не называетъ ихъ по именамъ, блаж. Иеронимъ, когда въ письмѣ къ Евстахію описывая подвиги Египетскихъ киновитовъ, говоритъ: «по окончанїи молитвы, когда всѣ сядутъ, тотъ, кого они называютъ аввой, стоя по срединѣ, начинаетъ бесѣду. Во время бесѣды бываетъ такая тишина, что никто даже не взглянетъ на другаго, даже не кашляетъ. Хвала говорящему выказывается въ плачѣ слушателей. Тихо кажутся слезы по щекамъ, а скорбь не прорывается даже стономъ. А когда начнетъ возвѣщать грядущее, о царствѣ Христовомъ, о будущемъ блаженствѣ и славѣ, ты увидишь всѣхъ съ сдержаннымъ вздохомъ и съ поднятыми къ небу глазами говорящихъ въ себѣ: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко голубинѣ, и

попещу и почию!»¹⁾ Какъ мы уже говорили въ началѣ и какъ видно изъ вышеизложеннаго, ихъ проповѣдь не была исключительно для монаховъ, не объ однихъ порядкахъ жизни монашеской трактовала, но болѣе или менѣе полно обнимала всѣ основныя истины правоученія общехристіанскаго, и нѣкоторые вопросы ученія догматическаго трактовались св. отцами—аввами съ такою компетентностію и глубиною, что твореніями ихъ Церковь пользуется какъ первоисточниками въ своемъ ученіи объ этихъ догматахъ. Уже св. Аѳанасій, составивъ «жизнь Антонія Великаго» и внеся въ нее его ученіе, сдѣлалъ это ученіе вѣдомымъ всему христіанскому міру. Лучшіе, болѣе знаменитые христіанскіе писатели и учителя, какъ блаж. Іеронимъ, Руфинъ, изъ восточныхъ св. Ефремъ Сиринъ, Епифаній Кипрскій, посѣщали египетскихъ отшельниковъ, внимали учительству ихъ аввъ и въ свою очередь не мало потрудились для распространенія ихъ твореній въ христіанскомъ мірѣ и уже отчасти въ IV, а главнымъ образомъ въ V вѣкѣ сочиненія св. отцовъ—аввъ египетскихъ обращались во всемъ христіанскомъ мірѣ и ихъ ученіе вошло въ составъ ученія общецерковнаго.

Н. Барсова.

¹⁾ Сочиненіе блаж. Іеронима въ русс. пер. т. I, стр. 137.

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Насталъ день рожденія Государя Императора 25-го іюня (1854 г.) Филаретъ, по его собственнымъ словамъ, издавна имѣвшій обыкновеніе въ болѣе важные царскіе дни не только служить литургію, но и говорить проповѣдь, хотя въ одинъ изъ Императорскихъ дней ¹⁾, естественно избралъ этотъ день нарочито для собранія во едино своихъ думъ по поводу современныхъ событій на политическомъ горизонтѣ. Онъ началъ свою бесѣду въ этотъ день (говоренную въ Успенскомъ соборѣ и, конечно, въ присутствіи избраннѣйшаго Московскаго Общества) тѣми словами, которыми въ сентябрѣ прошлаго 1853 г. встрѣтилъ Государя Императора: *время всякой вещи подъ небесемъ* и теперь даетъ имъ обстоятельное разъясненіе. «По наблюденію и ученію царственнаго Мудреца,—такъ начинается его бесѣда, — *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. 3, 1). Въ подобные нынѣшнему дни, при обзорѣни совершившагося года царской жизни Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, намъ представлялись по временамъ разные виды царскихъ подвиговъ и дѣяній—то побѣды, приобрѣтавшія миръ, то миръ,

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 6.

¹⁾ См. Письма Филарета къ викарію Иннокентію Сельно-Кривову въ *Приб. къ Твор.* 1871, XXIV, 486 и 1872, XXV, 51.

приобрѣтенный побѣдами, то царскія попеченія о возвышеніи благоустройства званій и состояній и правосудія въ государствѣ, то подвиги царской ревности о благѣ православной Церкви, то дѣла царскаго человеколюбія во дни общественныхъ бѣдствій, то спокойная твердость Россіи во время смуть и тревогъ Европы, то наконецъ сильная и безкорыстная помощь, поданная сосѣду и союзнику, для поддержанія потрясеннаго престола его. Дай Богъ, чтобы онъ такъ христіански былъ благодаренъ за сіе благодѣяніе, какъ христіански оно ему оказано ¹⁾. Чему время нынѣ? И нынѣ время благодарить Бога за побѣды на сушѣ и на морѣ: но сіи побѣды еще не завоевываютъ намъ мира, и даже нѣкоторыя изъ нихъ безстыдными лжеумствованіями обращены въ предлогъ къ умноженію намъ враговъ. По сему, нынѣ время особенно взирать на твердость царя нашего въ правдѣ предъ возрастающимъ числомъ враговъ. Изъявивъ рѣшимость оградить спокойствіе православія на востокѣ, по возможности безъ нарушенія мира, онъ никому не объявилъ войны, хотя и вызывали къ тому поступки не только открывающихся враговъ, но и мнимыхъ миротворцевъ. Но когда враги Христіанства объявили Россіи войну: нашъ царь принялъ ее съ упованіемъ на Бога. И когда двѣ христіанскія державы, которыхъ ничѣмъ не обидѣла Россія, и которыя въ посторонней для нихъ распрѣ признавали Россію правою, сверхъ ожиданія, объявили ей войну: нашъ царь не колебался принять и сію войну съ упованіемъ на Бога. Мысль о подвигѣ за правду онъ поставилъ выше мысли о возрастающемъ числѣ враговъ. Братія христіане!—взываетъ теперь витія къ слушателямъ: Братія Россіяне! При единодушій народа съ царемъ, которое такъ очевидно во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, отъ средоточія до предѣловъ Россіи, нынѣ особенно время всѣмъ намъ укрѣпляться въ духѣ, молитвою къ Богу, благоугожденіемъ Богу, упованіемъ на Бога, какъ совѣтуетъ и учитъ многоборимый нѣкогда, и многопобѣдный Царь Израилевъ: *мужайтесь, и да крѣпится сердце*

1) Увы! Австрія, о которой здѣсь рѣчь, слишкомъ скоро удвинула міръ своею черною неблагодарностію.

ваше, вси уповающіи на Господа (Псал. 30, 25). Или нѣкоторые думаютъ, что мужество есть такая изъ добродѣтелей, которую надлежитъ отдать на долю военачальниковъ и воиновъ? Не то думаетъ пророкъ. Онъ не говоритъ: мужайтесь всѣ военачальники и воины; но говоритъ: *мужайтесь вси уповающіи на Господа*. Упованіе на Господа есть обязанность и добродѣтель и воинствующихъ и не воинствующихъ: слѣдственно, и мужество есть обязанность и добродѣтель не только воинствующихъ, но и не воинствующихъ. Мужество воинствующаго — идти безтрепетно противу врага, — не терять присутствія духа при видѣ опасности, — не колебаться въ исполненіи повелѣній вождя и тогда, когда они кажутся очень трудными къ исполненію. — идти, когда нужно, и въ маломъ числѣ противъ многихъ, съ мыслию Маккавея, что *нѣтъ разнствія предъ Богомъ небеснымъ спасти во многихъ или въ малыхъ*: (1 Макк. 3, 18), — взирать на смерть за вѣру, царя и отечество, какъ на вѣнецъ жизни. Мужество воинствующаго и не воинствующаго христіанина — стоять твердо, по апостолу, во всеоружіи Божіемъ, въ препоясаніи истины, въ бронѣ правды, съ щитомъ вѣры, подъ шлемомъ упованія спасенія, съ мечемъ духовнымъ, иже есть глаголь Божій, въ обученіи готовности дѣйствовать къ миру и спасенію и другихъ, — не позволять себѣ ослабѣвать въ отраженіи стрѣлъ діавола, козней и прелестей міра, возмущеній плоти противъ духа, — не колебаться при встрѣчѣ съ страданіемъ и смертію на пути вѣры и правды, какъ не колебались мученики, — не малодушествовать при опасеніи лишенія временнаго благосостоянія, и при самомъ лишеніи сохранить благодушіе, чтобы благословить Бога, какъ Іовъ, — во времена, трудныя для цѣлаго общества, забывать собственные личныя трудности, чтобы ободрять и подкрѣплять другъ друга, и тѣмъ увеличивать общую силу къ перенесенію и облегченію общественныхъ трудностей. Если сверхъ общаго наставленія пророка: *мужайтесь вси*, желаемъ имѣть наставленіе о мужествѣ, ближе относящееся къ обстоятельствамъ настоящаго времени: мы найдемъ о семъ въ Евангеліи наставленіе выше пророческаго. Христосъ Спаситель, между прочими предреченіями о судьбѣ ветхаго Іерусалима и новой Своей Церк-

ви, указываетъ Своимъ послѣдователямъ на будущія брани. и заповѣдуетъ имъ быть мужественными: *Услышати имате брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтесь* (Матѳ. 24, 6). Господь даетъ и причину, почему при видѣ угрожающихъ событій мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите, говорить, не ужасайтесь, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти...* Если бы событія происходили случайно: то какъ разсудкомъ нельзя поставить предѣлъ угрожающему случаю, такъ нельзя было бы поставить предѣлъ страху. Но когда знаемъ, что событія происходятъ, не какъ случится: что жребій челоувѣковъ и челоувѣческихъ обществъ не преданъ неограниченно произволу и страстямъ челоувѣческимъ: когда помышляемъ, что всѣ явленія на зрѣлищѣ міра, не только благопріятныя, но и могущія потревожить и устранить, каковы — брани и слышанія бранемъ, бываютъ, какъ *подобаетъ быти*, по предусмотрѣнію Божію, подѣ невидимымъ управленіемъ Промысла Божія, въ направленіи къ благимъ цѣлямъ Божественнаго міроуправленія: тогда, хотя бы всѣ народы міра возстали, чтобы устрашить насъ, этотъ страхъ, если уповаемъ на Бога, можетъ быть такъ малъ, какъ малы предѣ Богомъ всѣ народы, а они, по слову пророка, *они кама отъ кади, и яко претяженіе въса амънишася* (Ис. 40, 15). Какъ бы ни велика была сила неправды, она не можетъ разрушить истиннаго блага вѣрующихъ и уповающихъ на Бога, — блага внутреннего и вѣчнаго, и благосостояніе внѣшнее и временное можетъ колебать не болѣе, какъ сколько попуститъ Богъ: а Онъ попускаетъ, растворяя Свой судъ милосердіемъ, защищая правыхъ, и побуждая къ исправленію согрѣшившихъ, дабы потомъ исчерпанную ими мѣру скорбей и лишеній наполнить утѣшеніемъ и воздаяніемъ. Итакъ, храни вѣру, правду, упованіе на Бога, и не будь боязливъ, вѣряя себя Божію Провидѣнію. Такъ должно понимать и исполнять слово Христова: *зрите, не ужасайтесь: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти*. Далѣе витія рѣшаетъ возраженіе: какимъ образомъ *подобаетъ быти* и такимъ событіямъ, какъ брани, слышанія браней, бѣдствія, страданія даже лучшихъ людей? Рѣшаетъ онъ это возраженіе путемъ историческихъ примѣровъ изъ ветхаго Завѣта и изъ

исторіи христіанскаго мученичества; а за тѣмъ въ заключеніе своей бесѣды естественно призываетъ къ довѣрчивости Промыслу и упованію на Бога, но подѣ условіемъ молитвы, удаленія отъ грѣховъ и хожденія по заповѣдямъ Божиимъ ¹⁾. Эта глубокообдуманная бесѣда святителя Московскаго должна была произвести сильное и глубокое впечатлѣніе не только въ Москвѣ, но и за предѣлами московской епархіи. И такъ какъ отъ предупредительности Филарета съ своими пожертвованіями на дѣло отечественное еще оставалась нѣкоторая тѣнь неудовольствія на него у Государя Императора, то для святителя Московскаго вдвойнѣ было пріятно, вскорѣ послѣ произнесенія означенной бесѣды, получить исходатайствованное ему извѣстнымъ вельможею того времени, другомъ и покровителемъ Филарета, княземъ С. М. Голицынымъ «милостивое слово Благочестивѣйшаго Государя Императора» ²⁾, у котораго въ Петербургѣ побывалъ князь въ концѣ іюня и въ началѣ іюля вернулся въ Москву. Послѣ такого облегченія души святитель съ большею осторожностію, но въ то же время, какъ истинный сынъ отечества, и съ большею ревностію сталъ относиться къ событіямъ отечественной войны, «забывая собственные личныя трудности въ эти времена, трудныя для цѣлаго общества, дабы ободрять и подкрѣплять другихъ и тѣмъ увеличивать общую силу къ перенесенію и облегченію общественныхъ трудностей». Такъ, слѣдя за ходомъ военныхъ событій, онъ между прочимъ писалъ слѣдующее намѣстнику Лавры Антонію отъ 29 іюля того же 1854 г.: «вы, вѣроятно, слышали объ опасности, которой подвергся великій князь Константинъ Николаевичъ на морѣ, испытывая новое небольшое судно въ вѣтеръ. Сперва сказали, что онъ получилъ даже болѣзнь: но потомъ сказывали мнѣ, что онъ, не потерявъ присутствія духа въ опасности, бывъ принятъ изъ воды на судно, занялся самъ греблею, и тѣмъ возстановилъ естественную теплоту тѣла и силу, и предохранилъ себя отъ болѣзни. Я поздравилъ

1) *Сочин. Фил.* V, 259—264.

2) См. *Письма Филар. къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 96. Письмо отъ 5 іюля 1854 г. Ср. также стр. 97.

его съ избѣжаніемъ отъ опасности» 1). На это поздравленіе потомъ въ августѣ полученъ былъ отъ великаго князя святителемъ и отвѣтъ 2). Затѣмъ отъ 21 августа святитель пишетъ тому же Антонію: «генераль Михайло Ивановичъ Чеодаевъ вновь благодарить 3) преподобнаго Сергія за воиновъ, которые получили отъ него кресты. Въ сраженіи подъ начальствомъ князя Бибурова сей отрядъ дважды былъ отбитъ многочисленнѣйшимъ непріателемъ, но не потерялъ духа, напалъ вновь, и разбилъ враговъ, и отнялъ пушки, потерявъ только 50 человекъ убитыми, но не мало имѣвъ раненыхъ» 4). Съ конца августа началась высадка непріятельскихъ войскъ у Евпаторіи, а 1 сентября, какъ мы говорили выше, началась и осада Севастополя. Въ виду этого новаго обстоятельства Филаретъ писалъ Антонію же отъ 15 сентября: «Помолитесь о браняхъ воинствующихъ въ Крымѣ» 5). Въ виду того же обстоятельства къ дѣйствующей въ Крымѣ арміи въ послѣдней половинѣ сентября отправились великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. 29 сентября въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ они встрѣчены были слѣдующею рѣчью святителя Московскаго: «Благовѣрные Государи! Слышимъ, что любовь къ отечеству влечетъ Васъ туда, гдѣ можетъ предстоять сильный подвигъ на защиту отечества, и что Августѣйшій Родитель благословилъ сіе желаніе Ваше. Такъ всѣ Сынове Царя нашего, каждый на своемъ поприщѣ, по своей мѣрѣ даютъ сынамъ Россіи примѣръ дѣятельной любви къ отечеству и ревности къ подвигамъ. И Россія благословитъ Вашу ревность. *Господь силъ съ Вами. Ангеламъ своимъ да заповѣдаетъ Онъ сохранить Васъ во всѣхъ путяхъ Вашихъ. Да опомнится Ангелъ Господень окрестъ болящихся Его на спасеніе, побѣду и славу!*» 6) Ужасающее число жертвъ кровопролитной войны Крымской требовало усиленнаго попе-

1) *Письма Фил. къ Ант.* III, 284.

2) Тамъ же, стр. 289.

3) Черезъ святителя Филарета, конечно, передававшаго Лазрскіе кресты войнамъ.

4) *Письма Ф. къ Ант.* III, 287.

5) Тамъ же, стр. 292.

6) *Соч. Фил.* V, 269.

ченія о раненыхъ. Сама Государыня Императрица и великія княгини взялись за высшее руководство этимъ дѣломъ милосердія и одна изъ великихъ княгинь уже въ концѣ октября выразила желаніе послать въ Крымъ для сей цѣли на свое иждивеніе сорокъ сидѣлокъ, и чрезъ это такимъ образомъ выражая свое участіе къ войнѣ, въ которой участвовали всѣ другіе члены августѣйшей фамиліи. При этомъ святителю Филарету предлагаемо было оказать свое содѣйствіе распоряженіемъ о вызовѣ желающихъ посвятить себя такому дѣлу изъ женскихъ монастырей его епархіи. Святитель, конечно, съ готовностію сдѣлалъ нужное къ тому распоряженіе. Но въ то же время нѣкоторые высказывали ему и мысли о томъ, «будетъ ли сіе благонадежно, и не будетъ ли искушеній, когда онѣ не приготовлены религіозными и нравственными внушеніями; и едва ли будутъ ограждены нравственнымъ надзоромъ и руководствомъ» ¹⁾. По долгомъ размышленіи, святитель самъ рѣшилъ «приготовить» означенныхъ сидѣлокъ «религіозными и нравственными внушеніями» и для сего воспользовался случаемъ отправления на служеніе раненымъ и больнымъ воинамъ дѣйствующей арміи партіи сердобольныхъ вдовъ изъ Императорскаго вдовьяго дома. Въ этомъ смыслѣ отъ 16 ноября онъ писалъ намѣстнику Антонію: «Празднуйте, отецъ намѣстникъ съ братією, радостно духовно ²⁾. А мнѣ, если будетъ угодно Богу, надобно завтра бесѣдовать съ сердобольными, идущими пещись о раненыхъ» ³⁾. И дѣйствительно, 17 ноября въ Маріинской церкви вдовьяго дома, святитель обратился къ сердобольнымъ вдовамъ съ слѣдующею бесѣдою, которая, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ полезна была и сидѣлкамъ не вдовамъ: «къ вамъ слово Церкви, сестры христіанскаго сердоболія о болящихъ, которыя Царскимъ челобѣтникомъ призываетесь нынѣ къ особенному подвигу христіанскаго попеченія о болящихъ отъ ранъ, полученныхъ на брани за вѣру, царя и отечество. Подвигъ, сколь необыкновенный для васъ и труд-

¹⁾ Письма Ф. къ Акт. III, 297; срав. 300—301.

²⁾ Праздникъ Никона преподобнаго 17 ноября.

³⁾ Письма Ф. къ Акт. III, 302.

ный, столь же благословенный и способный возбудить неослабѣвающее усердіе. Война—страшное дѣло для тѣхъ, которые предпринимаютъ ее безъ нужды, безъ правды, съ жаждою корысти или преобладанія, превратившеюся въ жажду крови. На нихъ лежитъ тяжкая отвѣтственность за кровь и бѣдствія своихъ и чужихъ. Но война—священное дѣло для тѣхъ, которые принимаютъ ее по необходимости, въ защиту правды, вѣры, отечества. Подвизающійся въ сей брани оружіемъ совершаетъ подвигъ вѣры и правды, который христіанскіе мученики совершали исповѣданіемъ вѣры и правды, страданіемъ и смертію за сіе исповѣданіе; и, пріемля раны, и полагая животъ свой въ сей брани, онъ идетъ въ слѣдъ мучениковъ къ нетлѣнному вѣнцу. Кто началъ нынѣшнюю войну? Народъ евѣрный, который не знаетъ правды, который живетъ угнетеніемъ христіанъ и христіанства. Кто еще противъ насъ?—Два народа, которые признали насъ правыми въ спорѣ, и потомъ присоединились къ нашимъ врагамъ, — два народа христіанскіе, которые соединились съ врагами христіанства, и приняли участіе въ угнетеніи православныхъ христіанъ. Противъ такихъ враговъ идетъ нашъ воинъ, по мановенію благочестивѣйшаго царя, сильнымъ, но миролюбивымъ словомъ защищавшаго единовѣрныхъ востока, не начавшаго, но въ упованіи на Бога принявшаго нанесенную несправедно войну. Итакъ, разсуждайте, къ кому относится будетъ служеніе, въ которое вы призываетесь. Не почли ли бы вы особеннымъ для себя благословеніемъ провидѣнія Божія, если бы вамъ дано было послужить мученику къ облегченію его страданій? Подобное благословеніе ожидаетъ васъ въ вѣрномъ исполненіи служенія, вамъ подлежащаго. Рана вѣрнаго воина, которую вы облегчаете обязаніемъ и врачевствомъ, свѣтитъ доблестію теперь, и будетъ сіять въ вѣчности. Если при пощеченіи вашемъ онъ возвратится съ пути смерти: вы заслужите благодарность не только его, но и отечества, которому возвращаете драгоцѣннаго сына. Если же суждено ему окончить земный путь, и прејдти въ отечество небесное: вы будете имѣть на небесахъ благодарнаго вамъ, и призывающаго на васъ благословеніе Отца небеснаго. Такъ размышляя, вы можете съ

благоговѣніемъ смотрѣть на предметъ вашего подвига, и тѣмъ умѣрять скорбь и страхъ, естественно производимые зрѣлищемъ страданій». Какъ этотъ страхъ, такъ и страхъ отъ близости войны и звука оружія витія внушаетъ побѣждать мыслию о такихъ достоподражаемыхъ примѣрахъ мужества и въ женщинахъ, какіе представляетъ исторія въ Девворѣ, Юдиѣи и Анастасіи Узорѣшительницѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ также наблюдать и въ продолженіи подвига постоянно благочестивую мысль, доброе намѣреніе, не лицемерную вѣрность въ подвигѣ, чистоту дѣятельности, молитву и нелицепріятность попеченія о больныхъ и раненыхъ ¹⁾. Такъ напутствовавъ сердобольныхъ вдовъ по пріобщеніи ихъ св. Таинъ, святитель благословилъ ихъ, сказавъ: «Идите въ мирѣ. Господь съ вами» ²⁾. И онѣ, отправившись на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ жестокая война продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ. Гибло много русскихъ отъ подавляющаго перевѣса численности непріятелей; но еще болѣе того гибло непріятелей какъ отъ русскихъ ядеръ, пуль и штыковъ, такъ и отъ холеры. Севастополь пока стоялъ непоколебимо, а Одессу непріятели оставили. «Англійскій парламентъ, — писалъ изъ Одессы отъ 21 декабря 1854 года Иннокентій Херсонскій, — кричить: почему не разорена Одесса? Но кричать легко, а сдѣлать не очень то удобно. Для этого надобно потерять имъ теперь полфлота, и то уже избитаго и бурюю и ядрами» ³⁾. Тѣмъ не менѣе и русскимъ было весьма плохо отъ непріятелей. «Да сбудется слово ваше», — писалъ отъ 29 ноября того же года А. Н. Муравьеву по прежнему зорко слѣдившій за событіями войны и прежнимъ взглядомъ смотрѣвшій на нихъ святитель Московскій, — «что бытолько православіе могло восторжествовать близъ купѣли святаго Владиміра ⁴⁾. Но долго продолжается крещеніе кровію. Слышимъ, что подвизающіеся взываютъ къ Господу силъ; за сіе слава Богу: но слы-

1) Соч. Фил. V, 281—284.

2) Тамъ, стр. 284.

3) *Чтен. отъ об. ист. и древн.* 1869, I, 153 уѣ. отд. Здѣсь же на стр. 152 есть свѣдѣнія и о холерѣ среди непріятелей.

4) Т. е. подъ Севастополемъ.

шится и то, что долженствующіе подавать въ семь примѣръ другимъ не всегда подаютъ его. Господь да вразумить ихъ, что вѣрна надежда на Него, а не на себя» ¹⁾. Въ послѣднихъ словахъ письма святитель имѣетъ въ виду то обстоятельство, о которомъ онъ самъ же еще 10 ноября писалъ намѣстнику Антонію: «слово о Богѣ послали въ Севастополь Государь Императоръ и Государыня Императрица. Онъ сказалъ воинамъ, что Господь воздаетъ имъ за подвиги. Она послала икону. Послѣднее сдѣлано едва ли не въ слѣдствіе того, что преосвященный Иннокентій ѣхалъ. говорятъ, въ Севастополь съ чудотворною иконою: но князь Меншиковъ отклонилъ его прибытіе въ Севастополь. Мы живемъ въ удивительномъ смѣшеніи мыслей и дѣлъ. Мнѣ пересказали сказанное одною значительною особою, что князь Меншиковъ не расположенъ къ преосвященному Иннокентію, считая его вольномыслящимъ: тогда какъ менѣе невѣроятно было бы. если бы такое мнѣніе имѣлъ преосвященный о князѣ. Простите меня. Господу помолимся» ²⁾. Въ этомъ же смыслѣ сказаны были Филаретомъ и нѣкоторыя части бесѣды его въ день святителя Николая Чудотворца и тезоименитства Государя Императора 6 декабря того же 1854 года въ Чудовѣ монастырѣ. Святитель начинаетъ эту бесѣду такими словами: «Какія полныя собранія въ церквахъ собираетъ нынѣ святитель и чудотворецъ Николай! Въ особенности это потому, что за соименнаго ему благочестивѣйшаго Царя нашего стремятся принести молитву вѣрноподданные: но и вообще нашъ православный народъ являетъ много усердія къ святителю Николаю, и любитъ чтить его память». И затѣмъ указавъ на нѣкоторыя черты изъ жизни святителя Николая, особенно достоитимыя и привлекающія христіанъ вообще и преимущественно россіянъ къ тому, чтобы давать имена Николая новорожденнымъ, примѣромъ чего служить между прочимъ и имя Императора, конечно съ тѣмъ, чтобы имѣть въ святителѣ невидимаго предстателя за

¹⁾ Письма Фил. къ А. Н. Мур. стр. 458.

²⁾ Письма Фил. къ Ант. III, 301—302; срав. стр. 317; срав. также Письма Фил. къ Алексію, стр. 133—134.

носящаго его имя, витія, въ заключеніе своей бесѣды, обращается къ святителю Николаю съ такою молитвою: «Представительствууй, купно и съ другими святыми, предъ Царемъ царствующихъ за тезоименитаго тебя Царя и за чтущее тебя царство. Враги, отъ невѣрія, нестроенія и жестокости которыхъ въ развалинахъ лежитъ твой Мирликійскій гробъ и градъ. и только ли?—отъ которыхъ страждутъ и святыя мѣста Христовы, — возстали противъ насъ, и, что не меньше удивительно, какъ въискорбно, нашли себѣ неестественное подкрѣпленіе въ сынахъ запада, которые воздвигли бурю разрушительныхъ страстей, покушаясь ослабить мирный свѣтъ православнаго востока. Господь силъ не оставитъ насъ. Онъ защитилъ отъ сильныхъ нападений враговъ и неукрѣпленный градъ и почти безоружную обитель: Онъ вооружилъ противъ враговъ нашихъ болѣзни и бури; Онъ даетъ нашему воинству непоколебимую твердость и силу противъ сильнѣйшихъ. И нынѣ, Отче, якоже нѣкогда Моисей отъ горы, или и паче Моисея, отъ небесе къ Живущему превыше небесъ, воздвигни твои молитвенныя неизнемогающія рудъ, да преодолѣнъ будетъ Амаликъ, неправедно нападшій на невраждующаго Израиля, и да возвратится Израиль побѣдоносно въ миръ и тишину, изъ которыхъ и не желалъ исходить». А наконецъ все же дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ слушателямъ: «Братія! По челоуѣколюбію небесному, сильнѣйшему земнаго, призываемый нами въ помощь святитель не презритъ насъ. Но мнится мнѣ, что онъ, подобно какъ нѣкогда избавленнымъ имъ отъ опасности мореплавателямъ, глаголетъ и намъ: *О чада! сердца ваша и помысленія на благоугожденіе Богу исправите. Аминь*» ¹⁾. Не смотря на вѣрность и мѣткость высказанныхъ здѣсь мыслей и взглядовъ, святитель Московскій, не довѣряя себѣ и боясь перетолкованія его словъ, пишетъ духовнику своему, намѣстнику лавры Антонію, отъ 7 декабря слѣдующее: «мнѣ хотѣлось послать вамъ, что говорилъ я вчера въ церкви, чтобы услышать, не представляются ли возраженія. Ибо я иногда какъ-то неволью попадаю на вопросы, на кото-

¹⁾ Соч. Фил. V, 284—288.

рыя нѣкоторый отвѣтъ кажется нужнымъ по времени, но на которые требуется отвѣтъ осмотнительный; а я обыкновенно по необходимости пишу и говорю на скоро. Но рукописи потребовали, и я отдалъ ее. Если напечатается, и прочитаете, и что замѣтите, прошу сказать мнѣ¹⁾. Дѣйствительно бесѣда Филарета была напечатана въ первомъ же ближайшемъ № *Московскихъ Вѣдомостей* (именно въ № 147 отъ 9 декабря), а затѣмъ и въ 1-й книжкѣ *Твореній Св. Отцовъ* за 1855 годъ и какъ не представившая сомнѣнiя ни для о. Антонiя, ни для кого другаго изъ обыкновенныхъ цензоровъ проповѣдей Филарета, была потомъ напечатана и въ 3-й части собранiя словъ и рѣчей Филарета изданiя 1861 года. Надобно замѣтить, что послѣ отъѣзда великихъ князей къ дѣйствующей армiи, состоявшагося, какъ мы помнимъ, въ концѣ сентября, сильно заболѣла Государыня Императрица, и привязанные къ Августѣйшей Матери горячею сыновнею любовiю, великiе князья рѣшились вернуться въ Петербургъ изъ Севастополя, при чемъ проѣзжали чрезъ Москву въ половинѣ декабря; Филаретъ однако совершенно не щадившiй своего хилаго здоровья для службы церкви и отечеству, по случаю приключившейся ему сильной болѣзни, не могъ встрѣчать ихъ лично, а поручилъ встрѣчу викарiю своему²⁾. Впрочемъ, услышавъ отъ нихъ чрезъ другихъ лицъ нѣкоторыя вѣсти о положенiи дѣлъ на югѣ, послѣшилъ сообщить эти вѣсти Антонiю въ такомъ видѣ: «слышалъ я, что и они, какъ другiе, находятъ укрѣпленiя непрiателей также трудными ко взятiю, какъ Севастопольскiя, и что сила непрiателей едвали уже не больше нашей. Единъ Богъ наша надежда. Воины наши одушевлены добрымъ духомъ». И затѣмъ въ томъ же письмѣ (отъ 18 декабря) и къ тому же лицу, по поводу только что изданнаго тогда (отъ 14 декабря) новаго манифеста о войнѣ, послѣдствiемъ котораго и было народное ополченiе 1855 года, Филаретъ пишетъ: «Слава Богу, что въ новомъ манифестѣ есть воззванiе къ Богу. А можетъ быть лучше было бы, если бы мы яснѣе исповѣдали, что не разъ

¹⁾ Письма Ф. къ Ант. III, 305—306.

²⁾ Тамъ же, стр. 307.

найденны были малоготовыми для отраженія враговъ, и только заступленіе Господне спасло насъ. Говорятъ, что въ сраженіи при Альмѣ силы наши были такъ неуравнительны съ непріятельскими, что если бы они сіе знали, могли бы тотчасъ бростись на Севастополь съ большою надеждою. Господь сокрылъ отъ нихъ сіе ¹⁾. Такъ закончился 1854 годъ. Еще болѣе скорбей принесъ съ собою новый 1855 годъ. Рѣзня подъ Севастополемъ продолжалась съ прежнею жестокостію, и великіе князья Николай и Михайлъ Николаевичи, послѣ того какъ здоровье ихъ Августѣйшей Матери поправилось, снова отправились къ дѣйствующей арміи и снова, проѣзжая чрезъ Москву, встрѣчены были (3 января) отъ святителя Московскаго, не смотря на болѣзненное состояніе послѣдняго, въ Чудовомъ монастырѣ рѣчью, слѣдующаго содержанія: «Благовѣрные Государи! Въ первомъ путешествіи вашемъ на подвигъ за отечество, мы сопровождали васъ общею молитвою, да *ополчится Ангелъ Господень окрестъ* васъ на спасеніе, побѣду и славу. Нынѣ съ молитвою соединяемъ благодареніе о васъ Богу. Вы раздѣлили съ неутомимыми защитниками отечества трудности и опасности; явили опыты неустрашимаго мужества; заслужили почестъ избранныхъ подвижниковъ брани: а стрѣлы враговъ пролетѣли мимо васъ. Когда забота о здравіи Августѣйшей Родительницы внезапно позвала васъ къ ней, и отторгла отъ подвига за отечество, мы готовы были сказать: довольно и сего подвига; да не умножаются еще безчисленныя заботы Августѣйшаго Родителя Вашего новою заботою о васъ. Но видимъ, что ревность къ подвигамъ за отечество движетъ души ваши не менѣе сильно, какъ и любовь къ родителямъ. И паки благословить отечество сію ревность. Еще поощрится мужество защитниковъ отечества вашимъ съ ними сподвижничествомъ. Еще молится, и будетъ молиться Церковь, да *падетъ* предъ вами *тысящи и тма* сопротивныхъ, и да сокрушится нога неправды, дерзнувшая наступить на предѣлъ Россіи» ²⁾. Къ глубокому

¹⁾ Тамъ же, стр. 307—308. Текстъ упоминаемаго здѣсь манифеста можно читать въ *Моск. Вѣд.* 1854 г. № 151.

²⁾ *Соч. Ф. V*, 292—293.

сожалѣнію, до полнаго сокрушенія ноги неправды было еще очень, очень далеко. Наоборотъ, эта нога все болѣе и болѣе дерзновенно и твердо наступала на предѣлы Россіи, пользуясь всѣми способами, чтобы какъ можно болѣе раздавить русскихъ. «Нѣкоторые благословно говорятъ,—читаемъ въ письмѣ святаго Филарета къ намѣстнику Антонію отъ 23 января 1855 года,—что человѣкъ мало дѣлаетъ однимъ собою, но болѣе или вышнюю помощь, или вмѣшательствомъ преисподнимъ. Изобрѣтать орудія, усиливающія убійство и гибель, или безъ нужды угождающія нетерпѣливости и ненасытной корысти человѣческой,—конечно не Ангелы помогали. Думаютъ ли это вышніе ежедневные изобрѣтатели золь?» ¹⁾ Убитыхъ и раненыхъ было такъ много, что тѣхъ и другихъ нерѣдко въ одинъ, а то и два дня не успѣвали унести или увезти съ поля сраженія. Подлинно «какъ труденъ подвигъ воиновъ—страдать отъ раны и не одинъ день ждать помощи!» взывалъ святаго Московскій въ письмѣ отъ 31 января и присовокуплялъ къ сему: «Господи! даруй имъ мученическую крѣпость духа, и мученическіе вѣнцы» ²⁾. Въ виду большой потребности въ значительной численности войскъ, за убылью наличнаго числа ихъ и въ виду усиленія численности войскъ непріятельскихъ, Государь Императоръ возымѣлъ мысль призвать государственное ополченіе, какъ мы сказали. Манифестъ о семъ послѣдовалъ 29 января 1855 года ³⁾. Въ слѣдствіе этого манифеста и для разъясненія смысла его Филаретъ счелъ нужнымъ, съ своей стороны, сдѣлать «наставленіе настоятелямъ монастырей, благочиннымъ монастырей и церквей, протоіереямъ и священникамъ соборовъ и церквей градскихъ и сельскихъ», состоящее изъ 14 пунктовъ, слѣдующаго содержанія: 1) приносить Господу Богу молитвы за Царя и отечество, предшествовать народу примѣромъ благочестія и непорочной жизни, поученіемъ въ церкви и внѣ церкви, назидательною бесѣдою въ предѣлахъ возло-

1) Письма Ф. къ Ант. III, 314.

2) Тамъ же, стр. 317.

3) Текстъ этого манифеста, равно какъ и относящихся къ нему по существу дѣла указовъ сенату и положенія о государ. ополченіи можно читать въ *Полн. Собр. Закон. Росс. Имп.* Собр. втор. т. XXX отд. 1, стр. 86—95, № 28991—28994.

женнаго служенія, по мѣрѣ возможности, руководствовать ближнихъ къ вѣрному исполненію обязанностей православнаго христіанина, вѣрнопогоданнаго и сына отечества—это всегдашній долгъ служителя алтаря. Особенныя обстоятельства могутъ потребовать особеннаго примѣненія сего долга, и въ семъ случаѣ каждый обязанъ съ особеннымъ вниманіемъ усматривать, что въ сихъ обстоятельствахъ можетъ сдѣлать полезнаго и то исполнять съ неослабнымъ усердіемъ. -- 2) *Брани и слышанія бранемъ* и соединенныя съ ними трудности для обществъ, семействъ и лицъ бывають не безъ Провидѣнія Божія, и это суть конечно не дары—награды, но посѣщенія Божіи къ испытанію и исправленію нашему. Посему въ такихъ обстоятельствахъ должны мы съ особеннымъ вниманіемъ испытывать предъ очами Божіими свою жизнь и дѣла, признавать свои недостатки и грѣхи, приносить смиренное покаяніе, дѣятельно побуждать себя къ исправленію, чрезъ что должна сдѣлаться твердою надежда на помощь Божію. -- 3) *Бысть, егда воздвизаше Моисей руки, одолѣваше Израиль, егда же опускаше руки, одолѣваше Амаликъ.* Изъ сего должны мы научиться, какъ нужна для приобрѣтенія Божіей помощи въ брани и какъ можетъ быть благоплодна неослабная молитва церкви и служителей ея. Да будутъ же и обыкновенное служеніе и особенныя молитвословія о помощи Божіей въ брани совершаемы не только безъ опущенія по необходимости, но и съ обиліемъ по усердію. При семъ воспоминаніемъ *и знаемаго вамъ возбуждаютъ вамъ чистый смыслъ мнѣ убо не мнѣюстно, вамъ же твердо.* Тщатися подобаетъ всегда, чтобы богослуженіе совершаемо было, по упомянутому чину, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, безъ произвольныхъ сокращеній, чтобы въ чтеніи и пѣніи ясно и раздѣльно слышимо было слово для разумѣнія предстоящихъ и для возбужденія въ нихъ духа молитвы, чтобы благоговѣніе къ святынь служителями церкви соблюдаемо было съ строгостію и народу внушаемо было съ любовію и кротостію, чтобы сельскіе священники не только праздничныхъ дней не оставляли безъ священнаго служенія, но и въ непраздничные совершали оное по возможности часто, не оправдывая своей недѣятельности тѣмъ, что прихожане мало посѣщаютъ храмъ,

потому что священникъ обязанъ молиться и за отсутствующихъ прихожанъ, и не они его, а онъ ихъ долженъ привлекать къ церкви.—4) Въ отношеніи собственно къ настоящимъ обстоятельствамъ отечества нашего, священнослужители должны изъяснять паствѣ, особенно же людямъ податныхъ сословій, что настоящая война, съ самаго начала своего, есть для насъ, русскихъ, война за святую вѣру, за Церковь Христову, Самимъ Спасителемъ насажденную на востокѣ, за православныхъ восточныхъ Христіанъ, страждущихъ подъ турецкимъ игомъ, что Англія и Франція въ союзѣ съ невѣрными Турками, врагами имени Христова, рѣшились за оказываемое Россією покровительство нашимъ единовѣрцамъ возстать на оную, дабы чрезъ то лишить восточныхъ Христіанъ единственной ихъ опоры и унижить православіе: что Промыслъ Божій въ истекшемъ году показалъ свою всемогущую помощь правому дѣлу отечества нашего отраженіемъ враговъ и гибелью ихъ, и что они, раздраженные неудачами, вновь собираютъ полчища свои, готовясь къ новой борьбѣ, къ новымъ враждебнымъ покушеніямъ, и потому безопасность отечества нашего требуетъ усиленія средствъ защиты его людьми, готовыми ополчиться по первому призыву царскому; что Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ, всецѣло возложивъ упованіе на Бога, твердо надѣется и на православный русский, искони приверженный къ вѣрѣ святой, искони преданный престолу народъ, всегда готовый отстоять родину непоколебимою русскою грудью и не дать врагу глумиться надъ вѣрой отцовъ нашихъ, разорять храмы Божіи и святыя обители; что служба государственнаго ополченія есть временная, послѣ которой всякій возвратится въ свое состояніе, въ свой домъ, къ прежнимъ своимъ занятіямъ; что служба сія есть священная, и кто на ней положитъ животъ свой, кто постоитъ до конца за домъ Божій и за Помазанника Господня, тотъ омоетъ грѣхи свои предъ Богомъ, и Церковь будетъ непрестанно о немъ молиться, какъ о вѣрномъ сынѣ своемъ; кто же съ поля брани возвратится съ честію, тотъ сохранитъ на всю жизнь въ сердцѣ своемъ сладостное чувство исполненія священнаго долга предъ Богомъ, Царемъ и отечествомъ. Священники, при изъясненіи

всего вышечисаннаго, должны постоянно имѣть въ виду высочайшіе манифесты, которые обнародованы съ начала сей войны и отъ святѣйшаго синода по всѣмъ церквамъ разосланы, и при удобныхъ случаяхъ возобновлялись въ памяти народа всѣ заключающіяся въ сихъ манифестахъ высокія изреченія Августѣйшаго Монарха. 5) Въ мѣстахъ, гдѣ происходитъ и произойдетъ составленіе государственнаго ополченія, священникамъ вмѣняется въ обязанность имѣть особенное духовное попеченіе о людяхъ, на коихъ падеть жребій поступить въ ополченіе, равно и о тѣхъ, кои по ближайшему съ ними родству требуютъ такъ же духовнаго назиданія. Поступающихъ въ ратники они должны наставлять не только быть исполненными чувствъ живой вѣры, мужества и строгаго искренняго повиновенія начальству, но и вести себя трезво, воздержно и вообще неукоризненно, помня, что чистое поведеніе низводитъ на людей благословеніе Божіе и даруетъ успѣхъ дѣлу. 6) Обязанность таковаго духовнаго попеченія о ратникахъ должна быть исполняема не только тѣми священниками, къ приходамъ коихъ принадлежатъ ратники, но и тѣми, чрезъ приходы коихъ они будутъ проходить. Тѣ и другіе должны напутствовать ихъ совѣтами, благословеніями отъ имени святой православной Церкви и молитвословіями съ окропленіемъ святою водою. 7) Настоятелямъ монастырей и пустынь поставляется въ обязанность, чтобы, при посѣщеніи ратниками обителей ихъ или при проходѣ ихъ чрезъ мѣста, гдѣ обители находятся, оказывали имъ во всѣхъ случаяхъ содѣйствіе наставленіями и совершеніемъ молебствій предъ мѣстною святыней, чудотворными иконами и святыми мощами Угодниковъ Божіихъ. 8) Гдѣ назначено будетъ мѣсто какой либо дружины ополченія, тамъ мѣстный благочинный или, по мѣстной удобности, приходскій священникъ, входитъ въ сношеніе съ начальникомъ дружины и съ дружиною, дабы, сколь можно часто, совершать для нея священнослуженіе и подкрѣплять усердіе ратниковъ назиданіями и въ то же время доносить о томъ мѣѣ, на случай надобности особаго распоряженія. 9) Такъ же должно воступать и въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя дружины будутъ проходить по маршруту. 10)

Всѣ упомянутыя молебствія и прочія священнодѣйствія должны быть совершаемы безмездно, единственно по чувству пастырскаго долга. — по вниманію къ высокому призванію ратниковъ быть защитниками Церкви и Отечества. 11) Взѣмается въ обязанность благочиннымъ посѣщать ввѣренныя имъ церкви, сколь возможно чаще, неослабно наблюдая, чтобы священники исполняли возложенный на нихъ священный долгъ съ благоразуміемъ, усердіемъ и упованіемъ на милость Божію, не оставляющую наше Отечество и видимо сохраняющую его. О тѣхъ священникахъ, если которые окажутся неисправными и неблагонадежными, доносить мнѣ безъ малѣйшаго промедленія. 12) Если встрѣтятся особенныя обстоятельства, которыя должны быть извѣстны начальству, или которыя требуютъ особеннаго наставленія, или разрѣшенія, въ такомъ случаѣ не только каждый благочинный, но и каждый священникъ обязанъ немедленно лично, или чрезъ почту, или чрезъ нарочно посланнаго діакона или причетника довести мнѣ для полученія наставленія или разрѣшенія. 13) Такъ же должны поступать и благочинные монастырей и настоятели монастырей. 14) Въ дѣлѣ общей нужды не всегда оправдателенъ отзывъ: это не мое дѣло. Общеплезнѣе и слѣдственно справедливѣе правило: вспомоществовать другому, какъ скоро усматривается нужда, *да будетъ братъ отъ брата поможемъ, яко градъ твердъ*. Посему настоятели монастырей, если узнаютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ священникъ какой либо церкви не удовлетворительно исполняетъ требуемое настоящимъ наставленіемъ, или сіе не можетъ быть исполнено по болѣзни или отсутствію священника, то отправляютъ для исполненія сего благонадежнаго іеромонаха, донося мнѣ въ то же время о сдѣланномъ распоряженіи и о причинѣ онаго¹⁾. Написалъ Филаретъ это «Наставленіе» къ 16-му февраля. Изъ предшествующаго мы могли видѣть, что самъ святитель и дѣйствовалъ, и съ церковной кафедрой училъ и въ письмахъ высказывалъ свои мысли по дѣлу военныхъ событій того времени совершенно согласно съ духомъ и тономъ этого «Наставленія»,

¹⁾ Душен. Утес. 1868, I, 145—150; срав. 1881, II, 466.

которое, за исключеніемъ административныхъ распоряженій, въ существенныхъ чертахъ и въ сокращеніи излагаетъ то, что по частямъ и подробнѣе мы видѣли уже въ приведенныхъ мѣстахъ его проповѣдей. Изъ этихъ послѣднихъ осталась не разсмотрѣнною теперь лишь одна, — бесѣда въ день памяти святителя Алексія, говоренная 12 февраля 1855 года въ Чудовомъ монастырѣ, на текстъ: *хвало же вы, братіе, яко вся моя помните, и яко же предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 11, 2). Въ этой бесѣдѣ нашъ витія, говоря о заслуживающихъ сохраненія благочестивыхъ и добрыхъ обычаяхъ нашихъ предковъ, по противоположности сему въ заключеніе говорить: «Пророкъ сказалъ въ обличеніе древнихъ Израильтянъ: *смѣсишася во языцехъ, и навъкоша дѣломъ ихъ; и поработаша истуканнымъ ихъ, и бысть имъ въ соблазнъ* (Псал. 105, 35, 36). Не надобно ли намъ, благочестивые Россіяне, взять изъ сего нѣкоторое наставленіе для нашей осторожности? Или наше иное дѣло, когда мы заимствуемъ нѣкоторыя чуждыя мысли, нѣкоторые чуждые обычаи, кажется, не языческіе, не отъ языческихъ народовъ? На сей вопросъ отвѣчать можно другимъ вопросомъ: что въ древнихъ народахъ языческихъ такъ опасно было для народа Божія, какъ подражателя, тому подлинно ли нѣтъ ничего подобнаго въ нынѣшнихъ народахъ, именующихся христіанскими; между тѣмъ какъ мы знаемъ, что у одного изъ нихъ ¹⁾ противухристіанское невѣріе и безбожіе съ дерзостію явилось въ нѣкоторыхъ умахъ и въ книгахъ, и перешло къ другому ²⁾; а у сего другаго не очень давно воцарено было государственнымъ закономъ; и нынѣ видимъ, что сіи же народы воздвигли яростную войну противъ христіанъ въ защиту враговъ христіанства?— Но удержимся отъ произнесенія суда на другихъ. Осудимъ наши погрѣшности и грѣхи. Принесемъ покаяніе Вземлющему грѣхи міра. Утвердимъ себя въ вѣрѣ отцевъ нашихъ. *Смиримся подѣ крѣпкую руку Божию, да насъ вознесетъ во время*

¹⁾ У англичанъ.

²⁾ Къ французамъ.

(1 Петр. 5, 6). Аминь» ¹⁾. И опять, не довѣряя себѣ, святитель-вигія посылаетъ эту бесѣду въ рукописи къ намѣстнику Лавры Антонію при письмѣ отъ 16 февраля, въ коемъ пишетъ: «Прочитайте, отецъ намѣстникъ, прилагаемую при семь рукопись. Годится ли сдѣлать ее извѣстною? Надобно ли указать намъ наши погрѣшности, если не для исправленія, по крайней мѣрѣ для признанія, къ смиренію нашему; или не надобно и говорить о томъ, чего не захотятъ исправить, чтобы не давать пищи бесполезнымъ пересудамъ? Какія по симъ вопросамъ, и кромѣ ихъ, придутъ вамъ на мысль замѣчанія, сообщите мнѣ ихъ, съ возвращеніемъ рукописи. Не жестоко ли слово о англичапахъ и французахъ, что у первыхъ родилось безбожіе, а у другихъ царствовало? Лучше ли было сказать о семъ, или умолчать?» ²⁾. Уже изъ того, что приведенная бесѣда, безъ всякихъ измѣненій, напечатана была и въ академическомъ изданіи: *Творенія св. Отцевъ* за 1855 годъ и въ собраніи словъ и рѣчей Филарета изд. 1861 г., ясно видно, что Филаретово недовѣріе къ себѣ было совершенно излишне. Бесѣда вполнѣ выражала въ приведенныхъ словахъ ея то самое, что въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ формахъ уже отчасти выражалъ и самъ святитель Филаретъ и что слѣдовало выразить въ настоящемъ случаѣ. А настоящій случай, т. е. настоящее положеніе дѣлъ Отечества было именно таково, что иначе его и охарактеризовать было не возможно. Ибо, вѣроятно по грѣхамъ нашимъ, враги и не христіане, а еще болѣе того христіане въ то время дѣлали войну противъ Россіи все болѣе и болѣе яростною и намъ еще далеко было до того, когда Богъ *насъ вознесетъ во время*. И это то, какъ мы говорили раньше, свело въ могилу великодушнѣйшаго, благороднѣйшаго, правдивѣйшаго изъ Императоровъ, ратовавшаго за правду противъ неправды враговъ -- нехристіанъ и христіанъ ³⁾. Въ то время, когда и писалась и произносилась Филаретомъ приведенная сей часъ проповѣдь и писалось рань-

1) Соч. Фил. V, 304.

2) Письма Фил. къ Ант. III, 319.

3) Сравн. мнѣнія современнѣе о томъ же въ *Русск. Архивъ* 1888, III, 259.

ше того приведенное «Наставленіе» по случаю ополченія, Императоръ Николай уже былъ боленъ тяжко, а 18 февраля и предалъ праведную душу свою въ рудѣ Божіи, о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ, къ изложенію котораго теперь и приступаемъ.

3. Тѣ мысли и чувства, которыя одушевляли внѣшнюю политику Императора Николая, и тѣ начала и правила, которыя руководили ею съ самаго начала его царствованія, характеризовали собою и внутреннюю политику его царствованія, лежали въ ея основаніи и были двигателями судебъ и явленій внутренней жизни Россіи за все тридцатилѣтіе этого царствованія, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь еще болѣе живѣ всѣми и во всемъ чувствовалось осуществленіе обѣта, даннаго Николаемъ при вступленіи на престолъ, — обѣта — «жить единственно для любезнаго отечества», и еще болѣе видна была «безпримѣрная дѣятельность» богато одареннаго отъ Бога силами духовными и тѣлесными Монарха. Всѣ органы управленія государственнаго чувствовали въ Немъ по истинѣ главу государства, исполненную глубокаго, всеобъемлющаго и проницательнаго ума, способнаго сразу вѣрно понять дѣло и быстро усмотрѣть тѣ или другіе, даже малѣйшіе недостатки въ исполненіи его. Этимъ объясняется невольное смущеніе всякаго, на кого хотя бы издали направлялъ свой взоръ Императоръ Николай. Не даромъ говорилъ о немъ одинъ изъ его современниковъ:

«Когда межъ насъ явился онъ,
 «Какъ ратникъ, вѣчно на походѣ,
 «Всегда какъ будто удрученъ
 «Заботой о своемъ народѣ;
 «Когда свой взоръ онъ къ намъ склонялъ,
 «Насквозь имъ душу проникалъ,
 «И въ сердцѣ каждаго читалъ,
 «Или коря, иль одобрялъ:
 «Смуцался каждый передъ Нимъ!»¹⁾

Но какъ во внѣшней политикѣ, — что мы уже и видѣли изъ вышеизложеннаго, — далеко не все зависѣло отъ намѣреній и

¹⁾ «Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева» въ *Русск. Арх.* 1888. III, 264.

воли нашего Монарха, такъ и во внутренней политикѣ, во внутреннемъ состояніи Имперіи не всегда можно было предвидѣть, «что родитъ находяй день», по выраженію святителя Филарета ¹⁾. При всемъ томъ даже и въ этихъ непредвидѣнныхъ случаяхъ для такого Императора, какимъ былъ Николай, оставался строго неизмѣннымъ въ своемъ осуществленіи вышеупомянутый обѣтъ — «жить единственно для любезнаго отечества». А между тѣмъ этими непредвидѣнными случаями внутренняя жизнь Россіи за 1825—1855 годы была богата почти не менѣе, какъ и внѣшняя политика ея за то же время. Ими, можно сказать, и началось царствованіе Николая Павловича, при чемъ мы имѣемъ въ виду ближе всего бунтъ декабристовъ, о которомъ уже упоминаемо было нами выше по другому обстоятельству и съ иной стороны. Теперь намъ предлежитъ войти хотя нѣсколько въ самую сущность дѣла декабрьскаго возмущенія и именно въ такой мѣрѣ, въ какой это нужно для уясненія какъ дальнѣйшихъ событій внутренней жизни Россіи, такъ и проповѣднической дѣятельности Филарета со стороны этой жизни.

Изъ обозрѣнія проповѣднической дѣятельности Филарета за время царствованія Императора Александра I мы знаемъ уже о зачаткахъ и цѣляхъ тайнаго заговора, послужившаго основаніемъ къ бунту декабристовъ. Къ счастью для Россіи, Александръ I, знавшій объ этомъ заговорѣ и о замышляемомъ царубійствѣ, въ послѣдніе дни своей жизни повелѣлъ схватить главныхъ заговорщиковъ и такимъ образомъ обезсилилъ партію, стремившуюся къ ниспроверженію правительства и существующихъ порядковъ, такъ что поэтому означенный бунтъ не имѣлъ тѣхъ широкихъ послѣдствій, какія замышляемы были заговорщиками, хотя случай къ тому и былъ самый благоприятный. Разумѣемъ обстоятельства, слѣдовавшія за кончиною Императора Александра I. и изъ сказаннаго нами выше болѣе извѣстныя намъ по тому, что происходило при этомъ въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточивался этотъ бунтъ. — Императоръ Николай Павловичъ до самаго открытія тайны престолонаслѣдія не зналъ о тайномъ семейномъ дого-

¹⁾ Письма Фил. къ Ант. III, 264.

ворѣ, которымъ, въ случаѣ смерти бездѣтнаго Александра, не Константинъ, а онъ (Николай) призывается былъ на престолъ величайшей въ свѣтѣ Имперіи и потому не готовился къ занятію этого высокаго положенія чрезъ предварительное ознакомленіе съ административнымъ механизмомъ государственной и подробностями народной жизни, для сего въ извѣстной степени потребное, тѣмъ болѣе. что и лѣта и здоровье Императора Александра не подавали и мысли о томъ, чтобы послѣдовала скорая перемѣна царствованія. Но Господу угодно было воззвать къ Себѣ Александра раньше, чѣмъ всѣ ожидали. 19 ноября 1825 года онъ скончался въ Таганрогѣ, а въ Петербургъ вѣсть о томъ пришла 27 ноября. Въ столицѣ сѣверной изъ главныхъ особъ Царствующаго Дома въ то время находились только вдовствующая Императрица — Матерь Марія Ѳеодоровна и великій князь Николай Павловичъ, изъ коихъ только Императрицѣ — Матери была отчасти извѣстна тайна вышеозначеннаго договора. Но ее, конечно, такъ сильно поразила громовая вѣсть о неожиданной кончинѣ нѣжно любимого сына — Императора, что ей въ тѣ минуты было уже не до благовременнаго открытія этой тайны. Главнымъ лицомъ въ Петербургѣ тогда былъ генераль-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, извѣстный герой войны 1812 года, облеченный отъ покойнаго Императора высокимъ довѣріемъ и обширными полномочіями по управленію Петербургомъ. Явившись однимъ изъ первыхъ въ Зимній дворецъ, графъ началъ принимать мѣры къ тому, чтобы всѣми принесена была узаконенная присяга Цесаревичу Константину Павловичу, объ отреченіи котораго онъ также не зналъ. Собрался и Государственный Совѣтъ. Предсѣдатель его князь Лопухинъ и членъ князь А. Н. Голицынъ поспѣшили объявить, что еще при жизни усопшаго Монарха переданы были въ Совѣтъ пакеты, имѣвшіе собственноручную надпись Его Величества: *открыть ихъ тотчасъ же послѣ моей кончины, прежде нежели приступитъ къ какимъ либо распоряженіямъ.* Но Милорадовичъ возразилъ, что прежде всего надобно исполнить долгъ вѣрноподданныхъ, и принести присягу. а потомъ уже прочесть волю въ Бозѣ почившаго Монарха. Тогда великій князь Николай Павловичъ первый про-

изнесъ присягу, — и всѣ послѣдовали его примѣру. Тотчасъ же разосланы были указы о присягѣ Константину I — и съ той минуты всѣ административныя мѣры приводимы были въ исполненіе именемъ новаго Императора. А между тѣмъ тотчасъ же послѣ присяги распечатаны были и роковые пакеты, хранившіе въ себѣ уже извѣстные намъ акты о престолонаслѣдіи. По прочтеніи этихъ актовъ, рѣшено было выждать окончательнаго изъявленія воли новаго Императора. Но сей послѣдній еще въ ноябрѣ, какъ только получилъ въ Варшавѣ скорбную вѣсть о кончинѣ брата, пришедшую туда, какъ мы говорили въ свое время, ранѣе, нежели въ Петербургъ. тотчасъ же послалъ сюда, чрезъ Августѣйшаго брата своего В. К. Михаила Павловича, на имя Императрицы Матери и брата Николая письма, въ которыхъ выражалъ твердую рѣшимость не уклоняться отъ принятаго однажды намѣренія. Письма эти все же пришли въ Петербургъ позже 27 ноября, когда ему принесена была присяга; однако и послѣ того, при возникшемъ между благородными духомъ Августѣйшими братьями великодушномъ спорѣ объ уступкѣ престола однимъ другому, Константинъ настоялъ на своемъ прежнемъ рѣшеніи и оставлялъ не распечатанными пакеты, которые присылались на его имя, какъ на имя Императора. Тогда великому князю Николаю оставалось одно — уступить въ великодушномъ спорѣ съ братомъ и принять бразды правленія, Богомъ ему назначенныя. 12 декабря обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о восшествіи Императора Николая I на престоль, съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ отреченія Константина отъ престола. причемъ на будущіе годы самый день восшествія на престоль положено было праздновать 20 ноября ¹⁾. Разосланы были вновь указы о присягѣ. 14 декабря по утру должны были присягать полки лейбъ-гвардіи, — и вотъ это-то время захотѣли избрать благопріятнымъ случаемъ къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ заговорщики, очевидно все подготовлявшіе къ тому съ перваго же момента извѣстія о кончинѣ Александра

¹⁾ См. *Моск. Вѣд.* 1825 г. № 101, гдѣ напечатаны и манифесты и приложенія къ нему.

и о замѣшательствахъ въ вопросѣ о престолонаслѣдїи, за нею слѣдовавшихъ. Раздалась въ городѣ ужасная и вмѣстѣ постыдная вѣсть, что часть означенныхъ полковъ взбунтовалась и не хотѣла присягать, что солдаты съ распущенными знаменами явились на сенатскую площадь и кричали: *ура, Царь Константин!* но что при этомъ нѣкоторые изъ лицъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье ¹⁾ и также прибывшихъ на площадь, кричали: *Конституцію!* Ясно было, какія мысли и желанія питали въ себѣ заговорщики, руководившіе дѣломъ этого бунта и увлекшіе часть простодушныхъ воиновъ мнимо справедливою мыслию о законности царской власти, перешедшей къ Николаю Павловичу. Нужна была сильная рѣшимость и быстрота дѣйствій, чтобы потушить въ самомъ началѣ загоравшееся пламя бунта. Графъ Милорадовичъ тотчасъ же явился среди бунтовщиковъ—солдатъ, которые, не смотря на полупьяное состояніе, въ которомъ находились, узнали героя отечественной войны 1812 года и совсѣмъ было начали успокоиваться его разъясненіями, какъ вдругъ изъ толпы заговорщиковъ выскочилъ одинъ человекъ въ партикулярномъ платьѣ (послѣ оказалось, что это былъ Каховскій) и выстрѣлилъ изъ пистолета въ Милорадовича, и не получившій ни одной раны въ двухъ стахъ сраженій герой въ слѣдующую же ночь умеръ вслѣдствіе раны, полученной отъ руки убійцы. Послѣ пораженія Милорадовича замѣшательство еще болѣе усилилось. Увѣщанія не только сановныхъ лицъ военнаго и свѣтскаго вѣдомства, но и такихъ, какъ первенствующій членъ св. Синода митрополитъ Серафимъ ²⁾, не дѣйствовали на обезумѣвшую и все болѣе и болѣе увеличивавшуюся толпу. Хотя и съ глубокимъ прискорбіемъ, но приходилось употребить въ дѣло военную же силу для прекращенія бунта. Первый шагъ новаго Монарха былъ крайне тягостенъ. Ему приходилось теперь выступать не столько съ милосердіемъ своего покойнаго

¹⁾ «Нѣсколько человекъ гнусаго вида во фракахъ», какъ сообщалось въ официальныхъ извѣстіяхъ того времени. См. *Моск. Вѣд.* 1825 г. № 102.

²⁾ См. *Воспоминанія М. М. Евреинова о м. Филаретѣ*, стр. 21. Москва, 1873. Срав. *Моск. Вѣд.* 1825 г. № 102.

брата, сколько съ строгостію Высшаго Блюстителя порядка. И онъ сразу обнаружилъ тѣ высокія качества своего духа, которыя отличали его и во всю остальную жизнь, производя неотразимое обаяніе на всѣхъ его подданныхъ, имѣвшихъ случай испытать на себѣ близость его присутствія. Съ геройскою неустрашимостію онъ самъ поѣхалъ въ толпу бунтовщиковъ и обратился къ рядамъ мятежныхъ войскъ съ словами кротости и убѣжденія возвратиться на оставленный ими путь долга и чести. Когда же убѣжденія Монарха Отца не подѣйствовали на безумцевъ, тогда Онъ явился во всемъ своемъ грозномъ величіи и велѣлъ вѣрнымъ полкамъ гвардіи стрѣлять въ бунтовщиковъ картечью, и горсть мятежниковъ была разсѣяна, а главные зачинщики были схвачены и преданы суду. Учреждена была слѣдственная коммиссія, которая вскорѣ раскрыла существованіе давнишняго и обширнаго заговора, бывшаго плодомъ тайныхъ обществъ, составившихся въ Россіи послѣ кампаній 1813—1815 года по примѣру подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ Германіи и Франціи, и имѣвшаго цѣлію испроверженіе существующаго порядка или путемъ постепеннаго преобразованія общества и государства, какъ думали одни изъ заговорщиковъ, или же путемъ насильственнаго переворота, какъ думали нѣкоторые изъ нихъ ¹⁾, при чемъ болѣе горячія и безумныя головы, какъ мы замѣчали выше, не чуждались мысли о цареубійствѣ и даже объ истребленіи всей императорской фамиліи. По желанію Императора Николая, любившаго всегда дѣйствовать честью и открыто, не только сущность, но и многія подробности раскрытаго слѣдственной коммиссіею были преданы гласности чрезъ напечатаніе въ столичныхъ вѣдомостяхъ ²⁾. Не смотря на сложность и важность дѣла, слѣдственная коммиссія, побуждаемая примѣромъ энергической дѣятельности Императора, скоро разсмотрѣла дѣло, и на основаніи ея разслѣдованій, манифестомъ 1 іюня 1826 года былъ назначенъ верховный судъ, который

¹⁾ Были попытки возмущенія и крестьянъ ложными толками о свободѣ. См. *Москов. Вѣдом.* 1826 г. № 42, гдѣ напечатанъ манифестъ по сему случаю.

²⁾ *Москов. Вѣдом.* 1826 г. № 5; сравн. №№ 1, 11 и др.

также не умедлилъ представить Императору свой приговоръ надъ преступниками (декабристами), въ числѣ коихъ главныхъ было 121 человекъ. Императоръ смягчилъ этотъ приговоръ¹⁾,— и вскорѣ вся Россія забыла печальный и постыдный эпизодъ своей исторіи—14 декабря 1825 года, особенно въ виду тѣхъ радостныхъ, высокаторжественныхъ событій, которыя вскорѣ за тѣмъ послѣдовали. Разумѣемъ ближе всего коронацію 22 августа 1826 года, въ виду которой слѣдственная коммиссія и спѣшила окончить означенное дѣло, какъ мы замѣчали раньше. И такъ какъ въ проповѣдяхъ самого Филарета печальныя событія декабрьскаго возмущенія разсматриваются между прочимъ по противоположенію ихъ радостнымъ событіямъ новаго царствованія, и ближе всего — коронаціоннымъ торжествомъ, то мы кстати поведемъ теперь рѣчь и объ этихъ послѣднихъ торжествахъ. Начало коронаціонныхъ торжествъ для Москвы, гдѣ и имѣла быть самая коронація, положено было еще весною 1826 г., именно прибытіемъ сюда Императрицы—Матери въ концѣ апрѣля сего года, ѣхавшей чрезъ Москву на встрѣчу возвращавшейся изъ Таганрога вдовствующей Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Въ Москвѣ Императрицу-Матерь, предъ вступленіемъ ея въ Успенскій соборъ, 30 апрѣля Филаретъ встрѣтилъ слѣдующею рѣчью: «Благочестивѣйшая Государыня! Нѣкто видѣлъ и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проникающая аки утро* (Пѣсн. П. 6, 9)?— Мы видимъ, и не какъ внезапно явившюся вопрошаемъ, но какъ всегда вождельнную Тебя призываемъ: *прииди, проникающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ послѣ глубокой предшествовавшей ноци, — восходящая, какъ тихая заря, предвѣстница новаго солнца, изъ Тебя Россіи возсіявшаго, нами съ петербургскимъ ожидаемаго. Прииди Матерь Царей! Отецъ свѣтовъ да благословитъ входъ Твой; и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду, вскорѣ увидѣтъ въ полнотѣ священной славы, уже сіюящаго Царскими доблестями Нико-

¹⁾ Тамъ же, №№ 47 и 59. Указъ о томъ послѣдовалъ отъ 10 іюля; манифестъ по тому же случаю—отъ 13 іюля 1826 года; а 21 іюня того же года Государь уже и прибылъ въ Москву для предстоящей коронаціи.

лая, — Твое и наше утѣшеніе»¹⁾. Эта блестящая рѣчь Филарета, по напечатаніи ея, была представлена, чрезъ князя С. М. Голицына, Ея Величеству Императрицѣ-Матери и благосклонно ею принята²⁾. Какъ намъ уже извѣстно, желаніе Императрицы-Матери соединиться объятіями любви съ Императрицею-Невѣсткою ея не осуществилось. Послѣдняя тихо скончалась на пути изъ Таганрога въ Бѣлевѣ 4 мая, и Императрица-Матерь, доѣхавъ на встрѣчу ей лишь до Калуги, отсюда снова вернулась въ Москву и такимъ образомъ встрѣтила холодныя объятія въ Бозѣ почившей Императрицы Елисаветы Алексіевны. особенно горячо помолившись о послѣдней при перенесеніи тѣла ея чрезъ Московскую губернію, въ г. Можайскѣ. Но въ замѣнъ скорби объ утраченномъ любимомъ существѣ для Царской Семьи готовилась радость о рожденіи новаго члена въ этой семьѣ. 14 мая супруга В. К. Михаила Павловича Великая Княгиня Елена Павловна благополучно разрѣшилась отъ бремени въ Москвѣ дочерію, которую, въ память о почившей Императрицѣ, и наименовали Елисаветою же. И въ этомъ то смыслѣ, по совершеніи благодарственнаго молебствія о рожденіи сей великой княжны Филаретъ 16 мая того же года въ каѳедральной Алексіевской церкви говорилъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, пребывавшей еще въ Москвѣ и оставшейся здѣсь до коронаціи, слѣдующую рѣчь: «Благочестивѣйшая Государыня! Если бы мы колебались предаться силѣ радости, которая возбуждается нынѣ въ сердцахъ нашихъ: то поощрило бы насъ къ тому слово самого Іисуса Хріста. *Жена, говоритъ Онъ, едва родитъ, — не помнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ міръ* (Іован. 16, 21). Если дитя, рождающееся какой либо матери, заставляетъ ее забыть скорбь матернюю: то Дитя, которое Богъ даровалъ и Высокой Четѣ, и вмѣстѣ Августѣйшему Дому, и всему многочисленному семейству Россійскаго народа. не должно ли всѣхъ привести въ *радость, не помнящую никакой скорби?* Вниди наипаче Ты, Великая Матерь, въ сію радость Твоихъ

1) Соч. Фил. III, 29.

2) Письма Фил. къ кн. С. М. Голиц. стр. 5.

дѣтей, и усугубь радость жаждущей радостнаго взора Твоего столицы. Возлюбленная Тебѣ и намъ Чета произвела Младенца, котораго возлюбить Россія: Ты во Младенцѣ семъ воскресила имя, которое любила Россія. Да даруетъ Богъ Тебѣ и Родителямъ Елисаветы видѣть ее цвѣтущею возрастомъ, и настоящую радость созрѣвающею неувядаемо¹⁾. Такъ искусно нашъ витія съумѣлъ сочетать здѣсь упоминаніе и' о бывшихъ скорбяхъ всероссійскихъ и въ настоящей о предстоящихъ радостяхъ Россіи. И такъ какъ Императрица Марія Ѳеодоровна не только воздѣйствовала на то, чтобы новорожденная внука ея была названа именемъ покойной Императрицы Елисаветы Алексіевны, но и благоволила быть ея восприемницей отъ купѣли, то сія новорожденная такимъ образомъ еще болѣе восполняла для нея потерю Императрицы Елисаветы, какъ крестная дочь ея, что и выразилъ Филаретъ въ другой рѣчи своей къ Царицѣ-Матери, сказанной въ той же Алексіевской церкви 13 іюня «по воспріятіи Ея Императорскимъ Величествомъ отъ святаго крещенія Благовѣрныя Государыни Великія Княжны Елисаветы Михайловны»²⁾. Рѣчь эту также, по напечатаніи ея, Филаретъ преподнесъ, чрезъ того же князя С. М. Голицына, Императрицѣ-Матери и Родителямъ великой княжны³⁾. Въ имѣніи князя С. М. Голицына, въ селѣ Влахернскомъ, или Кузминкахъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, Императрица и жила на дачѣ (съ 5 іюля) въ ожиданіи коронаціи⁴⁾. Но вотъ приближаться стало и время коронаціи. Торжеству коронаціи, кромѣ сей часъ описанныхъ дней, предшествовалъ еще одинъ высокаторжественный день: это—день рожденія новаго Государя Императора 25 іюня, въ первые тогда (въ 1826 году) праздновавшійся съ особою торжественностію. Такъ какъ къ этому времени уже извѣстны

¹⁾ Соч. Фил. III; 355.

²⁾ Тамъ же, стр. 356.

³⁾ П. Ф. къ кн. Гол. стр. 8.

⁴⁾ Восп. Евреин. о Фил. стр. 24. Срав. Моск. Вѣдом. 1826, № 53. А Великая Княгиня Елена Павловна съ своимъ супругомъ жила въ это же время на дачѣ близъ Кузминокъ въ Кусковѣ, въ имѣніи гр. Д. Н. Шереметева. См. Москов. Вѣдом. 1826 г. № 54.

были результаты дѣйствій слѣдственной комиссіи относительно декабристовъ, то Филаретъ въ своей проповѣди на этотъ день не могъ не коснуться событій декабрьскаго возмущенія, указать ихъ настоящее значеніе и дать соотвѣтственное наставленіе своимъ слушателямъ. Эту проповѣдь говорилъ онъ въ Чудовомъ монастырѣ на текстъ: *правда возвышаетъ языкъ: умаляютъ же племена грѣси* (Притч. 14, 34) и началъ такъ: «Священная обязанность собрала насъ нынѣ во святыи храмъ, дабы Виновнику всѣхъ благъ Богу торжественно принести благодареніе и молитву: благодареніе за даръ, низпосланныи отечеству нашему въ рожденіи Государя, праведно нынѣ царствующаго надъ нами; молитву — о продолженіи сего благодѣянія Божія, то есть, о благополучномъ продолженіи настоящаго царствованія. Сынамъ отечества, которые не младенчествоуютъ умомъ, не трудно уразумѣть, справедливо ли называю даромъ Божиимъ рожденіе Государя, законно и праведно царствующаго, и благодѣяніемъ Божиимъ въ особенности такое царствованіе, коего первый день содѣлался днемъ спасенія царственнаго благоустройства, отъ разрушительнаго вихря злобы, который внезапно исторгся было изъ пропастей безумія. Поелику даръ для всѣхъ и cadaго: то да будетъ и благодареніе за оный отъ всѣхъ и cadaго. Чѣмъ спасительнѣе благодѣяніе, тѣмъ пламеннѣе да будетъ молитва о продолженіи онаго. Но, — дѣлаетъ переходъ къ главной мысли наставленія проповѣдникъ, — какъ и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бываетъ благопріятна Богу, Который *даетъ* просящимъ *по сердцу* ихъ (Псал. 19, 5), и *воздаетъ каждому по дѣламъ его* (Римл. 2, 6): то надлежитъ знать, что тогда только можетъ имѣть вѣрный доступъ къ престолу Благодати молитва о царѣ и царствѣ земномъ, когда ей предшествуетъ или сопутствуетъ дѣятельная любовь къ Царю и царствію небесному». И далѣе, на основаніи слова Божія показавъ условіе, на которомъ утверждается судьба какъ царя и царскаго племени, такъ и царствъ и народовъ и которое въ сущности сводится къ тому, что выражается въ принятомъ за основаніе проповѣди текстѣ, нашъ витія искусно раскрываетъ и на основаніи понятія о свойствахъ Бо-

жѣихъ и на основаніи историческихъ примѣровъ, что дѣйстви-
 тельно *« правда, или добродѣтель, возвышала языкъ, то есть до-
 ставляла благоденствіе народу »*; а *« умалиши, то есть, въ низ-
 кое и бѣдственное состояніе приводили племена грѣси »*, что
 и требовалось доказать слушателямъ въ виду современнаго со-
 стоянія общества. Ибо *« если, --- по словамъ нашего витія, ---
 невнимательность и холодность къ вѣрѣ уменьшаетъ благого-
 вѣніе къ священной клятвѣ, и такимъ образомъ ослабляетъ
 союзъ вѣрности, соединяющій подданныхъ съ Царемъ и цар-
 ствомъ: а хитрость, еще къ большому ослабленію сего союза,
 не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею въ об-
 щемъ составѣ Государства особенные узлы свосвольныхъ со-
 умышленій и незаконныхъ скопищъ: великая утрата обще-
 ственной силы, которая состоитъ въ соединеніи! »* — Ясный на-
 мекъ на злоупотребленіе присягою въ декабрьскія смуты. Или
*« если различныя состоянія общества, отъ неправильнаго дви-
 женія страстей, подобно вывихнутію членовъ тѣла, выходятъ
 изъ свойственныхъ имъ мѣстъ и предѣловъ, не столько зани-
 маются своими обязанностями, сколько чужими, втѣсняются
 въ дѣла, со всѣмъ до нихъ не принадлежащія, напримѣръ,
 воинъ хочетъ законодательствовать; не призванный Церковію
 поставляетъ себя учителемъ вѣры; поселянинъ прилагаетъ ухо
 къ молвѣ о вольности, которой не понимаетъ, и которою не
 умѣетъ пользоваться; гражданинъ мечтаетъ о благородствѣ
 имени, не принадлежащемъ его званію, не поставляя въ спра-
 ведливую цѣну благородства духа, въ приобрѣтеніи котораго
 никто ему не препятствуетъ: что можетъ отъ сего послѣдо-
 вать, какъ не то, что и весь составъ тѣла Государственнаго
 производить будетъ нейтральныя и не здравыя движенія? »* и т. д.
 И къ сему святитель-витія не даромъ прибавляетъ внушитель-
 ныя слова *« имѣй уши слышати, да слышитъ »*. Современни-
 камъ его весьма понятно было то, что слышали уши ихъ. И толь-
 ко въ виду приближавшагося свѣтлаго торжества коронаціи ви-
 тія не употребилъ болѣе мрачныхъ красокъ для изображенія
 того, что было дѣломъ декабристовъ и послѣдствіемъ выяснен-
 наго комиссіею. А потому онъ заключилъ свою проповѣдь та-
 кими сдержанными словами: *« Благословенъ Богъ, Который до*

нынѣ правдою возвышилъ языкъ нашъ! Сила благодати Его да умалить въ насъ умялющіе племена грьхи. Аминь» ¹⁾. Да и на дѣлѣ незначительная горсть людей, пытавшихся связать своего рода клятвою или присягою «въ общемъ составѣ государства особенные узлы своевольныхъ соумышленій и незаконныхъ скопищъ» и увлечь простодушныхъ воиновъ съ тѣмъ, чтобы они стали законодателями, не должна была и не могла многомилліонному народу русскому мѣшать принять участіе въ исконномъ торжествѣ коронаціи, таинственно связующемъ законнаго царя народа съ народомъ и долженствовавшемъ предать забвенію декабрьскій «разрушительный вихрь злобы, который внезапно исторгся было изъ пропастей безумія» ²⁾.— На коронацію сановныя особы всѣхъ вѣдомствъ начали съѣзжаться въ Москву еще въ іюлѣ. 21 іюля прибылъ въ Москву и самъ Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругою Александрою Теодоровною и другими особами высочайшей фамиліи и по обычаю остановился въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ былъ встрѣченъ придворнымъ духовенствомъ въ облаченіи съ крестомъ и св. водою. 25 іюля происходилъ торжественный въѣздъ въ Москву изъ Петровскаго дворца; а 22 августа самая коронація. По церемоніалу, заранѣе утвержденному, въ священнодѣйствіи коронаціи первенствующимъ по старшинству былъ новгородскій митрополитъ Серафимъ, вторымъ по немъ кievскій митрополитъ Евгений, а Филаретъ Московскій только въ сей день возведенный на степень митрополита ³⁾,—третьимъ; но за то Филаретъ, по особому назначенію самого Государя, удостоился чести говорить ему рѣчь; и онъ сказалъ ее на славу. Рѣчь Филарета произнесена была имъ предъ вступленіемъ Его

¹⁾ Соч. Фил. III, 40—45.

²⁾ Едва только въ Петербургѣ Высочайше утверждёнъ былъ приговоръ надъ декабристами, какъ и въ Москвѣ, по Высочайшей волѣ, Филаретомъ совершенно было торжественное благодарственное молебствіе съ крестнымъ ходомъ. См. *Собр. мн. и отв. Филар.* II, 144 и дал.

³⁾ Замѣчательно то, что передаетъ по сему случаю современникъ событія, именно, что Филаретъ «не прежде возложилъ на себя бѣлый клобукъ, какъ отвесъ оный въ Чудовъ монастырь, положилъ его въ раку святителя Алексія, и какъ бы отъ него припаялъ оный и возложилъ на себя». *Восп. Евреинаова о Фил.* стр. 25.

Величества въ Успенскій соборъ для священнаго коронованія и муропомазанія. Вотъ эта замѣчательная рѣчь, также весьма искусно соединившая и воспоминаніе о печальныхъ обстоятельствахъ восшествія на престоль и мысль о настоящемъ свѣтло-радостномъ торжествѣ: «Благочестивѣйшій Государь! Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе. Нетерпѣливость вѣрноподданныхъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлил? ¹⁾ если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко Царь не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства. Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія?—Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея (3 Цар. 2, 5—8): не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: чтожь, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ. Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да ничнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести еиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и

¹⁾ Коронація Государя Императора Александра I была въ сентябрѣ того же (1801) года, въ которомъ въ мартѣ было и восшествіе его на престоль; коронація Императора Павла была также чрезъ 4 мѣсяца послѣ его восшествія на престоль, и т. д. Кромѣ того, изданнымъ въ мартѣ Высочайшимъ манифестомъ и самая коронація Николая I была объявлена, какъ имѣвшая совершиться въ іюнь 1826 г. (см. *Моск. Вид.* 1826 г. № 36). Умедленіе произошло въ ожиданіи окончанія суда надъ декабристами.

Твое царство. Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями Величества облеку свойства истиннаго Величества. *Помизаніе отъ Святаго* да запечатлѣть все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ¹⁾. Надобно замѣтить, что и двумъ старѣйшимъ митрополитамъ назначено было также говорить рѣчи при торжествѣ коронаціи, конечно, въ разное время, и при семъ многіе находили особенно хорошею рѣчь Кіевскаго митрополита Евгенія. Но вотъ что пишетъ о томъ по полученіи описанія коронаціи съ текстомъ всѣхъ трехъ рѣчей, Тобольскій архіепископъ Евгеній (Казанцевъ) своему родственнику, Московскому священнику И. А. Благовѣщенскому, отъ 23 сентября 1826 года: «рѣчь Евгеніева подлинно хороша. Но рѣшить трудно, чья лучше. Это зависитъ отъ вкусовъ. По мнѣ всѣ лучше, т. е. всякая въ своемъ родѣ²⁾. Для насъ же въ настоящее время болѣе всего важно то, что мы сказали о сочетаніи напоминанія о времени восшествія на престоль и мысли о настоящемъ торжествѣ и его значеніи. Торжество это въ разсматриваемомъ отношеніи и въ его значеніи для народа Русскаго особенно возвышало присутствіе на немъ столь великодушно отрешагося отъ престола величайшей въ свѣтѣ Имперіи Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, прибывшаго изъ Варшавы въ Москву предъ самымъ днемъ коронаціи. Торжество единенія народа съ Царемъ и Царя съ народомъ было полное. По рассказамъ очевидцевъ, Императоръ Николай возбудилъ особенный восторгъ народа слѣдующимъ своимъ, въ сущности обыкновеннымъ поступкомъ. Императоръ, послѣ своего коронованія, прослѣдовалъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ и облеченный во всѣ императорскія регаліи, изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскій, а отсюда къ красному крыльцу. Взошедши на верхнюю ступень крыльца, Государь обратился лицомъ къ неозримой массѣ народа, наполнявшей весь Кремль, и троекрат-

¹⁾ Соч. Фил. III, 49—50.

²⁾ Изъ рукописныхъ писемъ Преосвящ. Евгенія, хранящихся въ Моск. епарх. библиотекѣ.

нымъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ своихъ вѣрноподанныхъ. Восторгъ народа въ эту минуту положительно не зналъ границъ: громкіе неумолкаемые крики огласили воздухъ; безчисленныя шапки полетѣли вверхъ: толпы шумно волновались; незнакомые между собою люди обнимались и многіе плакали отъ избытка радости¹⁾. Коронаціонныя торжества продолжались и въ слѣдующіе за самою коронаціею дни въ тѣхъ или другихъ видахъ. Для простаго народа устроено было угощеніе на Дѣвичьемъ полѣ; при дворѣ и у многихъ болѣе или менѣе знатныхъ особъ были балы и вечера. Какъ на Дѣвичьемъ полѣ среди простаго народа, праздновавшаго царскій праздникъ, такъ и на многихъ изъ баловъ присутствовалъ самъ Государь Императоръ съ Императрицами и другими членами Августѣйшей фамиліи, и тѣмъ, конечно, еще болѣе оживлялъ празднества и одушевлялъ сердца всѣхъ любовью къ себѣ. По случаю коронаціи отъ престола новаго Императора излиты были многія и обыкновенныя и чрезвычайныя милости на всѣ сословія²⁾. Рядъ коронаціонныхъ торжествъ завершился путешествіемъ Императора и царской фамиліи въ обитель преподобнаго Сергія. При этомъ Филаретъ, какъ настоятель обители, встрѣтилъ въ ней Государя 25 сентября въ день памяти преподобнаго Сергія, новою рѣчью, слѣдующаго содержанія: «Боговѣнчанный Государь и Цомазанникъ Божій! Съ сихъ священныхъ высотъ, которыя предъ очами Твоими пять нескудныхъ достопамятностями вѣковъ привѣтствуютъ³⁾ сію минуту, которая умножаетъ достопамятности сего мѣста. Здѣсь, гдѣ Димитрій Донскій искалъ совѣта въ побѣдѣ, Петръ Великій—безопасности, многіе Твои предки и предшественники подкрѣпленія и ободренія духа, для великихъ подвиговъ великаго званія, —здѣсь являешься и Ты, чтобы положить Царственныя совѣты души Твоей предъ олтаремъ Тріпостаснаго Бога, при гробѣ избраннаго раба Божія. Новый, къ прежнимъ, под-

1) *Русск. Старина* 1883, XXXVIII, 9.

2) Тамъ же, стр. 11 и дал.

3) Въ отд. изд. и въ собр. 1835 года: «смотрятъ на»...—выраженія, нѣсколько напоминающія собою слова извѣстной рѣчи Наполеона I къ воинамъ въ Египтѣ.

вигъ царскаго благочестія! Новая посему надежда небесныхъ благословеній на Царя и царство. Если бы кто въ особенності спросилъ, что значить сіе путешествіе къ пустынному олтарию, вскорѣ послѣ царственныхъ молитвъ и царственнаго освященія Твоего въ Твоемъ первопрестольномъ градѣ: въ изъясненіе сего можно указать еще древнѣйшій примѣръ, какъ новый, но уже помазанный и *укрѣпившійся на царствѣ своемъ* Царь народа Божія отъ *кивота Господня*, бывшаго въ престольномъ градѣ Іерусалимѣ, восходилъ съ молитвою въ Гаваонъ, *къ скинии свидѣнія Божія, юже сотвори Моисей рабъ Божій въ пустыни*; тамъ особенно приближался къ Богу, просилъ отъ Него Царской мудрости и, за сіе превосходное прошеніе, преизбыточно награжденъ и мудростію, и богатствомъ и славою (2 Пар. I, 1-12). Таковыми воспоминаніями вразумляемые о духѣ настоящаго событія, мы вновь спѣшимъ, Благочестивѣйшій Государь, и здѣсь въ пустынѣ, подобно какъ прежде въ столицѣ, къ Твоей Царской молитвѣ присоединиться общими моленіями: *да дастъ Ти Господь по сердцу Твоему, и весь советъ Твой исполнитъ*, да пребудетъ *Вънецъ* Твой присносіяющъ мудростію, *Держава* Твоя непобѣдимо сильна правдою и благостію, *Скипетръ* Твой благодвиженъ посредствомъ закона и порядка; да содѣлается Царство Твое образцемъ царствъ благоуправляемыхъ, да сохранится Августѣйшее Семейство Твое, какъ образецъ семействъ благословенныхъ! 1)

Вскорѣ послѣ посѣщенія Лавры Сергіевой царская фамилія возвратилась въ Петербургъ; но то, что сказано было святителемъ Московскимъ Государю Императору въ Лаврѣ, какъ заключительное молитвенное благожеланіе, было какъ бы пророчествомъ, осуществившимся въ жизни и дѣятельности славнаго Монарха, начавшаго царствованіе свое съ подавленія крамолы, — какъ бы программю этого царствованія.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Соч. Фил. III, 51—52.

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Окончаніе *).

Воспрещеніе женщинамъ посѣщать мужскіе университеты нужно считать причиною возникновенія мысли объ учрежденіи *врачебныхъ* женскихъ курсовъ. Начало этому дѣлу также было положено Москвою. Въ Москвѣ есть такъ называемая Старая Екатерининская больница. При этой больницѣ мѣстные врачи открыли фельдшерскую школу, которую наши теперешніе «медички» не безъ нѣкотораго основанія называютъ «Московскою Академіею». Не безъ задней мысли учредители этой школы, называемой чаще «курсами», ввели довольно подробную программу преподаванія анатоміи. Практическія занятія по этому предмету производились даже на трупахъ. Такою постановкою преподаванія анатоміи фельдшерскіе курсы Старой Екатерининской больницы очень напоминали медицинскій факультетъ въ университетахъ. И вотъ женщины, не допущенныя въ университеты, ухватились за эти курсы и, нужно отдать имъ справедливость, — съ удивительною энергіею и ревностію стали изучать всѣ науки, которыя здѣсь были преподаваемы; но съ особенною любовію онѣ предавались занятіямъ по анатоміи. По словамъ Некрасовой, «цѣлые дни, съ ранняго утра до поздняго вечера, просиживали онѣ въ анатомическомъ театрѣ за работою надъ трупами, не чувствуя ни усталости, ни голода». Да и могла-ли русская ученая женщина най-

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 4.

ти для себя удовлетвореніе въ скромной долѣ простой фельдшерницы, когда всѣ мечты ея всегда были направлены къ «самостоятельности» и «независимости»? А какую самостоятельностью можетъ пользоваться простая фельдшерница, эта «слуга для посылокъ», эта «чернорабочая» какого-нибудь врача, полного «деспотическихъ инстинктовъ» мужчины? Вся ея дѣятельность ограничивается лишь приведеніемъ въ исполненіе мелочныхъ предписаній врача, — припарками, горчичниками, намазываніями и перевязками. Нѣтъ, не того хотѣлось ретивымъ ученицамъ фельдшерскихъ курсовъ при Старой Екатерининской больницѣ!.. Ихъ взоръ, послѣ потери надежды на университеты, былъ обращенъ туда, въ самый центръ разумной жизни, въ столицу русскаго государства — Петербургъ... Тамъ... Тамъ есть медико-хирургическая академія, такъ сочувственно относившаяся всегда къ женскому врачебному образованію, тамъ только можетъ быть и то, чѣмъ будетъ жить женское сердце..

Нужно отдать честь предчувствію женщинъ, хотя это предчувствіе имѣло для себя достаточныя и совершенно естественныя основанія. Дѣйствительно, въ это время наше правительство (разумѣемъ военное министерство) стало раздѣлять мысль о томъ, что женщина больше всего можетъ принести пользы въ области врачебной практики. Нужды военнаго времени, геройскіе подвиги женщинъ въ Крымскую войну, способность женщины жертвовать всѣмъ при ухаживаніи за больными, ихъ сердечность, утѣшенія, которыя «сестры милосердія» могутъ оказать раненымъ на поляхъ сраженій,—все это предрасполагало нашихъ дѣятелей по вѣдомству военнаго министерства въ пользу женщинъ, искавшихъ медицинскаго образованія. Но честь учрежденія при медико-хирургической академіи врачебныхъ курсовъ для женщинъ всецѣло принадлежитъ бывшему тогда главнымъ инспекторомъ военно-медицинскаго департамента и президентомъ медико-хирургической академіи, доктору *Н. И. Козлову*. Въ 1870 году онъ вошелъ въ медицинскій совѣтъ съ докладною запискою «объ образованіи женщинъ по врачебной части». Въ этой запискѣ онъ указывалъ на необходимость расширить медицинскія знанія женщинъ, посвятив-

шихъ себя врачебной практикѣ въ званіи фельдшеридъ и акушерокъ, въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, слѣдовало «передать акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, сдѣлавъ для каждаго изъ нихъ обязательнымъ полное изученіе практическаго акушерства».хлопоты Козлова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Медицинскій совѣтъ, не находившій никогда никакихъ препятствій къ допущенію женщинъ на медицинскіе факультеты университетовъ, остался вѣрнымъ себѣ и теперь: онъ вполнѣ согласился съ докладною запискою д-ра Козлова. И 5 мая 1872 года правительствомъ дано было разрѣшеніе на открытіе при С.-Петербургской медико-хирургической академіи «курсовъ ученыхъ акушерокъ». За матеріальными средствами также дѣло не стало. На содержаніе этихъ курсовъ одна г-жа Родственная пожертвовала цѣлыхъ 50,000 рублей!..

По правиламъ, которыя были утверждены военнымъ министерствомъ 8 іюля 1872 года, въ число слушательницъ «курсовъ ученыхъ акушерокъ» могли быть допускаемы только лица женскаго пола, не моложе 20-ти лѣтъ, получившія предвѣрительно полное образованіе въ институтахъ, женскихъ гимназіяхъ и равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ или-же имѣвшія вообще дипломъ на званіе домашней учительницы ¹⁾. Желавшія поступить на эти курсы, не позже 15 сентября, должны были подать инспектриссѣ курсовъ прошеніе съ приложеніемъ, надлежащихъ документовъ (метрическаго свидѣтельства о рожденіи, свидѣтельства или другого какого-либо документа о происхожденіи, аттестата объ образованіи). Независимо отъ представленнаго свидѣтельства объ образованіи, желавшія поступить на курсы должны были подвергнуться предъ приѣмомъ особому повѣрочному экзамену изъ предметовъ полнаго курса женскихъ гимназій ²⁾. Во все время пребыванія на курсахъ слушательницы были обязаны подчиняться во всемъ порядку, установленному для студентовъ академіи, а за право слушанія лекцій и пользованіе учебно-воспитательными учрежденіями

¹⁾ Положеніе о жен. курс. при Импер. медико-хирург. акад. для образованія ученыхъ акушерокъ, § 8.

²⁾ Ibid. § 10.

ми онѣ должны были ежегодно вносить по 50 руб. Форменнымъ платьемъ ихъ назначена была одежда, установленная для повивальныхъ бабокъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. т. е., платье коричневаго цвѣта и черный фартухъ съ нагрудникомъ.

Вѣсть о томъ, что правительство, наконецъ, разрѣшило открыть женскіе врачебные курсы (что сначала считалось даже немислимымъ) съ быстротою молніи облетѣла всѣ закоулки Россіи и привела нашихъ «ученыхъ» женщинъ въ такой восторгъ, который не поддается описанію прозаика. О женскихъ врачебныхъ курсахъ заговорило все. Встрепенулись дочери: сжималось сердце у родителей; въ семействахъ происходили распри. Но ничего не могли сдѣлать ни серьезныя увѣщанія отцовъ, ни просьбы матерей и ихъ слезы. Стремленіе дѣвицъ и молодыхъ женщинъ на Петербургскіе врачебные курсы, можно сказать, сдѣлалось повальнымъ. Ихъ пугала только мысль, что ихъ «могутъ не принять». На эту тему стали ходить изъ усть въ уста даже разнаго рода легенды: однѣ передавали «по секрету» отъ жандармовъ, что открытіемъ женскихъ врачебныхъ курсовъ правительство хотѣло только «успокоить умы», но что на самомъ дѣлѣ медико-хирургической академіи дано «конфиденціальное» приказаніе не принимать изъ женщинъ никого, для чего подвергать ихъ такому строгому экзамену, котораго-бы онѣ не въ силахъ были выдержать; другія, находя это «секретное» сообщеніе неосновательнымъ, утверждали, что экзамены предъ приѣмомъ дѣйствительно будутъ слишкомъ строги, но что эта строгость совершенно естественна и вызывается большою конкуренціею женщинъ, пожелавшихъ поступить на курсы: изъ самаго *достовернаго* источника онѣ узнали, что «уже теперь» было подано болѣе 400 прошеній, а вакансій объявлено всего только 30 и т. д.

Въ дѣйствительности прошеній о допущеніи къ приемнымъ экзаменамъ было подано 130; объявленныхъ вакансій считалось 70; но эта «норма» никого не стѣсняла: на курсы были приняты всѣ, удовлетворительно выдержавшія приемные экзамены, а такихъ изъ 130 оказалось только 86, въ томъ числѣ, конечно, большинство евреекъ, число которыхъ внослѣдствіи увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Какимъ-же характеромъ отличались эти курсы и какъ велось на нихъ дѣло «разширенія медицинскихъ познаній для женщинъ?» Какой характеръ должны были принять С.-Петербургскіе врачебные курсы, на это указывалъ уже даже и пріемный экзаменъ. Такъ, напр., на немъ тема для сочиненія была дана такая: «*Бѣлинскій*»,—тема, находящаяся очевидно, въ самой непосредственной связи не только съ предстоявшимъ образованіемъ «*ученыхъ акушеровъ*», но даже и съ ихъ будущимъ служеніемъ. Лучшей темы нельзя было и найти. Видно, что профессоръ былъ не чуждъ психологическаго анализа. На министерскія правила, конечно, не стали обращать совершенно никакого вниманія съ самаго начала, «ибо правила», какъ не безъ основанія замѣчаетъ г-жа Некрасова ¹⁾, «печатались, какъ то бываетъ почти всегда, чтобы значиться на бумагѣ», тѣмъ не менѣе дѣло, повидимому, шло такъ, какъ и слѣдовало ему идти на *женскихъ* курсахъ: съ разочарованіями, критическимъ отношеніемъ ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ вопросамъ, волокитствомъ и бѣганіемъ за молодыми студентами, со слезами, истериками и даже самоубійствами, получавшими. разумѣется, смыслъ геройскаго сомопожертвованія...

Примѣръ неуважительнаго отношенія къ министерскимъ требованіямъ стали подавать, конечно, сами начальствующіе. Такъ, министерствомъ было назначено для пріема только 70 вакансій; профессора признали это ограниченіе «нелѣпостью» и приняли на курсы 86 женщинъ ²⁾. Министерство предписывало принимать на курсы лишь женщинъ не моложе 20 лѣтъ ³⁾; профессора, которымъ, по всей вѣроятности, молодыя женщины нравились больше пожилыхъ, нашли это требованіе «безсмысленнымъ»,—и уже съ самаго начала стали принимать на курсы дѣвицъ девятнадцатилѣтнихъ и даже семнадцатилѣтнихъ ⁴⁾... Въ отношеніи-же курсистокъ они, напротивъ, съ точностію выполняли всѣ требованія... только не министер-

1) Стр. 78.

2) Е. Некрасова, стр. 66.

3) Положеніе о женскихъ курсахъ ученыхъ акушеровъ § 8.

4) Некрасова, стр. 67.

ства, а общепринятыхъ приличій, считающихся обязательными для каждаго свѣтскаго кавалера: по словамъ Некрасовой ¹⁾, они «были до того вѣжливы со студентками, что никто изъ нихъ никогда не позволялъ себѣ говорить со студенткою сидя, если послѣдняя стояла». Студентки, разумѣется, во всемъ старались подражать своимъ наставникамъ, а что касается выполненія министерскихъ требованій и «установленнаго порядка», который при поступленіи на курсы онѣ обязывались соблюдать съ точностію, — то въ этомъ отношеніи онѣ, безспорно, были наилучшими ученицами своихъ лекторовъ. О ношеніи форменной одежды и въ поминѣ никогда не было; вопреки запрещенію, курсистки рисовались куреніемъ табаку и курили чуть-ли не въ аудиторіяхъ; лекціи, на которыхъ всегда и обязательно нужно было присутствовать, онѣ посѣщали, только когда чувствовали себя «въ духѣ» или когда было у нихъ «свободное время». Особенно недовольны были курсистки репетиціями, посредствомъ которыхъ профессора хотѣли узнавать, насколько ихъ лекціи были усвоены слушательницами; курсистокъ приводило въ негодованіе то, что чрезъ эти репетиціи онѣ должны были тратить время и сидѣть надъ «толченіемъ» бессмысленной «галиматіи», набивая свои головы «разною чепухою». Не спѣшите, читатель, дѣлать упрекъ этимъ «труженицамъ» за отсутствіе любознательности или прилежанія. Любознательности у нихъ было много, даже, быть можетъ, больше, чѣмъ слѣдовало-бы, но только не къ той «ерундѣ», какою на врачебныхъ курсахъ имъ старались «набить головы». Жажда знанія у нихъ была такъ сильна, что имъ даже мало было врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи; по словамъ Некрасовой, одновременно онѣ добивались еще и права на посѣщеніе Владимірскихъ курсовъ (открытыхъ тогда въ С.-Петербургѣ и впоследствии преобразованныхъ въ *Бестужевскіе*), гдѣ онѣ слушали лекціи по ботаникѣ и химіи. Но такова уже самая природа женской любознательности.

Вѣрно нарисованный типъ столичной курсистки представилъ

¹⁾ Стр. 80.

В. Авсе́нко въ своихъ «письмахъ о женщинахъ»¹⁾. Онъ уясняетъ намъ все поведеніе курсистокъ и наглядно показываетъ, въ чемъ состоитъ собственно ихъ любовнательность, ихъ «жажда знанія». «Молодая женщина или дѣвушка, пріѣхавшая въ Петербургъ,—говоритъ Авсе́нко,—въ первое время кажется очень озабоченною своимъ новымъ положеніемъ, усердно бѣгаетъ на лекціи, абонируется въ дешевой библиотекѣ, толкуетъ о профессорахъ, о книгахъ, ищетъ сближенія съ болѣе развитыми, занятыми наукою курсистками: она вся охвачена новизною дѣла, въ ней шевелятся искусственно возбужденные умственные интересы. Но проходитъ мѣсяць, другой, и возбужденіе начинаетъ остывать. Кое-что изъ лекцій ей непонятно, кое-какія работы кажутся скучными; а главное, по мѣрѣ того, какъ она входитъ въ «храмъ науки», она замѣчаетъ, что тамъ, какъ и во всякомъ храмѣ, утоляется только жажда духовная, но насущнаго хлѣба молящіеся не получаютъ. Она убѣждается, что высшее образованіе, къ которому она стремилась изъ побужденій реальныхъ, гонимая толчками дѣйствительной жизни, ничѣмъ не обѣщаетъ помочь ей устроиться въ этой жизни; что, по окончаніи курса, она останется въ томъ же положеніи безпомощности и неизвѣстности, въ какомъ была раньше. Это сознаніе быстро усмиряетъ возбужденныя въ ней извнѣ научныя стремленія и приводитъ къ полнѣйшей умственной апатіи. Пребываніе на курсахъ сохраняетъ для нея лишь интересъ другого рода: дѣваться пока некуда, при томъ свобода, безсемейная обстановка, знакомства съ «учащимися юношами», вольность интеллигентной богемы, кружковыя дѣла, споры и союзы, «развивающее» чтеніе и болтовня на политическія темы, а при случаѣ маленькій собственный романъ, послѣ котораго чаще всего остается на душѣ невыразимая скверность»... Ясно послѣ этого, отчего слушательницы врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи бывали недовольными, когда имъ назначали релетиціи, и въ то же время добивались права на посѣщеніе одновременно и другихъ курсовъ.

¹⁾ Сиб., 1888, стр. 79—80.

Самое первое впечатлѣніе, полученное слушательницами еще при открытіи «курсовъ ученыхъ акушеровъ», было неприятное и невыгодное. Открытіе курсовъ происходило 1 ноября 1872 года. Предъ совершеніемъ молебствія почетная инспектрисса курсовъ М. Г. Ермолова размѣстила всѣхъ слушательницъ въ ряды, а сама стала въ сторонѣ вмѣстѣ съ г-жею Родственною. Это крайне не понравилось свободолюбивымъ искательницамъ высшаго образованія. «Представлять изъ себя институтокъ намъ даже не по лѣтамъ!» говорили онѣ самымъ обидчивымъ тономъ ¹⁾. Такое же впечатлѣніе было вынесено ими и изъ первой лекціи. Въ то время, когда профессоръ читалъ о чемъ то свою прескучную лекцію, его слушательницы, конечно, какъ это и быть должно, завели между собою довольно оживленные разговоры о «своихъ дѣлахъ», — и вдругъ — о, несправедливость людская! — присутствовавшая въ классѣ та же самая «отвратительная» личность, именуемая инспектриссою, заставила ихъ замолчать!... Какая горькая обида!... Неужели же эти молодыя женщины тащились въ Петербургъ изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ Россіи для того только, чтобы ими «командовала» какая то темная личность?! «Одно мнѣ не нравится, — писала студентка врачебныхъ курсовъ тотъ часъ по возвращеніи изъ первой лекціи ²⁾, — это положеніе школьницъ, въ которое насъ ставятъ... Напримѣръ, сегодня на лекціи присутствовала инспектрисса и — *шквала!* Мы шумѣли, это правда; но... тѣмъ не менѣе стало скверно, когда сзади раздалось ш—ш—ш!»...

Единственное утѣшеніе, которое оставалось на долю слушательницъ, это знакомство со студентами медико-хирургической академіи и товарищескіе кружки. Но злые люди хотѣли отнять у несчастныхъ слушательницъ даже возможность и этого удовольствія, которое одно изъ всей курсовой обстановки могло оставить отрадное впечатлѣніе въ душахъ ихъ на всю жизнь. Швейцару было строго на строго приказано (и все это дѣлала «противная» инспектрисса!) удалять студен-

1) Е. Некрасова, стр. 70.

2) Ibid. стр. 72.

товъ изъ аудиторій, когда въ нихъ находились слушательницы. Но къ счастію послѣднихъ, никто не можетъ издать такихъ законовъ, которыхъ вельзя было бы «обойти». То же самое случилось и съ этимъ распоряженіемъ. Ни старый швейцаръ, ни даже сама инспектрисса не были въ силахъ выполнить его, когда послѣ лекцій студенты и студентки высыпали массами въ корридоръ. «Тогда хоть десять инспектриссъ призови.—съ нами ничего не подѣлаешь!» писала по этому поводу одна студентка ¹⁾. А что дѣлалось за стѣнами медико-хирургической академіи,—о томъ, конечно, и говорить нечего. Даже г-жа Некрасова довольно откровенно рассказываетъ о томъ, какъ часто студенты и студентки встрѣчались въ аудиторіяхъ, какъ вмѣстѣ ѣздили они въ театръ въ такъ называемую «студенческую ложу» и какъ дорожили этимъ товариществомъ «ученыхъ» дѣвицы. Да, природа женская ясно сказала и здѣсь. «Самая походка, какою студентки входили въ храмъ науки, говоритъ Авсѣенко ²⁾, заставляла нерѣдко предполагать, что онѣ ошиблись дверью».

Невыгодныя условія жизни, на которыя рѣшились женщины при поступленіи въ число слушательницъ с.-петербургскихъ «курсовъ ученыхъ акушеровъ» сказались скоро. Изъ 86 первыхъ слушательницъ двѣнадцать умерло даже до окончанія курса; изъ нихъ восемь умерли отъ чахотки, двѣ отъ тифа и двѣ покончили самоубійствомъ: одна повѣсилась, другая приняла синильной кислоты ³⁾. Дѣло, имѣвшее вначалѣ видъ комедіи, получило трагическій конецъ...

Что касается отношенія русскаго общества къ женщинамъ—

1) Ibid. стр. 79. Между тѣмъ бывшая начальница Одесской танжзи, О. Пиллеръ, еще и теперь требуя для женщинъ свободнаго доступа въ университеты, «во избѣжаніе могущихъ быть толковъ, что дѣвушкамъ не годится быть въ одной аудиторіи съ молодыми людьми», совѣтуетъ нашему правительству «взять за образецъ Бельгію, гдѣ дѣвушкамъ уже разрѣшено посѣщать университетъ, и гдѣ студентки хотя и сидятъ съ одной аудиторіи со студентами, но приходятъ и уходятъ на лекціи *въ сопровожденіи классной надзирательницы*, чрезъ особый ходъ, исключительно для нихъ предназначенный». Итоги женскаго образованія Спб. 1888 г. стр. 166. Какое наивное сужденіе!...

2) Письма о женщинахъ. Стр. 77.

3) Некрасова стр. 96.

врачамъ, вышедшимъ изъ врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи, то сначала оно было крайне неопредѣленнымъ. Впрочемъ, малосвѣдущее новгородское земство уже въ 1878 году пригласило—было къ себѣ на службу этихъ курсистокъ и предоставило имъ должности участковыхъ земскихъ врачей. Но министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же году 18 августа увидѣло себя вынужденнымъ разъяснить земству, что есть разница между врачомъ и акушеркою,—и новгородское губернское правленіе циркуляромъ своимъ «оповѣстило всѣ уѣздныя управы этой губерніи, что медицинскій совѣтъ, рассмотрѣвъ права лицъ, окончившихъ женскіе врачебные курсы, журналомъ отъ 31 мая, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не счелъ себя въ правѣ разрѣшить этимъ лицамъ заниматься врачебною практикою». И женщинамъ новгородское земство предложило оставить предоставленные имъ мѣста участковыхъ земскихъ врачей.

Положеніе женщинъ-врачей измѣнилось къ лучшему послѣ нашей послѣдней войны съ Турціею, когда онѣ, въ качествѣ «сестеръ милосердія» и фельдшерицъ, оказали себя способными къ геройскимъ подвигамъ и съ самопожертвованіемъ посвящали себя уходу за больными и ранеными. 30 іюля 1880 года покойный Государь далъ женщинамъ, получившимъ медицинское образованіе, право самостоятельной врачебной практики и даже пожаловалъ имъ для ношенія на груди особый значекъ. Съ этихъ поръ число женщинъ-врачей стало быстро увеличиваться. Въ этомъ отношеніи Россія превзошла всѣ европейскія государства: у насъ въ настоящее время числятся 472 женщины, которыя имѣютъ врачебную практику, тогда какъ, напр., въ Италіи, гдѣ женщины получали докторскіе дипломы еще въ XVI вѣкѣ, теперь практикуютъ только шесть женщинъ-врачей, изъ которыхъ три прибыли туда изъ нашей Одессы ¹⁾.

Но что сказать о врачебной практикѣ нашихъ женщинъ съ

1) Это—Матильда Доссалесъ-Этнеръ, получившая дипломъ доктора въ 1887 г., Анка Кулешова и Эрнестина Пенеръ, также получившія докторскіе дипломы въ томъ же году.

лѣкарскими и докторскими дипломами?—Вопросъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ,—тѣмъ болѣе, что большинство ихъ пациентовъ уже отправилось въ вѣчность и ихъ мнѣнія остались для насъ тайною навсегда; другіе, «по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ», оставшіеся въ живыхъ даютъ отзывы неодинаковые. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ г. Авсѣенко ¹⁾, что женщина охотно берется за всякую службу, а въ томъ числѣ и за врачебную практику, и работаетъ довольно дѣятельно, по обыкновенію только до выхода замужъ: семейныя обязанности, уже по требованію самой природы, инстинктивно, женщина всегда поставитъ выше всякихъ другихъ требованій ²⁾.

Въ наше время, конечно, уже никто не станетъ возражать

1) Письма о женщинахъ, стр. 67.

2) Профессоръ Бишофъ далъ слѣдующій отзывъ о врачебной дѣятельности женщинъ: «переполненіе класса врачей неспособными и полуобразованными женщинами—врачами,—а такихъ только и можно ждать изъ среди женщинъ,—задерживаетъ и мѣшаетъ развитію медицины, какъ науки самымъ вреднымъ образомъ». О. Пиллеръ, Итого женскаго образованія. Слб. 1888. Стр. 227. Не менѣе интересенъ и отзывъ извѣстнаго доктора Шарко. Недавно въ Сорбоннѣ *русская* женщина—врачъ г-жа Каролина Шульце защищала докторскую диссертацию, озаглавленную «женщины—врачи въ XIX столѣтіи»; она доказывала, что женщины—врачи будутъ имѣть блестящую будущность. Противъ этого мнѣнія рѣшительно возсталъ знаменитый Шарко, заявившій, что медицина не можетъ быть профессіей женщины. «Женщина-врачъ всегда будетъ лишь исключеніемъ, заявилъ Шарко. Исключительныя женщины есть во всѣхъ родахъ,—въ искусствѣ, наукѣ, литературѣ. Были даже такія женщины, которыя носили оружіе, и однако военное дѣло вовсе не составляетъ призванія женщинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что лишь только женщина избретъ профессію, свойственную только мужчинамъ, она никогда не довольствуется второстепенною ролью, она хочетъ играть и непременно первыя роли. Женщины, занимавшіяся, напр., военнымъ дѣломъ, какъ вамъ извѣстно, желали играть лишь роли генераловъ, но никакъ не солдатъ. Теперь женщины—врачи. Съ самаго же начала онѣ желаютъ занять мѣста интерновъ въ госпиталяхъ. Онѣ готовы заниматься медициной въ большихъ городахъ, но отнюдь не въ деревняхъ. Эта претензія ненормальна и несогласна съ самымъ существомъ дѣла. Это не эстетично, сударыня, обратилъ въ заключеніе г. Шарко къ докторантшѣ. Вы красивы, сударыня. Что-жъ, сударыня, полагаете ли вы, что съ практической точки зрѣнія медицина составляетъ подходящее занятіе для вашей красоты, для вашихъ платьевъ?» Эти слова г. Шарко были встрѣчены веселымъ хохотомъ всей аудиторіи, гдѣ было много русскихъ студентовъ, также устроившихъ г. Шарко овалію. Срв. Москов. Вѣд. 1888 г. дек. 6, № 338, стр. 5.

противъ женскаго образованія вообще. Женщина, уже какъ разумное существо, имѣеть на него такія же права, какъ и мужчина. Женщинѣ принадлежитъ такое важное значеніе въ жизни какъ семейной, такъ и общественной, что не заботиться о ея образованіи было бы преступленіемъ не только по отношенію къ ней самой, но и къ общественной жизни. Эта истина настолько очевидна, что не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Иное дѣло постановка, объемъ, а главное—характеръ женскаго образованія, его духъ и направленіе. Противъ этого въ наше время не только можно, но и должно возражать, потому что, при неправильной постановкѣ, одностороннемъ направленіи, женское образованіе (еще больше мужскаго) вмѣсто пользы можетъ принести положительный вредъ не только самой женщинѣ, но и тому обществу, среди котораго она живетъ. Къ сожалѣнію, въ такомъ именно положеніи въ настоящее время и находится образованіе русской женщины. Оно не только поставлено на ложныхъ началахъ, но и получило направленіе крайне вредное для русскаго общества. Люди благоразумные уже давно стали посматривать искоса на «ученую» русскую женщину нашего времени. Другіе болѣе рѣшительные даже махнули рукой на нее и перестали ожидать отъ нея какой-либо пользы. Въ Кіевѣ, по словамъ Авсѣенко —), какіе-то молодые люди изъ образованнаго общества недавно составили письменный протестъ противъ ученыхъ «барышень», и заявили публично, что будутъ искать себѣ женъ среди народа, потому что только съ простыми сельскими дѣвушками рассчитываютъ найти счастье. Авсѣенко называетъ этихъ молодыхъ людей чудаками и психопатами. Но такое сужденіе, кажется, сдѣлано слишкомъ поспѣшно. Самъ Авсѣенко не считаетъ этого явленія единичнымъ и исключительнымъ. Онъ самъ утверждаетъ, что со стороны лицъ принадлежащихъ къ мужской интеллигенціи, чаще и чаще стали раздаваться голоса, протестующіе противъ интеллигентной женщины, что многіе изъ образованныхъ людей нашего времени совершенно неожиданно, безъ всякаго, такъ сказать,

1) Письма о женщинахъ, стр. 2.

предисловія женятся на прачкахъ или на крестьянскихъ дѣвкахъ, уѣзжаютъ въ деревни, живутъ тамъ безвыѣздно и увѣряютъ, что совершенно счастливы. А это уже не пустыя слова. На такой поступокъ рѣшится не всякій и не сразу. Нужно глубокое убѣжденіе въ ложной постановкѣ женскаго образованія, чтобы предпочесть крестьянскую дѣвку женщинѣ образованной и принадлежащей къ высшему классу общества. Что фактъ появленія у насъ мужчинъ, начинающихъ презирать интеллигентную женщину, не исключительный и извѣстенъ не одному В. Авсѣенко, это доказываетъ и послѣдній романъ Немировича-Данченко, этого яраго проповѣдника женской эмансипаціи и образованности, — «Всесвѣтный бродяга», въ которомъ главное дѣйствующее лицо, забравшійся въ рыбацью деревушку на берегу Средиземнаго моря, русскій молодой человѣкъ, познакомившись съ Пеппиною, хорошенькою итальянскою мѣщанкою, задаетъ себѣ вопросъ: «зачѣмъ мы женимся вообще на дѣвушкахъ изъ общества, изъ этой нервной дряни, которая вымучить насъ, не давши ни одной минуты настоящаго, здороваго счастья?» Наука наукѣ рознь, — и не одни психопаты, не одни чудаки могутъ считать научное образованіе извѣстнаго пошиба недостаткомъ женщины. Вотъ слова Казановы: «изъ умныхъ женщинъ ученые женщины не могутъ сдѣлать человѣка счастливымъ. Наука неумѣстна въ женщинѣ, потому что вредитъ мягкости ея характера, любезности и той нѣжной робости, которая составляетъ особую прелесть прекраснаго пола; къ тому же никогда познанія женщины не идутъ далѣе извѣстныхъ границъ и болтовня ученыхъ женщинъ внушительна только глупцамъ»¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ объ ученыхъ женщинахъ согласенъ и д-ръ Кленке, когда говоритъ: «чѣмъ ученѣ женщина, тѣмъ болѣе она удаляется отъ обязанностей семейной жизни... Ученымъ женщинамъ вообще не слѣдовало бы выходить замужъ, ибо онѣ обыкновенно неспособны къ теплой, женственной любви, къ произвольному душевному измѣненію чувствъ»²⁾. А извѣстный

1) ? О женщинахъ. Мысли старья и новья. Стр. 103.

2) Ibid. стр. 125.

ученый—Стендаль выражается почти словами нашей кievской молодежи. «Нѣтъ мужчины,— говоритъ онъ ¹⁾), — который не предложилъ бы провести свою жизнь съ горячною лучше, нежели съ ученою женщиною». Въ виду этого было бы рискованно называть кievскихъ молодыхъ людей, не долюбляющихъ «ученыхъ» женщинъ, психопатами и чудаками и уличать ихъ въ «спеціальномъ русскомъ свинствѣ» ²⁾). Нѣтъ,— они лишь *фактически* протестуютъ противъ неестественной постановки у насъ женскаго образованія, «женской учености»,—въ чемъ, безъ сомнѣнія, согласны съ ними и всѣ благоразумные русскіе люди.

Въ чемъ же состоитъ ложь современной намъ учености, неестественная постановка женскаго образованія? — Въ эмиграціи женщинъ изъ семействъ, которая возрастаетъ съ каждымъ годомъ и усиленно плодитъ женскій пролетаріатъ. Въ большіе провинціальныя города, а особенно въ столицы ежегодно прибываютъ цѣлыя сотни, даже тысячи образованныхъ женщинъ, которыя побросали свои семьи, — отцовъ, матерей, а нерѣдко и мужей, чтобы жить здѣсь своимъ трудомъ. Вслѣдствіе этого предложеніе женскаго труда у насъ повсюду громадное, а спросъ на него самый ничтожный. Въ одномъ Петербургѣ, по словамъ Шашкова ³⁾), болѣе *ста тысячъ* женщинъ, желающихъ жить своимъ трудомъ. Русская образованная женщина стала бояться своей семьи, не хочетъ имѣть съ нею ничего общаго и бѣжить отъ нея. Она смотритъ на образованіе какъ на самое надежное средство, которое можетъ ей помочь порвать всякія связи съ семьею, «спасетъ» ее отъ семьи, дастъ ей возможность прожить самостоятельно, не нуждаясь въ семьѣ, родителяхъ, мужѣ... По природѣ своей, женщина внѣ семьи невысказана; теперешнее образованіе напротивъ стремится поставить женщину внѣ семьи, — и въ этомъ, собственно, состоитъ вся его ложь, весь его вредъ; здѣсь же нужно искать и причину того, почему интеллигент-

1) Ibid. стр. 124.

2) Авсѣенко, Письма о женщинахъ стр. 3.

3) Исторія русской женщины, стр. 292.

ный мужчина, чувствуя себя въ семьѣ одинокимъ и оставленнымъ интеллигентною женщиною, протестуетъ противъ ея образованія, разъединяющаго самыя естественныя связи двухъ непрѣмныхъ членовъ семьи...

Но не одна женщина виновата въ этомъ прискорбномъ явленіи нашей общественной жизни. Причины, выгоняющія русскую женщину изъ семьи на улицу, слишкомъ сложны и разнообразны. Мы даже не беремъ на себя задачи въ настоящій разъ подробно изслѣдовать ихъ. Неестественный складъ нашей семейной жизни, слишкомъ далекой отъ христіанскаго идеала ея, и вторженіе въ наше общество сенъ-симонистическихъ (коммунистическихъ) идей и теорія любви, вмѣстѣ съ ненормальною постановкою дѣла въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—вотъ тѣ главныя причины, которыя отчуждили русскую интеллигентную женщину отъ семьи и семейной жизни.

Отсутствіе твердыхъ религіозно-нравственныхъ началъ въ дѣлѣ воспитанія нашего юношества тяжело и невыгодно отозвалось больше всего на семьѣ. Если въ старину браки были заключаемы исключительно по волѣ родителей, то теперь объ этой родительской волѣ говорятъ мало; авторитетъ родителей уже пошатнулся въ глазахъ дѣтей; родителямъ очень часто приходится только признавать «совершившійся фактъ». О бракѣ, совершаемомъ въ силу «добровольнаго согласія между женихомъ и невѣстою» и «съ позволенія и благословенія родителей», наши дѣвицы узнаютъ только изъ урока по закону Божію. Очень часто особенно со стороны мужчинъ бракъ заключается по совершенно стороннимъ побужденіямъ и является средствомъ для достиженія такихъ цѣлей, которыя съ бракомъ не имѣютъ ничего общаго. Приданное явилось однимъ изъ главныхъ условій заключенія брака. Дѣвушка бѣдная, безъ приданнаго, какъ бы она ни была красива, умна, благовоспитанна, не много имѣетъ шансовъ на такъ называемое семейное счастье. Женихи ее обходятъ только потому, что она небогата, что за нею нѣтъ никакого приданнаго,—и она чувствуетъ себя оскорбленною въ самой глубинѣ своей души,—мало того, она сознаетъ себя осужденною на самое чув-

ствительное для нея лишеніе—сладкаго имени матери. А «самая истинная и справедливая печаль дѣвчества, по сознанию самой женщины¹⁾, это отсутствіе материнскихъ радостей, материнскаго счастья». Дѣвушка, послушная требованіямъ своей природы, уже стояла у дверей семейной жизни, уже хотѣла скромно войти въ нее,—но услышала оттуда жестокий голосъ мужчины, что для нея тамъ мѣста нѣтъ, потому что ея родные не могли дать ей денегъ, потребованныхъ мужчиною за право входа. Можно ли винить ее за то, что послѣ этого она начинаетъ искать средства устроить свою жизнь внѣ зависимости отъ мужчины и внѣ предѣловъ семейной жизни?

Отсутствіе твердыхъ религіозно-нравственныхъ началъ, на которыхъ должна бы быть поставлена христіанская семья и воспитаніе христіанскихъ дѣтей, вліяніе идей одностороннихъ философскихъ ученій Запада (матеріализмъ, утилитаризмъ, детерменизмъ и т. д.), не сдерживаемая ничѣмъ испорченная природа человѣческая, смѣшеніе понятій о свободѣ воли съ своеволіемъ,—вотъ причины, въ силу которыхъ бракъ сталъ стѣснительнымъ для мужчинъ, предпочитающихъ уже внѣбрачныя сожительства жизни семейной и проводящихъ беззаботную жизнь холостяка. О преимуществѣ внѣбрачныхъ и «нелегальныхъ» сожительствъ предъ бракомъ, освященнымъ Церковію, въ послѣднее время наши свѣтскіе писатели говорятъ открыто и не стѣсняясь. Отвергая такъ называемое семейное счастье и признавая исключеніями встрѣчающіяся иногда добрыя отношенія между мужчиною и женщиною; г. Авсѣенко, на примѣръ, говоритъ далѣе слѣдующее²⁾: «Но исключенія остаются исключеніями, и притомъ же, чтобы быть правдивымъ, авторъ долженъ прибавить, что эти встрѣчавшіяся ему благополучныя пары въ большинствѣ случаевъ состояли *только (!)* въ гражданскомъ бракѣ». И такъ вотъ новое обстоятельство, которое гонитъ женщину изъ семьи на улицу и ограничиваетъ ей права быть женою и матерью!

Даже въ своей родной семьѣ женщина у насъ едва ли

1) Луиза Бюхнеръ «Призваніе женщины и ея воспитаніе». Слб. 1857, стр. 103.

2) Письма о женщинахъ, стр. 67—68.

чувствуетъ себя «какъ дома»; почти съ ранняго дѣтства она привыкаетъ сознавать себя чужою въ своей семьѣ; она видитъ, что всѣ заботы о ней ея родныхъ клонятся лишь къ тому, какъ бы при первой возможности выдать ее замужъ; она узнаетъ, что въ глазахъ родителей она стоитъ далеко ниже своихъ братьевъ, что самое появленіе на свѣтъ послѣднихъ и ея собственное было встрѣчено родителями не съ одинаковымъ чувствомъ радости. Только одинъ «выгодный» женихъ можетъ вывести ее изъ того непріятнаго положенія, въ которое она поставлена въ своей собственной семьѣ. Но дѣвушка знаетъ, что такого жениха можно только купить за хорошія деньги или «поймать» хитростію и средствами искусственными. И вотъ начинается погоня за женихами. Маменька съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія и средства, всю свою опытность и умѣнье, чтобы помочь дочери въ ея предпріятіи. Но дочь видитъ прекрасно, что возбуждаетъ усердіе матери. Ее терзаютъ въ душѣ всѣ эти родительскія хлопоты. Чтобы успокоить мать и отца, она даже готова выйти замужъ за перваго попавшагося ей человѣка; она уже не обращаетъ вниманія ни на различіе въ лѣтахъ, ни на различіе въ положеніи, ни на различіе въ образованіи; она вступаетъ въ бракъ не только безъ взаимной любви, но даже безъ малѣйшей симпатіи къ тому, съ кѣмъ навсегда соединяетъ свою судьбу. Но и это выпадаетъ на долю не каждой женщины. «Дѣвушка, не имѣющая приданнаго,—говоритъ О. Пиллеръ ¹⁾, будь она красавица и добродѣтельная, въ настоящее время рискуетъ никогда не испытать чувства любви, потому что ея никто не возьметъ за себя замужъ». Тяжелое положеніе «старыхъ дѣвъ» извѣстно всякому. Дѣвушка, не выпедшая замужъ въ молодыхъ лѣтахъ, не можетъ не чувствовать того, какимъ бременемъ служить она для своей семьи. Не легко ей переносить ту скорбь отца, ту досаду матери, которыя вызваны ею вслѣдствіе невыхода въ замужество. А послѣ смерти родителей она остается одинокою во всемъ мірѣ; на нее смотрятъ всѣ другія женщины если не съ пренебреженіемъ, то

¹⁾ Итога женскаго образованія. Спб. 1888. Стр. 229.

нервѣдко—съ насмѣшкою; братья тяготятся ею. «Такое, дѣйствительно обидное влеченіе жизни,—говорить та же О. Пиллеръ ¹⁾, — для женщинъ даровитыхъ, живого темперамента, разрѣшается нервѣдко меланхоліей или другой психической болѣзью, даже самоубійствомъ, и у насъ не только не привыкли вникать въ сущность дѣла и относиться къ этимъ явленіямъ съ чувствомъ человѣчности, но на всѣхъ старыхъ дѣвѣхъ съ искаженными, болѣзненными проявленіями характера, смотреть какъ на отверженныхъ, подвергая ихъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ».

Въ прежнее время дѣвушка, не вышедшая замужъ, волей—неволей примирялась съ своимъ положеніемъ въ семьѣ, мало по-малу привыкала и къ нервнымъ выходкамъ матери, и къ скорбнымъ взглядамъ отца. Въ до-петровской Руси пристанищемъ для такихъ дѣвицъ служили женскіе монастыри. Въ 60-хъ годахъ явились такъ называемыя «вѣянія»; стали говорить о женскомъ трудѣ, самостоятельности, независимости. Дѣвушки, не устроившія своего замужества и тяготившіяся своимъ положеніемъ въ родной семьѣ, рванулись по пути къ самостоятельному труду, указанному имъ ихъ новыми просвѣтителями. Раздраженныя равнодушіемъ мужчинъ, оттолкнувшихъ ихъ отъ семьи и ея радостей, эти дѣвушки увлеклись проповѣдію нигилизма и отвѣтили полнымъ презрѣніемъ и семьѣ, и самой природѣ женской. Эта мрачная страничка изъ нашей общественной жизни яркими красками обрисована Авсѣенкомъ въ его «Письмахъ о женщинахъ». «Въ нашихъ идеяхъ и нравахъ, — говоритъ онъ ²⁾, — произошла извѣстная революція, разомъ оборвавшая традиціи. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы рѣшили, что все существующее никуда не годится. Не годятся учрежденія, идеи, люди, герои; не годятся, слѣдовательно, и женщины.... Весьма презрительное, въ сущности, отношеніе къ женщинамъ сдѣлалось почти обязательнымъ для новыхъ героевъ.... Они не только отвергли въ женщинѣ все, кромѣ тѣла, но и самое тѣло постарались опозорить безстыдно и нагло, сдѣлавъ его достояніемъ ка-

¹⁾ Ibid. стр. 230.

²⁾ Стр. 48.

кихъ-то конспиративныхъ дупанаровъ, утѣхою коммунальнаго чревобѣсія, жертвеннымъ призомъ революціоннаго и кружковаго честолюбія.... Все, въ чемъ заключалось для прежнихъ поколѣній обаяніе женщины, было отвергнуто. Красивая, а тѣмъ болѣе изящная наружность не только утратила цѣну, но даже стала считаться чѣмъ-то невыгоднымъ для женщины, какъ бы свидѣтельствующимъ объ ея неразвитости. Инстинкты опрятности отрицались, кокетство презиралось. Создался даже новый идеаль «мыслящей» женской красоты, слагавшійся изъ стриженной косы, нечистоплотной кожи и независимой походки. Конечно, тутъ было очень много лицемѣрія; тѣ изъ новыхъ людей, которымъ случалось вращаться среди женщинъ другаго склада, очень хорошо разумѣли про себя, что такое настоящая женская красота и женское обаяніе. Для нихъ стриженная дѣвка была просто дѣломъ самолюбія и самообожанія: «она, молъ, мнѣ руки цѣлуетъ, молится на меня, потому и хороша; ну, а тѣ, что плевать на меня хотятъ, тѣ стало-быть сволочь, дрянъ кисейная...»

На такой-то почвѣ у насъ и былъ рѣшенъ вопросъ о профессиональномъ образованіи женщины: явились разныхъ родовъ курсистки, которыя, по свидѣтельству О. Пиллеръ ¹⁾, «подали поводъ къ такимъ превратнымъ (?) толкованіямъ, что даже названіе «курсистка» сдѣлалось съ тѣхъ поръ подозрительной кличкой, — явились «студентки», стенографистки, телеграфистки и т. д. Профессіи были избираемы нашими «учеными» и «эмансипированными» женщинами различныя, но духъ у нихъ царилъ одинъ и тотъ же, — духъ оторванности отъ семьи, даже непримиримой враждебности къ ней, попраніе всѣхъ нравственныхъ принциповъ общественной жизни... ²⁾. Теперь спрашивается: можно ли осуждать и кievскую

¹⁾ «Итоги женскаго образованія», стр. 222.

²⁾ Послѣ этого можно назвать лишь рѣзкимъ, но не несправедливымъ извѣстное четверостишіе Н. Щербини:

«Теруанъ-де-Мерикуры
 «Школы женскія открыли,
 «Чтобъ оттуда наши дѣвы
 «Въ нигилистки выходили...»

молодежь за то, что эту эмансипированную и ученую женщину она признаетъ негодною и даже опасною для семьи, для брака, стоящею ниже совершенно необразованной и простой женщины «изъ народа?» Одна крайность неминуемо влечетъ за собою другую. Такъ случилось и здѣсь. Женщина, грубо оттолкнутая мужчиною отъ семейнаго очага, мало помалу сама превратилась въ пугало и для семьи, и для самаго мужчины.

Самая постановка школьнаго дѣла въ нашихъ средне-учебныхъ женскихъ заведеніяхъ также не мало содѣйствовала тому, чтобы русская женщина, изгоняемая обстоятельствами изъ семьи, искала для себя пріюта на улицѣ, или на городскомъ бульварѣ. Она открыла радикализму 60-хъ годовъ самый удобный доступъ къ русской дѣвушкѣ для окончательнаго оторванія ея отъ семейной жизни. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, что въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ вообще не дано мѣста заботамъ о воспитаніи. Объ этомъ мы уже упоминали. Но дѣло въ томъ, что и единственная цѣль, преслѣдуемая этими учебными заведеніями,—обученіе,—не можетъ быть въ нихъ достигаема въ надлежащей степени. Ученицы нашихъ гимназій никогда не могутъ похвалиться основательнымъ усвоеніемъ преподаваемыхъ имъ наукъ и потому ихъ легко увлекать по какому угодно пути. Ихъ образованіе можно назвать только поверхностнымъ и случайнымъ. О заведеніяхъ, имѣющихъ по преимуществу одинъ торгашескій характеръ, конечно, и говорить нечего. Молодымъ дѣвушкамъ ежедневно сообщается такъ много учебнаго матеріала, что онѣ безсильны переварить его. Гимназическія программы слишкомъ обширны. Каждый честный преподаватель, отвѣчая по совѣсти, можетъ лишь сказать, что съ требованіями учебныхъ программъ въ силахъ совладать развѣ только даровитѣйшія и усерднѣйшія изъ ученицъ, всѣ же остальные доходятъ до конца курса исключительно благодаря снисходительности экзаменаторовъ и наставниковъ. Такихъ дѣвицъ, конечно, можетъ увлечь на ложный путь первый встрѣченный проходимецъ, умѣющій щеголять «послѣднимъ словомъ науки». какъ бы оно ни было пусто и неосновательно: а данный за-

веденіемъ дипломъ «съ правами» на поступленіе на курсы— высшіе, медицинскіе, педагогическіе, стенографическіе и т. д. еще болѣе подслащаетъ рѣчи «просвѣтителя» о женскомъ трудѣ, самостоятельности, независимости, свободѣ, равноправности; дѣвица съ дипломомъ, конечно, считаетъ себя въ правѣ участвовать во всякихъ научныхъ и литературныхъ чтеніяхъ и *спеціально* изучать подъ руководствомъ кого-слѣдуетъ самыя серьезныя науки—математику, фізіологію, новѣйшую філософію, политическую экономію и т. п.

Отрадно, впрочемъ, отмѣтить здѣсь фактъ замѣчаемаго всѣми поворота къ лучшему среди русскаго общества. Слепая вѣра въ одностороннія ученія Запада видимо слабѣетъ; національные интересы, потребности народа, его историческія преданія выдвигаются на первый планъ; уваженіе къ Православной Церкви, которой наше отечество обязано всѣмъ, что есть въ немъ лучшаго, повидимому, крѣпнеть; воспитаніе юношества составляетъ предметъ особенной заботливости для правительства; разрабатывается и новый уставъ женскихъ учебныхъ заведеній; хотѣлось бы вѣрить, что урокъ исторіи не останется безплоднымъ, что ошибки прошлаго болѣе не повторятся и что русская *образованная* женщина снова примирится съ семьею и у семейнаго очага займетъ свое почетное мѣсто...

Т. Буткевичъ.

О ДВИЖЕНІИ.

1. Традиціонные софизмы касательно движенія. 2. Отношеніе движенія къ реальности. 3. Законъ непрерывности. 4. Разборъ доказательствъ перваго закона движенія. 5. Парадоксальность популярнаго взгляда на движеніе. 6. Законъ инерціи, какъ необходимое условіе системы вещей. 7. Разборъ втораго и третьаго законовъ движенія. 8. Принципъ минимальнаго дѣйствія.

1. *Традиціонные софизмы касательно движенія.* Движеніе было отождествляемо нѣкоторыми мыслителями съ измѣненіемъ вообще. Такой взглядъ на движеніе мы находимъ у Элеатовъ, а въ новѣйшее время Тренделенбургъ выставилъ движеніе, какъ общій элементъ внѣшняго и внутренняго міра. Но обычное значеніе этого слова не таково. Движеніе, конечно, есть видъ измѣненія, но не всякое измѣненіе есть движеніе. Мы можемъ также говорить о движеніи мысли: но это выраженіе чисто фигурально. Движеніе, по обыкновенному словоупотребленію, означаетъ только перемѣну мѣста или послѣдовательное занятіе различныхъ пространственныхъ положеній. Понимаемое такимъ образомъ, оно предполагаетъ реальность пространства и ограничивается пространствомъ, какъ своей областью и основаніемъ своей возможности. Этотъ популярный взглядъ мы и сдѣлаемъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованія о движеніи.

Движеніе само въ себѣ неопредѣлимо. Подобно бытію, измѣненію и дѣйствию, оно должно быть принимаемо какъ идея, которая не можетъ быть построена изъ чего-нибудь другаго. Если мы опредѣлимъ движеніе, какъ перемѣну мѣста или какъ переходъ изъ одного пункта пространства въ

другой, мы только опредѣлимъ то же самое тѣмъ же самымъ (*idem per idem*). Переимѣна мѣста или переходъ изъ одного пункта въ другой непонятны безъ идеи самаго движенія. Для того, кто имѣетъ эту идею, такія опредѣленія служатъ къ тому, чтобы раскрывать ея предположенія, но для того, у кого нѣтъ этой идеи, они бесполезны, какъ опредѣленіе свѣта слѣпому.

Въ новое время возраженія противъ возможности движенія основывались на противоположности между абсолютнымъ и относительнымъ движеніемъ. Абсолютное движеніе признаваемо было невозможнымъ, и вселенная, какъ цѣлое, признавалась неподвижной. Покой и движеніе, по этому взгляду, одинаково относительны и реальны только въ относительномъ смыслѣ. Эти возраженія могутъ многихъ затруднять, но, вѣроятно, ни для кого не убѣдительно. Они просто ставятъ человѣка въ очень неудобное положеніе лица, увѣреннаго, что тутъ есть какое-то заблужденіе, но неспособнаго указать его. Однакожъ въ данномъ случаѣ не трудно открыть и ложность самаго утвержденія, и неправильность его доказательства. Первое открывается путемъ простаго опредѣленія. Абсолютный покой можетъ быть опредѣленъ только какъ непрерывное существованіе въ одномъ и томъ же положеніи въ абсолютномъ пространствѣ. Абсолютное движеніе, поэтому, было бы послѣдовательнымъ занятіемъ различныхъ положеній въ абсолютномъ пространствѣ. Если, теперь, нѣтъ абсолютнаго движенія, тогда всѣ вещи находятся въ абсолютномъ покоѣ или остаются въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ въ абсолютномъ пространствѣ. Въ такомъ случаѣ относительное движеніе, которое признается реальнымъ, становится чистой иллюзіей, не имѣющей никакого основанія. Если, поэтому, мы утверждаемъ, что движеніе какого-либо рода есть нѣчто большее, чѣмъ феноменъ, мы должны утверждать реальность абсолютнаго движенія и смотрѣть на относительное движеніе только какъ на форму, въ какой различныя абсолютныя движенія представляются съ нашей точки зрѣнія.

Неправильность аргумента противъ абсолютнаго движенія не менѣе легко открывается. Она заключается въ предполо-

женія, что умственные приемы, при помощи которыхъ мысль постигаетъ фактъ, необходимы для самаго факта. Мы говоримъ, напримѣръ, что абсолютное движеніе неотлично отъ абсолютнаго покоя, потому что движеніе предполагаетъ опредѣленные пункты измѣренія, а въ абсолютномъ пространствѣ такихъ пунктовъ нѣтъ. Всѣ пункты пространства одинаковы; нѣтъ ни здѣсь, ни тамъ; эти термины чисто относительны для наблюдателя. Но движеніе есть переходъ отсюда туда; повтому, оно всегда относительно для наблюдателя и, слѣдовательно, невозможно въ чистомъ пространствѣ. На все это отвѣтъ тотъ, что движеніе, конечно, понимается и измѣряется въ мысли только посредствомъ допущенія пѣкоторыхъ пунктовъ сравненія или измѣренія; но эти умственные приемы не имѣютъ, ровно никакого значенія для самаго движенія: всего менѣе они составляютъ движеніе. Мы не можемъ опредѣлить или представить себѣ движенія, не принимая какой-нибудь точки зрѣнія, въ отношеніи которой движеніе измѣряется; но самое движеніе происходитъ сообразно со своими собственными законами, думаемъ ли мы о нихъ, или нѣтъ. Конечно, астроному никогда не приходитъ въ голову вообразить, что небесный экваторъ и меридіанъ, по отношенію къ которымъ онъ измѣряетъ звѣздныя движенія, производятъ эти движенія. Онъ смотритъ на эти линіи измѣренія, какъ только на приемы, посредствомъ которыхъ нашъ умъ старается постигнуть фактъ. Если бы, повтому, абсолютное пространство было реально, тогда не было бы ни малѣйшаго затрудненія въ допущенія абсолютнаго движенія. Для утвержденія реальности послѣдняго было бы достаточно факта, что каждый пунктъ въ такомъ пространствѣ отличенъ отъ каждаго другаго пункта. Всю систему вещей можно было бы считать движущеюся чрезъ безконечное пространство или вращающеюся въ немъ. Такое представленіе о всей системѣ вещей, конечно, никогда не могло бы быть провѣрено, потому что никакіе факты не могли бы ни доказать, ни опровергнуть его. Приложенное къ нашей солнечной системѣ, оно, однакоже, представляло бы собою фактъ. Ея центръ тяжести находится въ движеніи, и эта система, какъ цѣлое, вращается. Кромѣ того, самыя пла-

неты вращаются вокругъ своихъ осей въ безконечномъ пространствѣ. Чтобы понять такія движенія, намъ нужны пункты измѣренія; но существованіе этихъ движеній, если пространство реально, совершенно не зависитъ отъ нашей мысли и ея пріемовъ. Можетъ быть, возможно доказать, что движеніе относительно, по крайней мѣрѣ, къ самому пространству, и что если самое пространство разсматривается, какъ часть системы, движеніе можетъ быть только относительнымъ. Это можно допустить. Пространство не движется, а движеніе находится въ пространствѣ. Но такое движеніе противорѣчило бы его опредѣленію и устраняло бы проблему о немъ во всякомъ понятномъ смыслѣ.

2. *Отношеніе движенія къ реальности.* Касательно отношенія движенія къ реальности исторія философіи свидѣтельствуетъ о крайней измѣчивости взглядовъ. Древніе всѣ безъ исключенія утверждали, что естественное состояніе вещей есть покой. Вещи приводятся въ движеніе только внѣшнею дѣятельностію и, будучи предоставлены сами себѣ, скоро приходятъ снова въ покой. На движеніе смотрѣли, какъ на «насильственное состояніе» вещей, и въ движущейся вещи предполагалось внутреннее стремленіе освободиться отъ него. Источникъ этого убѣжденія очевиденъ. Въ своемъ чувственномъ опытѣ мы имѣемъ многочисленные примѣры прекращенія движенія и трудности начать его. Кромѣ того, мы находимъ въ самихъ себѣ слабость, проистекающую отъ продолжительнаго усилія, которая побуждаетъ насъ искать отдыха; и это, путемъ нѣкотораго механическаго антропоморфизма, легко переносится на вещи.

Такой взглядъ древнихъ мыслителей привелъ въ позднѣйшее время къ противоположной идеѣ, что движеніе есть естественное состояніе вещей. Понятіе о матеріи, какъ не имѣющей никакого принципа движенія въ самой себѣ и какъ стремящейся къ покою, необходимо привело къ ученію, по крайней мѣрѣ, о перво-двигателѣ во вселенной, который долженъ быть, слѣдовательно, не матеріальнымъ. Но такой взглядъ едва ли былъ бы полезенъ, представляя поддержку для теистически настроенныхъ мыслителей и потому не могъ бы не

оказаться неудобнымъ для тѣхъ, кто не раздѣляетъ такихъ тенденцій. Эти побочные выводы не остались безъ вліянія на умозрѣнія касательно движенія. Болѣе значительное основаніе этого взгляда составляетъ желаніе избѣжать допущенія какихъ-либо движущихъ силъ въ матеріи. Съ этою цѣлью были изобрѣтены различныя теоріи молекулярныхъ вращеній, въ которыхъ атомы, первоначально одаренные движеніемъ, оказываются производящими всѣ матеріальные феномены путемъ простыхъ видоизмѣненій мѣры и направленія движенія. Но каковъ бы ни былъ источникъ этого ученія, трудно дать понятію природнаго какое-нибудь ясное значеніе въ этой связи, а въ прямомъ его смыслѣ, это ученіе ложно. Если бы движеніе было существеннымъ и неотдѣлимымъ свойствомъ cadaго элемента, а не разнообразящимся продуктомъ движущихъ силъ, оно могло бы быть названо естественнымъ для матеріи. Въ такомъ случаѣ каждый элементъ, предоставленный самому себѣ, двигался бы съ опредѣленной скоростью, какъ результатомъ его собственной природы. Но этотъ взглядъ несостоятеленъ и приводитъ къ слѣдствіямъ, прямо опровергаемымъ фактами. Можетъ быть, движеніе есть универсальный фактъ, какъ дѣйствіе движущихъ силъ элементовъ: но это далеко отъ того, чтобы сдѣлать движеніе присущимъ матеріи и существеннымъ ея атрибутомъ. Въ дѣйствительности, движеніе ни естественно, ни неестественно, но есть состояніе, въ которомъ матерія можетъ быть или не быть; но въ этомъ смыслѣ матерію можно назвать безразличной къ движенію. Если она — въ движеніи, она остается въ движеніи, а если — въ покоѣ, остается въ покоѣ. Это единственный взглядъ, который не противорѣчитъ закону инерціи, закону, который — будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на апріорную истину, или нѣтъ — все-таки слишкомъ подтверждается своими слѣдствіями, чтобы еще сомнѣваться въ его состоятельности. Движенія элементовъ суть продукты ихъ взаимодѣйствія, и состояніе всякаго элемента, будетъ ли онъ въ движеніи, или въ покоѣ, имѣетъ свою виѣшнюю причину.

Но это безразличіе матеріи къ движенію не должно быть смѣшиваемо съ утвержденіемъ, что матерія въ строгомъ смы-

слѣ одна и та же самая, находится ли она въ движеніи, или въ покоѣ. Этотъ взглядъ основывается частію на абстракціяхъ механики, по которымъ матерія оказывается неизмѣннымъ и безразличнымъ субъектомъ движенія, частію на томъ фактѣ, что матерія можетъ начать или перестать двигаться безъ всякаго измѣненія въ своихъ главныхъ свойствахъ. Отсюда не научная мысль, которая руководится главнымъ образомъ закономъ тожества, держится того мнѣнія, что матерія въ движеніи тоже самое, что и матерія въ покоѣ. Но какъ бы мы ни смотрѣли на движеніе, этотъ взглядъ ложенъ. Движеніе вещи просто есть ея послѣдовательное появленіе въ послѣдовательныхъ пунктахъ ея теченія. Но эта послѣдовательность должна имѣть какое-нибудь основаніе. Движущееся тѣло въ каждомъ данномъ пунктѣ его пути отличается отъ того же самаго тѣла, если оно покоится въ одномъ томъ же пунктѣ; въ противномъ случаѣ слѣдствіе было бы одно и то же. Безполезно говорить, что различіе состоитъ въ томъ, что одно движется, а другое покоится; ибо движеніе перваго есть только переходъ его изъ пункта, въ которомъ оно находилось, на какомъ-нибудь разстояніи въ сосѣдній пунктъ, и нѣтъ никакой причины для этого перехода, если движущееся тѣло не имѣетъ внутренняго состоянія, отличнаго отъ состоянія покоящагося тѣла. Не болѣе будетъ пользы сказать, что причина движенія заключается въ притяженіи другихъ тѣлъ, потому что притяженіе дѣйствуетъ не посредствомъ внѣшняго схватыванія или влеченія, но посредствомъ произведенія въ вещи новаго состоянія, и это состояніе есть непосредственная причина новаго обнаруженія. Движеніе, поэтому, есть только пространственное обнаруженіе особаго онтологическаго состоянія въ самой движущейся вещи, и это состояніе есть то, чѣмъ отличается движущаяся вещь отъ покоящейся. Безъ этого допущенія мы не можемъ избѣжать заключенія Зенона, что движеніе невозможно; ибо во всякій моментъ времени движущееся тѣло находится въ данномъ пунктѣ пространства, и если по отношенію къ этому времени и пункту метафизически все равно, какъ если бы оно носилось въ одномъ и томъ же пунктѣ, то движущееся тѣло покоится и никогда

не можетъ двигаться. И законъ инерціи, и законъ причинности препятствовали бы его движенію. Послѣдній препятствовалъ бы вслѣдствіе отсутствія причины для движенія, а первый препятствовалъ бы потому, что тѣло, находясь въ покоѣ въ какомъ-либо пунктѣ, должно продолжать находиться въ немъ. Мы должны, поэтому, допустить, что даже въ недѣлимый моментъ времени, въ который не можетъ быть никакого пространственнаго обнаруженія, движущееся тѣло отличается отъ покоящагося внутреннимъ состояніемъ, которое есть истинная причина движенія. Этому состоянію мы даемъ названіе скорости. Сама по себѣ, скорость не болѣе есть движеніе, чѣмъ сила есть линія. Движеніе есть мѣра скорости, точно также какъ сила можетъ быть представлена линіей, но и та и другая равно отличны всегда отъ движеній и линій. Если бы скорость сама по себѣ была движеніемъ, вмѣсто того, чтобы быть причиной движенія, тогда въ одинъ моментъ времени движущееся тѣло не имѣло бы никакой скорости и потому никакой причины для перехода изъ того пункта пространства, въ которомъ оно могло бы быть, въ другой. Но въ каждое мгновеніе движущееся тѣло имѣетъ скорость, которая не составляется, а измѣряется пространствомъ, проходимымъ въ единицу времени, предполагая, что скорость остается неизмѣнной въ моментъ измѣренія. Этимъ фактомъ предполагается, что скорость сама по себѣ совершенно отлична отъ своей мѣры. Она есть то внутреннее состояніе вещи въ большей или меньшей степени напряженія, которое побуждаетъ вещь безпрестанно перемѣнять свое мѣсто. Хотя, слѣдовательно, мы можемъ представлять себѣ его частнымъ числомъ пространства и времени или первымъ дифференціальнымъ коэффициентомъ пространства и времени, мы не должны отождествлять его съ тѣмъ или другимъ. Такая ошибка была бы похожа на отождествленіе линій, которыя представляютъ силу, съ самою силою.

Въ человѣческомъ духѣ есть сильное стремленіе принимать абстрактныя имена за вещи. Вслѣдствіе такого стремленія, о теплѣ, электричествѣ, химическомъ сродствѣ и т. п. часто говорится, какъ о реальныхъ дѣятеляхъ. Этотъ фактъ, вмѣстѣ

съ традиціонными понятіями о движеніи, привелъ къ очень обыкновенному олицетворенію движенія. Въ картезіанской физикѣ движеніе было рассматриваемо, какъ вызванное со внѣ первоначальнымъ актомъ Божіимъ, и его количество было признаваемо опредѣленнымъ. Другіе мыслители, которые были противъ обращенія къ идеѣ Бога, объявили, что движеніе такъ же вѣчно и неуничтожимо, какъ и матерія. Нѣкоторая трудность была находима въ томъ фактѣ, что это неуничтожимое движеніе не есть существенное свойство какой нибудь отдѣльной вещи, но разнообразно распредѣляется между различными вещами и постоянно перемѣняетъ свою форму и мѣсто. Все-таки было поддерживаемо мнѣніе, что первоначально, можетъ быть, была извнѣ сообщена системѣ міра опредѣленная сумма движенія, и что оно можетъ быть вѣчнымъ. Этотъ взглядъ, далѣе, соединился съ мыслию, что всякое сообщеніе движенія возможно только чрезъ прикосновеніе, и даже вошло въ аксіому, что только движущееся можетъ произвести движеніе. Эти понятія замѣтно отразились и на системахъ новѣйшей философіи. Спенсеръ сдѣлалъ то, что онъ называетъ непрерывностью движенія, подъ которою онъ разумѣетъ неуничтожимость движенія однимъ изъ краеугольныхъ камней своей философіи. Но эти понятія несогласны съ общепринятыми физическими идеями. Необходимость предположенія движущихъ силъ въ элементахъ лишила всякаго кредита утвержденіе, что только движущееся можетъ произвести движеніе. Кромѣ того, такъ какъ движеніе есть только состояніе вещи, оно никогда не можетъ быть передаваемо, а только распространяемо. Ни одна вещь не можетъ перенести на другую своего собственнаго движенія; она можетъ лишь произвести въ другой вещи эквивалентное движеніе. Предшествующее состояніе вещи уничтожается въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ уничтожается какое-либо измѣняющееся свойство; а производимое движеніе создается въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ создается какое-либо новое состояніе. Такимъ образомъ начало и прекращеніе движенія заключаетъ въ себѣ созданіе и уничтоженіе въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ заключаетъ ихъ въ себѣ измѣненіе вообще. Нѣкоторые мы

слители признали это невозможнымъ, и, дѣйствительно, движеніе необъяснимо въ своемъ внутреннемъ генезисѣ; но положительно невозможно убѣдиться аргументами, предлагаемыми для доказательства неуничтожимости движенія, которые, если-бы они имѣли какую-нибудь силу, привели бы къ мертвому покою въ элеатскомъ смыслѣ. Наконецъ, количество движенія въ системѣ вещей не постоянно. Мысль о неизмѣнной суммѣ движенія оставлена въ физикѣ, какъ устарѣлая: тѣ, которые утверждаютъ ее, воображаютъ, что имѣютъ поддержку въ физикѣ; но законъ сохранения энергіи, который они при этомъ, очевидно, имѣютъ въ виду, совершенно отягченъ отъ указанной мысли.

3. *Законъ непрерывности.* Законъ непрерывности принадлежитъ къ тѣмъ, которые занимаютъ выдающееся мѣсто въ исторіи науки. Этотъ законъ впервые былъ формулированъ Лейбницемъ и сначала былъ ограниченъ только движеніемъ. Впослѣдствіи онъ былъ распространенъ на всѣ области мысли и опыта. Въ особенности эволюціонисты сдѣлали его однимъ изъ основныхъ принциповъ своей философіи. Въ такомъ обширномъ смыслѣ этотъ законъ едва ли имѣетъ какое-либо ясное значеніе. Какъ онъ употребляется нѣкоторыми мыслителями, онъ, кажется, исключаетъ всякія противоположности; и попытка Спенсера вывести всякую разнородность изъ однороднаго можетъ быть рассматриваема, какъ попытка дать этому закону такое именно универсальное значеніе. Лейбницъ и его послѣдователи были склонны соединять дифференціалами безконечно малаго измѣненія всѣ области опыта, такъ что всѣ слишкомъ отдаленныя группы, по ихъ мнѣнію, соединяются многочисленными звеньями или производятся безконечно малыми измѣненіями. На основаніи этой идеи, Лейбницъ пришелъ къ утвержденію чего-то въ родѣ развитія видовъ и неразличимости всѣхъ областей въ пунктахъ ихъ соприкосновенія или сближенія. Онъ также устранялъ всѣ абсолютныя противоположности, какъ, напр., движеніе и покой, и всѣ несоизмѣримыя реальности, какъ пространство и время. На томъ же основаніи онъ отрицалъ всякое начало во времени и всякіе предѣлы въ пространствѣ. Покой есть незамѣтное дви-

женіе. Пространство и время суть идеи; а твореніе означаетъ только зависимость конечнаго отъ Безконечнаго. Эта доктрина о непрерывности вообще пользовалась большимъ вниманіемъ со стороны торопливыхъ и не терпѣливыхъ мыслителей съ самаго своего провозглашенія, потому что она въ одно и тоже время и такъ дѣйствительна, и такъ не трудна для пониманія. Если отыскиваются, но не могутъ быть найдены недостающія звенья, легко сказать, что законъ непрерывности доказываетъ, что они должны существовать, хотя и не могутъ быть найдены. Различіе между органическимъ и неорганическимъ легко устраняется по тому же самому методу. Въ психологіи также односторонній эмпиристъ не находитъ никакой трудности показать, что ощущеніе есть единственный основной фактъ душевной жизни, потому что признать что-нибудь отличное отъ него значило бы варушить непрерывность. Но между тѣмъ какъ одинъ мыслитель выводитъ жизнь изъ безжизненнаго въ силу принципа непрерывности, другой отрицаетъ возможность этого на томъ же самомъ основаніи. Непрерывность—доказываетъ онъ—требуется, чтобы жизнь происходила отъ жизни, и не допускаетъ никакого другого взгляда. Подобнымъ образомъ матеріализмъ и утверждается, и отрицается во имя непрерывности. Къ сожалѣнію, эти мыслители никогда не подумали о томъ, чтобы дать общее доказательство этого закона, ни даже о томъ, чтобы опредѣлить различные смыслы, въ какихъ онъ употребляется. Иногда онъ просто означаетъ отрицаніе творенія и всего вообще супранатуральнаго. Иногда имъ выражается то, что природа никогда не дѣлаетъ скачковъ. Иногда онъ означаетъ, что всѣ феномены суть только фазы одного общаго процесса, и что отъ всякаго факта въ системѣ міра мы можемъ переходить ко всякому другому, какъ бы онъ ни былъ отличенъ отъ перваго—переходить посредствомъ простаго видоизмѣненія этого процесса. Кратко сказать, онъ означаетъ все, что покажется желательнымъ. Но за исключеніемъ формулировки этого закона у наиболѣе торопливыхъ мыслителей онъ не такъ неопредѣленъ и общъ. Онъ не утверждаетъ непрерывности между всѣми формами реальности, какъ будто всѣ противоположности

въ системѣ міра могутъ быть сведены къ одной общей мѣрѣ и къ одному общему процессу. Онъ скорѣе утверждаетъ лишь непрерывность между различными членами одного и того же ряда. Если, на примѣръ, есть прогрессъ въ рядѣ A, A_1, A_2, \dots, A_n , то этотъ прогрессъ отъ A до A_n идетъ чрезъ члены: A_1, A_2 и т. д. Есть непрерывность пространства, или времени, или даннаго бытія, но нѣтъ тожества всякой вещи со всякою другою вещію.

Но возвратимся къ вопросу о непрерывности движенія. Она была принята въ смыслѣ неуничтожимости движенія, а въ такомъ значеніи эта доктрина ложна. Но независимо отъ ошибочности, эта доктрина еще и двусмысленна, такъ какъ можетъ быть относима или къ пространству, или къ скорости. Въ отличныхъ сочиненіяхъ по механикѣ можно встрѣтить слѣдующее положеніе: «движеніе по сущности своей непрерывно, т. е. тѣло не можетъ перейти изъ одного положенія въ другое, не проходя чрезъ рядъ промежуточныхъ положеній; точка въ движеніи, поэтому, описываетъ непрерывную линію». Здѣсь эта доктрина относится къ одному только пространству. Но какъ первоначально она формулирована Лейбницемъ и какъ обыкновенно она понимается, она относится скорѣе къ скорости и означаетъ то, что движущееся тѣло, переходя отъ одной скорости къ другой, проходитъ чрезъ всѣ промежуточные скорости. Въ этомъ смыслѣ Лейбницъ и его послѣдователи считали законъ непрерывности самоочевидною истинной и выводили изъ него множество положеній, въ особенности же то, что абсолютно твердыя тѣла не могутъ существовать, потому что столкновеніе такихъ тѣлъ противорѣчило бы закону непрерывности. Другіе, какъ, напр., проф. Вауша въ своей «Молекулярной механикѣ», выводили изъ того же самаго закона и необходимость движущихъ силъ въ матеріи, дѣйствующихъ на разстояніи, и атомный характеръ элементовъ. Очевидно, что если два абсолютно твердыя тѣла сталкиваются, измѣненіе скорости должно быть моментальнымъ; потому что моментъ столкновенія недѣлимъ, и еслибы они оставались въ покоѣ въ продолженіе двухъ послѣдовательныхъ моментовъ, законъ инерціи удержалъ бы ихъ въ покоѣ на-

всегда. Поэтому, долженъ быть мгновенный переходъ отъ движенія къ покою, или отъ одной скорости—къ другой, а такимъ образомъ законъ непрерывности былъ бы нарушенъ. Отсюда тѣла должны начать дѣйствовать одно на другое прежде времени геометрическаго соприкосновенія и потому должны обладать движущими силами, которыя могутъ дѣйствовать на разстояніи. Очевидно, что законъ непрерывности не можетъ быть принятъ при старой теоріи геометрическаго соприкосновенія въ столкновеніи тѣлъ; а отсюда законъ въ этомъ смыслѣ есть истина необходимая лишь настолько, насколько теорія движущихъ силъ въ матеріи есть необходимая истина.

Дальнѣйшія основанія, приводимыя въ пользу этой доктрины, большею частію несогласны одно съ другимъ. Говорится, напр., что скорость не можетъ возрастать скачками, безъ предположенія того, что одно и тоже тѣло имѣетъ двѣ различныя скорости въ одно и тоже мгновеніе; но это такое же точно заблужденіе, которое оказывалось въ возраженіяхъ противъ измѣненія. Мгновеніе берется для означенія краткаго продолженія времени, между тѣмъ какъ въ предполагаемомъ случаѣ не могло бы быть никакой продолжительности, а только предѣлъ. Оно означало бы моментъ времени, когда одно движеніе прекращается, а другое начинается. По одну сторону этого момента скорость была бы v ¹⁾, по другую она была бы v_1 . Кроме того, эти возраженія не согласны одно съ другимъ. Они основываются не на величинѣ возрастанія, но на фактѣ какого бы то ни было возрастанія. Отсюда $v + dv$ точно также подлежитъ этому возраженію, какъ и $v + v_1$, гдѣ v_1 есть опредѣленная конечная скорость, а dv —скорость безконечно малая²⁾. Если бы, такимъ образомъ, это возраженіе могло быть допущено, тогда неизмѣнность въ элеатскомъ смыслѣ была бы необходимымъ заключеніемъ, а измѣнчивая скорость какого бы то ни было рода была бы невозможною.

1) Литерою v въ математикѣ, физикѣ и метафизикѣ обозначается слово *velocity*, англ. *velocity*, лат. *velocitas*, скорость.

2) Литерою d въ высшей математикѣ обозначается дифференціалъ какой-нибудь переменнй величины.

Цѣль, съ которою изобрѣтена была эта доктрина, гораздо лучше достигается утвержденіемъ, что никакая конечная сила не можетъ произвести конечной скорости въ менѣе чѣмъ конечное время. Это утвержденіе всегда будетъ достаточно обезпечено отъ возраженій, потому что интенсивность силы измѣняется скоростію, которую она можетъ произвести въ конечную единицу времени. Если бы, слѣдовательно, сила производила конечную скорость въ бесконечно малое время, она произвела бы бесконечную скорость въ конечное время и такимъ образомъ, по опредѣленію, была бы бесконечной. Но этой идеей опять предполагается, что сила должна дѣйствовать непрерывно, подобно тяготѣнію. Въ случаѣ принятія идеи абсолютно твердыхъ тѣлъ, прикосновеніе было бы сопровождаемо произведеніемъ или уничтоженіемъ конечной скорости въ одинъ моментъ времени; сила однакоже не была бы бесконечной, потому что такое соприкосновеніе необходимо было бы мгновеннымъ въ ея дѣйствіи. Вслѣдствіе упущенія изъ виду этого факта, нѣкоторые мыслители утверждали, что въ случаѣ соприкосновенія сила должна быть бесконечной; но ихъ аргументъ всегда состоялъ въ смѣшеніи дѣйствія посредствомъ соприкосновенія съ дѣйствіемъ посредствомъ движущихъ силъ. Отсюда мы заключаемъ еще разъ, что непрерывность скорости можетъ быть утверждаема только въ такой системѣ, которая выводитъ всякое движеніе изъ движущихъ силъ, дѣйствующихъ не только на разстояніи въ пространствѣ, но и чрезъ промежутки во времени. И даже въ такой системѣ эта доктрина предполагаетъ реальность времени, какъ будто время само по себѣ имѣетъ значеніе для дѣйствія. По нашему взгляду на время, различіе между членами одного и того же ряда есть самое время. Отсюда слѣдуетъ, что всякій рядъ, допускающій раздѣленіе въ мысли, будетъ необходимо казаться существующимъ во времени; и такъ какъ мы можемъ дсвести раздѣленіе скорости до всякаго желаемаго предѣла, то скорость должна казаться достигнутою посредствомъ бесконечно малыхъ возрастаній, сумма которыхъ дѣлается замѣтною только въ конечное время. Мы смотримъ на скорость, какъ на количество, и измѣряемъ ее числомъ. Но количество

допускаетъ неопредѣленное дѣленіе; и потому мы принуждены дѣлать конечныя единицы безконечно малыми. Но послѣ того, какъ мы предположили такую дѣлимость, мы должны естественно смотрѣть на цѣлое, какъ на сумму безконечно малыхъ частей, предполагаемыхъ нашимъ утвержденіемъ. Ихъ сложеніе въ реальности должно быть, однакоже, послѣдовательнымъ. Отсюда даже въ случаѣ въ собственномъ смыслѣ соприкосновенія твердыхъ тѣлъ, если бы тѣло мгновенно переходило отъ скорости 2 къ скорости 4, мы должны были бы стараться раздѣлить это возрастаніе на части, чрезъ которыя всѣ онѣ проходятъ, и должны были бы, слѣдовательно, пытаться достигнуть мгновенности перехода посредствомъ увеличенія ихъ числа до безконечности. Тотъ фактъ, что дѣлимость ряда есть время, дѣлаетъ непрерывность скорости, по видимому, самоочевидною.

Но мы видѣли, что непрерывность движенія можетъ также означать непрерывность въ пространствѣ. По обычному взгляду на пространство, какъ на мѣсто, въ которомъ содержатся вещи, эта доктрина внѣ спора. Различныя затрудненія могутъ быть вызваны сенсуалистической философіей, но всѣ они основывались бы на отрицаніи обычнаго взгляда. Идеальная теорія пространства содержитъ парадоксъ въ этомъ пунктѣ. Если пространство субъективно, то вещи не въ пространствѣ, но кажутся подъ формою пространства, и пространство само по себѣ есть только форма этой видимости. Положеніе вещей въ феноменальномъ пространствѣ есть только выраженіе ихъ онтологическихъ отношеній между собою, и кажущееся измѣненіе положенія должно быть всецѣло приписано перемѣнѣ въ этихъ отношеніяхъ. Поэтому, совершенно возможно, что должны бы быть такого рода измѣненія, которыми предполагалось бы исчезновеніе тѣла въ данномъ пунктѣ и появленіе его въ другомъ пунктѣ, безъ появленія однакоже въ каждомъ изъ промежуточныхъ положеній. Такъ, появленіе тѣла въ пунктѣ А происходитъ отъ того факта, что сумма его взаимодействій съ другими непространственными реальностями предписываетъ форму и мѣсто его появленія. Совершенно понятно, что эти взаимодействия вслѣдъ за тѣмъ могли бы

предписывать, чтобы оно явилось въ пунктѣ A_n : и въ такомъ случаѣ оно исчезло бы въ A и снова явилось бы въ A_n . Но полное отсутствіе всякаго такого факта въ опытѣ указываетъ на извѣстный порядокъ и непрерывность измѣненія въ этихъ онтологическихъ отношеніяхъ, лежащихъ въ основѣ феномена движенія. Если бы это измѣненіе не было непрерывнымъ, движеніе также не было бы непрерывнымъ и въ скорости, и въ пространствѣ, а въ такомъ случаѣ всякое вычисленіе было бы невозможно. Дѣйствительныя измѣненія, поэтому, таковы, что появленіе одного и того же тѣла въ A и A_n сопровождается его послѣдовательнымъ появленіемъ въ A_1, A_2, A_3 и т. д. На этотъ порядокъ, однако же, должно смотрѣть просто какъ на фактъ, а не какъ на рациональную необходимость.

4. *Разборъ доказательствъ перваго закона движенія.* Мы должны теперь отъ этихъ общихъ соображеній перейти къ разсмотрѣнію болѣе специальныхъ законовъ движенія. И, къ счастью, намъ нѣтъ надобности самимъ доискиваться этихъ законовъ, потому что наука механики сдѣлала это дѣло для насъ. Мы должны, поэтому, только разобрать тѣ законы, которые найдены необходимыми для объясненія феноменовъ и которые оправдываются опытомъ.

Первый и основной законъ движенія есть законъ инерціи, по которому тѣло не можетъ двинуться или остановиться само собою. Если оно находится въ покоѣ, оно остается въ покоѣ: а если—въ движеніи, оно остается въ однообразномъ движеніи по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока не подвергнется дѣйствию совнѣ. Было сдѣлано много попытокъ показать, что этотъ законъ есть необходимость мысли, но безъ успѣха. Если должна быть признана произвольность элементовъ, этотъ законъ, конечно, есть тождественное сужденіе, потому что онъ представляетъ въ такомъ случаѣ простое отрицаніе произвольности въ пространственныхъ отношеніяхъ. Переменная положенія всегда есть слѣдствіе и предполагаетъ нѣкоторую причину; и если элементъ не имѣетъ никакого вліянія на свои собственные состоянія, то, конечно, всякая переменная должна происходить совнѣ. Но когда требуется узнать, представляетъ ли этотъ законъ апріорную необходимость, мы дол-

жны изслѣдовать, имѣется ли какое-нибудь основаніе для утверженія, что элементы должны быть именно такими. Что они таковы, это можетъ быть допущено, но что они должны быть такими, это не очевидно. Кажущаяся самоочевидность въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ проистекаетъ изъ абстракціи матеріальнаго пункта, съ которой механика обыкновенно начинается. Этотъ пунктъ понимается, какъ инертный субъектъ возможнаго движенія, самъ по себѣ лишенный всякаго качества, такъ что не можетъ заключать въ себѣ никакого основанія для дѣятельности какого бы то ни было рода. Вывести законъ инерціи изъ этого понятія довольно легко; но самое это понятіе — чистая фикція. Въ примѣненія къ реальному элементу, не очевидна сама собою даже первая часть закона, которою утверждается, что тѣло, находящееся въ покоѣ, будетъ оставаться въ покоѣ, пока не будетъ приведено въ движеніе чѣмъ-нибудь совнѣ. Не очевидно само собою, чтобы элементъ, если бы онъ могъ одинъ существовать въ пространствѣ, не могъ начать движенія, какова бы ни была его природа; потому что движеніе, какъ мы видѣли, есть только пространственное выраженіе внутренняго состоянія, и если бы это состояніе было дано, движеніе должно было бы произойти. Не очевидно само собою, что внутреннія измѣненія такой вещи никогда не могли бы имѣть результатомъ того состоянія, которое выражается въ движеніи.

Обычное доказательство первой части закона инерціи состоитъ въ томъ, что намъ предлагаютъ представить себѣ единственный элементъ въ пустомъ пространствѣ и указываютъ на то, что нѣтъ причины, почему онъ скорѣе долженъ двигаться въ одномъ направленіи, чѣмъ въ другомъ. Затѣмъ выводится заключеніе, что элементъ будетъ оставаться въ покоѣ. Но законъ достаточнаго основанія, на который въ этомъ случаѣ ссылаются, очень предательскій союзникъ. Мы могли бы съ одинаковымъ удобствомъ воспользоваться имъ для доказательства того, что атомъ могъ бы не быть въ пространствѣ или во времени. Ибо каждый пунктъ пространства и времени одинаковъ съ каждымъ другимъ, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія, почему атомъ долженъ быть скорѣе въ одномъ

какомъ-нибудь пунктѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ; и потому онъ не можетъ быть ни въ пространствѣ, ни во времени. Извѣстно, что Лейбницъ, изобрѣтатель этого закона, постоянно находился въ опасности впасть въ пантеизмъ подъ его вліяніемъ. Но мы можемъ допустить, что въ самомъ пространствѣ не было бы никакого основанія для движенія скорѣе въ одномъ направленіи, чѣмъ въ другомъ; это однако же не доказывало бы еще, что не можетъ быть никакого основанія для движенія въ самой вещи. Ни въ какомъ случаѣ пространство не опредѣляетъ собою направленія движенія; направленіе послѣдняго обусловливается взаимодействіемъ вещей, и здѣсь важно знать, почему элементъ не можетъ самъ собою приходить въ то внутреннее состояніе, которое обнаруживается, какъ движеніе. Говорятъ, что если бы это было, движеніе возникало бы не изъ покоя, а изъ внутренняго движенія; но рядъ онтологическихъ измѣненій въ вещахъ представляетъ движеніе только въ реторическомъ смыслѣ. Если бы, слѣдовательно, вещь могла существовать одна и испытывала бы рядъ внутреннихъ измѣненій въ своемъ одинокомъ существованіи, не неистижимо, чтобы она могла приходить въ движеніе одна сама по себѣ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что въ вещахъ можетъ быть стремленіе къ извѣстному состоянію, какъ напр. въ эластическихъ тѣлахъ, въ которыхъ всякое нарушеніе равновѣсія вызываетъ усиліе возстановить балансъ. Лучшій примѣръ такого стремленія представляетъ наша собственная психическая жизнь, когда какое-либо состояніе не совмѣстно съ внутренней гармоніей и когда является соотвѣтственное усиліе возстановить внутреннее равновѣсіе. Слѣдовательно, вещи могутъ быть такими, что въ нихъ происходитъ внутренняя борьба, когда онѣ выводятся изъ извѣстнаго состоянія, и потому онѣ могутъ имѣть внутреннее стремленіе къ этому состоянію, и это состояніе можетъ быть тѣмъ, которое должно было бы обнаруживаться или какъ покой, или какъ движеніе, смотря по своей природѣ.

Но, далѣе, говорятъ, что движеніе могло бы не произойти даже и въ этомъ случаѣ, потому что для движенія необхо-

димо направленіе. Поэтому, если бы существовало то состояніе, которымъ вызывается движеніе, оно все-таки не могло бы произвести движенія, потому что не было бы ничего, что опредѣляло бы собою движеніе вещи. Движеніе было бы возможно въ каждомъ изъ неопредѣленнаго числа направленій, и такъ какъ каждое направленіе имѣетъ для себя столько же основаній, сколько и всякое другое, то движеніе вовсе не могло бы начаться. Здѣсь оказывается возвращеніе къ принципу достаточнаго основанія, а оно не устраняетъ трудности. Если движеніе заключаетъ въ себѣ направленіе, мы должны были бы просто сказать, что предполагаемое состояніе, произведенное въ вещи, содержало бы въ себѣ и основаніе для направленія. Конечно, возникаетъ вопросъ, почему одно направленіе лучше другого? И отвѣтъ долженъ быть признаніемъ незнанія. Но для того, кто вѣритъ въ реальность пространства и времени, тотъ же самый вопросъ возникъ бы касательно существованія элемента. Можно было бы высказать сильное удивленіе относительно факта, что атомъ долженъ быть въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ изъ безчисленнаго множества пунктовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ точно также право на его присутствіе. И это изумленіе имѣло бы для себя столько же основаній, какъ и удивленіе относительно движенія атома въ пространствѣ. Если существованіе атома въ пространствѣ означаетъ что-нибудь понятное, его движеніе и направленіе того движенія было бы не болѣе удивительнымъ, чѣмъ его существованіе въ опредѣленномъ пунктѣ. Этотъ фактъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, просто нужно было бы признать. Далѣе, въ дѣйствительной системѣ міра мы наталкиваемся на ту же самую трудность. Можно сказать, что ни одна вещь не можетъ заставить другую двигаться посредствомъ какой-нибудь притягательной силы, потому что число возможныхъ направленій бесконечно. Слово: *притяженіе* не должно вводить насъ въ ошибку упущенія изъ виду этой трудности. Отнюдь не очевидно само собою, что движеніе должно происходить по линіи, соединяющей тѣла. По всему мы имѣемъ право сказать, что оно можетъ происходить по всякой другой линіи.

Отсюда притягивающее тѣло должно также опредѣлять собою и направленіе, а по закону достаточнаго основанія это невозможно. Весь процессъ, посредствомъ котораго выводится законъ инерціи, чисто фиктивенъ. Единственный атомъ въ пустомъ пространствѣ есть противорѣчіе, потому что атомы имѣютъ свое существованіе и свойства только въ системѣ, которой они суть части или необходимыя предположенія. Вся польза отъ такой фикціи состоитъ въ томъ, что она помогаетъ напечатлѣть законъ въ воображеніи. Она никогда, ни на одно мгновеніе не можетъ имѣть значенія аргумента. Но если мы хотимъ прѣбѣгнуть къ такой фикціи, мы должны объявить, что по всему, что каждый философъ или физикъ знаетъ, единственный элементъ въ пространствѣ можетъ быть такимъ, чтобы приходить самому собою въ движеніе.

Другая часть закона столь же мало представляетъ апріорную истину по ходячему взгляду на дѣло. Для ненаучной мысли она даже кажется ложною; но это происходитъ всецѣло отъ рабства чувствамъ. Во-первыхъ, постоянное направленіе не составляетъ какой-либо необходимости мысли. Направленіе само по себѣ дается изнутри, а не извнѣ. Конечно, въ дѣйствительности направленіе первоначально опредѣляется извнѣ, но только чрезъ посредство внутренняго состоянія, такъ что вещь не влечется совнѣ, но толкается изнутри къ извѣстному пункту. Непосредственное основаніе, почему вещь движется въ извѣстномъ направленіи и съ извѣстною мѣрою скорости, находится не во внѣшнихъ вещахъ, но въ ея собственномъ внутреннемъ состояніи. Это въ особенности очевидно изъ ходячаго взгляда, что если бы всѣ внѣшнія вещи исчезли, вещь продолжала бы двигаться въ томъ же самомъ направленіи и съ тою же самою скоростью. Слѣдовательно, направленіе окончательно дано во внутреннемъ состояніи движущейся вещи. Поэтому, нѣтъ никакой нелѣпости въ предположеніи, что вещь могла бы сама измѣнить свое направленіе. Что этого не бываетъ, это—фактъ, а не необходимость. Здѣсь также ссылаются на принципъ достаточнаго основанія и утверждаютъ, что нѣтъ никакой причины, почему измѣненіе должно было бы произойти въ одну сторону скорѣе, чѣмъ

въ другую и проч. Конечно, нѣтъ никакой причины въ пространствѣ, но сказать, что нѣтъ ея и въ вещи, значитъ просто вызывать вопросъ. Эта часть закона, очевидно, также не представляетъ какой-нибудь необходимости, а по большей мѣрѣ только фактъ.

Архимандритъ Борисъ.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *)

Доказательства бытія Божія у Платона слѣдующія:

а) *Космологическое*. Это доказательство, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, на основаніи общихъ признаковъ всѣхъ предметовъ міра, составляя понятіе о сущности всего міроваго бытія, заключаютъ отсюда къ необходимости признать, для объясненія его начала, высочайшую абсолютную причину¹⁾. Такъ какъ міръ самопроизвольно не могъ произойти, то требуется необходимо признать существованіе абсолютной причины, отъ которой бы онъ могъ произойти; а таковая причина и есть Богъ: вотъ общая формула этого доказательства. Развитіе этого доказательства у Платона мы находимъ въ его діалогѣ Филебъ. Именно вѣсь нашъ философъ, утверждая три основныхъ начала вещей, именно: безпредѣльное (*τὸ ἄπειρον*) — матерію, предѣль (*τὸ πέρας*) или норму, образецъ, по которому вещи составлены изъ матеріи, и единое, смѣшанное изъ того и другаго, затѣмъ отъ лица Сократа говоритъ: «нуженъ мнѣ еще и четвертый родъ. *Протархъ*. Говори, какой. Со-

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 3.

1) Срав. В. Д. Гудрявцева, Космологическое доказательство бытія Божія, вл. Правосл. Обозр. 1884, I, 693.

кратъ. Смотри на причину (τὴν αἰτίαν) взаимнаго смѣшенія тѣхъ родовъ и, кромѣ оныхъ трехъ, положи четвертый этотъ» ¹⁾. Потомъ, раскрывъ понятіе о первыхъ трехъ родахъ (началахъ), опредѣляетъ интересующій насъ въ настоящую пору четвертый, опять отъ лица Сократа, такимъ образомъ: «смотри, кажется ли тебѣ необходимымъ, что все происходящее происходитъ отъ какой нибудь причины (ἀναγκαῖον πάντα τὰ γινόμενα διὰ τινα αἰτίαν γίνεσθαι?) *Прот.* Мнѣ кажется. Да и какъ бы безъ этого что нибудь произошло?» ²⁾. Теперь спрашивается: что же это за причина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается у Платона въ дальнѣйшихъ словахъ того же діалога, гдѣ Сократъ спрашиваетъ: «скажемъ ли, Протархъ, что все вмѣстѣ (τὰ ζῴοντα), все такъ называемое цѣлое (τὸ ὅλον) управляется силою неразумною, слѣпою и случайною (τὴν τοῦ ἀλόγου καὶ εἰκῆ δυνάμιν, καὶ τὰ ὀπλῆ ἔτυχεν), или, напротивъ, какъ говорили наши предшественники ³⁾, строитель и правитель есть умъ и какое то дивное разумѣніе (νοῦν καὶ φρόνησιν τινα θαυμαστὴν ζουτάττουσαν διακυβερνᾶν?) *Прот.* И похожаго ничего нѣтъ, чудный Сократъ. То, что ты теперь говоришь, мнѣ представляется даже грѣхомъ: напротивъ, мысль объ устрояющемъ все умѣ кажется достойною зрѣлица, представляемаго и міромъ, и солнцемъ, и луною, и звѣздами, и всѣмъ круговращеніемъ; и я не иначе желалъ бы какъ говорить объ этомъ, такъ и мыслить» ⁴⁾. Затѣмъ обстоятельно изложивъ тѣ мысли, что тѣло наше составлено изъ стихій вселенной, которая въ общемъ есть также своего рода тѣло ⁵⁾, а душа наша воспринята нами отъ Ума, который управляетъ вселенной, философъ дѣлаетъ естественное заключеніе, что каковъ нашъ умъ, то есть мудрый и разсудительный, таковой же должно приписывать и причинѣ, произведшей міръ. «Вѣдь мы не подумаемъ же, Протархъ,—говоритъ опять у Платона

1) Филебъ, 23 Д. Переводъ Карпова.

2) Ibid. 29 Е.

3) Разумѣется главнымъ образомъ Анаксагоръ съ послѣдователями, его мысли объ Умѣ.

4) Филебъ, 28. Д. Е.

5) Ibid. 29, Е.

Сократъ, — чтобы изъ тѣхъ четырехъ родовъ—предѣла, безпредѣльнаго, общаго и рода причины (τὸ τῆς αἰτίας γένος), это присущее всему четвертое (ἐν ᾧπανι τέταρτον ἐνὸν τοῦτο), сообщающее нашимъ стихіямъ душу (ψυχῆν), поддерживающее въ тѣлѣ отправления, врачующее его, когда оно слабѣетъ и все во всемъ слагающее и исцѣляющее,— чтобы это четвертое не называлось всею и всяческою мудростію (πᾶσαν καὶ παντοίαν σοφίαν); и тогда какъ то же самое есть въ цѣломъ небѣ и по великимъ его частямъ, тогда какъ тамъ, кромѣ сего, все прекрасно и чисто, чтобы не устроило оно и среди неба природу вещей прекраснѣйшихъ и драгоценнѣйшихъ (τὴν τῶν καλλίστων καὶ τιμιωτάτων φύσιν). *Прот.* Это то было бы крайне несообразно. *Сокр.* Если же не подумаемъ этого, то, сообразуясь съ прежнимъ положеніемъ, лучше скажемъ, что во всемъ есть, какъ говорили мы много разъ, неизмѣримое безпредѣльное и достаточный предѣлъ, и что нѣкоторая немаловажная причина (αἰτία) въ этомъ, устрояющая и упорядочивающая (κοσμοῦσα τε καὶ ἑντάττουσα) годы, годовые времена и мѣсяцы, весьма справедливо можетъ быть названа мудростію и умомъ (σοφία καὶ νοῦς). *Прот.* Конечно, весьма справедливо. *Сократ.* Впрочемъ, мудрость и умъ не могли бы быть безъ души (ἀνευ ψυχῆς οὐκ ἂν ποτε γενέσθην). *Прот.* Разумѣется, нѣтъ. *Сокр.* И не скажешь ли ты, что въ природѣ Зевса (ἐν τῇ τοῦ Διὸς φύσει), по силѣ причины (διὰ τὴν τῆς αἰτίας δύναμιν), живетъ царская душа и царскій умъ (βασιλικὴν μὲν ψυχὴν, βασιλικὸν δὲ νοῦν ἐγγίγνεσθαι), а въ другихъ (богахъ) другія совершенства (καλά), какія кому изъ нихъ угодно себѣ приписывать? *Прот.* И очень. *Сокр.* Да и не думай, Протархъ, что мы сказали это слово попусту: оно помогало тѣмъ, которые нѣкогда утверждали, что правитель всего всегда есть умъ. *Прот.* Конечно, такъ. *Сокр.* Оно же даетъ отвѣтъ и на мой то вопросъ, что умъ—родня причинѣ всего (ὅτι νοῦς ἔστι γενούστης τοῦ πάντων αἰτίου), принадлежащей къ числу четырехъ родовъ, изъ которыхъ былъ у насъ одинъ этотъ. Такъ вотъ ты и имѣешь уже нашъ отвѣтъ. *Прот.* И весьма удовлетворительный, хотя ты какъ будто подкрался съ

своимъ отвѣтомъ»¹⁾. Подобнымъ же образомъ Платонъ аргументируетъ и въ Тимеѣ, который весь вращается около мысли о происхожденіи міра или вселенной отъ Творца всего — Бога. Главная мысль космологическаго доказательства бытія Божія въ этомъ діалогѣ кратко выражена въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «все небо, или космосъ ($\delta\ \pi\alpha\varsigma\ \omicron\upsilon\beta\alpha\ \nu\omicron\varsigma\ \eta\ \kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$), или какъ бы мы ни назвали его, — если кто найдетъ лучшимъ иное имя, — относительно его должно прежде всего изслѣдовать (что надобно изслѣдовать первымъ дѣломъ и во всѣхъ вопросахъ), было ли оно всегда, такъ что въ своемъ бытіи не имѣло вовсе начала, или оно произошло, изшедши изъ какого нибудь начала. Произошло: потому что оно есть нѣчто видимое, осязаемое и тѣлесное, а все такое чувственно; чувственно же, воспринимаемое мнѣніемъ посредствомъ чувства, оказалось происходящимъ и рожденнымъ. А происшедшее, говоримъ, необходимо является отъ какой нибудь причины ($\tau\omega\ \delta\prime\ \alpha\upsilon\ \gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\ \varphi\alpha\rho\acute{\epsilon}\nu\ \omicron\pi\prime\ \alpha\iota\tau\iota\omicron\upsilon\ \tau\iota\nu\omicron\varsigma\ \alpha\nu\acute{\alpha}\gamma\chi\eta\nu\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\ \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$)»²⁾. И далѣе: «космосъ — самый прекрасный предметъ изъ рожденныхъ, а Зиждитель — совершеннѣйшая изъ причинъ ($\delta\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota\sigma\tau\omicron\varsigma\ \tau\omega\ \nu\ \gamma\epsilon\gamma\omicron\nu\omicron\tau\omega\nu\ ,\ \delta\ \delta\prime\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma\ \tau\omega\ \nu\ \alpha\iota\tau\iota\omega\nu$). Такъ то произошелъ онъ», т. е. міръ»³⁾. Въ приведенныхъ мѣстахъ первопричина міра или абсолютная причина его называется не только умомъ, мудростію и Зиждителемъ ($\delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$), но и Зевсомъ, иначе сказать верховнымъ, единымъ истиннымъ Божествомъ греческой религіи, что и требовалось доказать.

б) *Телеологическое* доказательство бытія Божія. Космологическое доказательство останавливалось лишь на признаніи абсолютной, безусловной причины въ виду условности, ограниченности и измѣнчивости міроваго бытія. Но такое абсолютное начало въ своей отвлеченной формѣ (какъ причина) далеко не удовлетворяетъ требованію понятія о Богѣ, какъ существѣ живомъ, личномъ, предъявляемому религіознымъ

¹⁾ Ibid. p. 30.

²⁾ Там. 28. В. С.

³⁾ Ibid. 29 A. Conf. Legg. X, 888 sqq.

сознаніемъ и выразившемуся у Платона въ отождествленіи абсолютной первопричины съ Зевсомъ. Больше удовлетворяющимъ это требованіе и какъ бы восполняющимъ недостатокъ космологическаго доказательства является телеологическое. Сила, величіе и красота природы, глубокая разумность и цѣлесообразность устройства частей ея какъ безотносительно къ чему бы то ни было, такъ и въ отношеніи къ потребностямъ населяющихъ ее живыхъ и разумныхъ существъ. наконецъ дивная стройность всего міра, какъ цѣлаго, вселенной, обнаруживающаяся во всемъ, начиная отъ малѣйшаго цвѣтка, отъ микроскопическаго организма до вращающихся въ безконечныхъ пространствахъ міровыхъ свѣтилъ.—все это заставляеть разумъ человѣческій признать, что міръ такъ устроенъ не по слѣпому случаю и не самъ собою, а причиною высочайше разумною, обладающей не только мудростію, но и сплюю величайшею, волею, обнаруживающеюся въ преднамѣренности плана міроустройства, короче сказать—существомъ всесовершеннымъ, личнымъ. Ибо и самые обыкновенные, общеизвѣстные логическіе законы требуютъ, чтобы въ слѣдствіи или произведеніи не было больше, чѣмъ въ производящей причинѣ, или иначе сказать, чтобы причина обладала всѣмъ тѣмъ, что есть въ произведенномъ ею. Вотъ въ чемъ сущность телеологическаго доказательства ¹⁾. Мы видѣли зачатки его уже у Анаксагора. Дальнѣйшее развитіе его видѣли у Сократа. У Платона, имѣвшаго уже въ виду плоды мышленія того и другого философа, конечно найдемъ въ этомъ отношеніи не меньше, а больше, нежели у нихъ. Раскрытіе этого доказательства у нашего философа мы главнымъ образомъ находимъ въ той X-й книгѣ «Разговоровъ о Законахъ», съ которой мы и начали отдѣлъ о доказательствахъ бытія Божія у Платона. Именно здѣсь-то, опровергая мнѣнія отрицавшихъ бытіе Божіе древнихъ мыслителей и софистовъ, нашъ философъ говоритъ: «нѣкоторые утверждаютъ, что всѣ вещи настоящія, прошедшія и будущія происходятъ то отъ природы, то отъ искусства, а

¹⁾ Сравни объ этомъ доказательствѣ въ «Чтеніяхъ по философіи религіи» В. Д. Кудрявцова въ *Правосл. Обозр.* 1885, I, 571—574.

то благодаря случаю ($\tau\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \varphi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$, $\tau\alpha\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$, $\tau\alpha\ \delta\grave{\epsilon}\ \delta\iota\grave{\alpha}\ \tau\acute{\upsilon}\chi\eta\nu$) ¹⁾. но не благодаря уму и не благодаря Богу какому либо ($\sigma\acute{\upsilon}\ \delta\iota\grave{\alpha}\ \nu\omicron\upsilon$, $\sigma\acute{\upsilon}\delta\grave{\epsilon}\ \delta\iota\grave{\alpha}\ \tau\iota\alpha\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\nu$) и не вслѣдствіе художества ($\sigma\acute{\upsilon}\delta\grave{\epsilon}\ \delta\iota\grave{\alpha}\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$), но, какъ мы говорили, отъ природы и отъ случая ²⁾. И далѣе: «люди сіи, кажется, почитаютъ первую причиною всѣхъ вещей огонь, воздухъ, землю и воду и называютъ ихъ природою, душу же считаютъ послѣ произшедшею изъ этихъ первостихій» ³⁾. Но эти люди, какъ бы такъ говорятъ философъ, не понимаютъ силы, значенія и природы души: «первую причину бытія и разрушенія всего ($\delta\ \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu\ \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\epsilon\omega\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \varphi\theta\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma\ \alpha\iota\tau\iota\omicron\nu\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$) они объявляютъ не первую, но послѣднею; а послѣднее они принимаютъ первымъ. Такимъ образомъ произошло заблужденіе объ истинной сущности боговъ ($\pi\epsilon\rho\iota\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\nu\ \tau\eta\varsigma\ \delta\upsilon\tau\omega\varsigma\ \sigma\acute{\upsilon}\sigma\iota\alpha\varsigma$)» ⁴⁾. И тотчасъ же послѣ сего разъясняетъ эту свою мысль: «Сіи люди почти вовсе не знаютъ, что есть душа, и какую она имѣетъ силу, а еще менѣе знаютъ о прочихъ свойствахъ ея и происхожденіи, что она есть первая, произошла прежде всѣхъ тѣлъ, управляетъ всѣми измѣненіями и устройствомъ ихъ. Если же это такъ, если душа древнѣе тѣла ($\pi\rho\epsilon\sigma\beta\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\ \sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$): то по необходимости и все сродное душѣ произошло прежде всего того, что относится къ тѣлу. Слѣдовательно мнѣніе, попеченіе, разумъ, художество и законъ произошли прежде всего грубаго и мягкаго, тяжелаго и легкаго. И первыя великія творенія и дѣянія принадлежатъ художеству; естественныя же вещи, равно какъ и самая природа, неправильно такъ называемая, суть послѣднія и управляются художествомъ и разумомъ ($\acute{\epsilon}\kappa\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \nu\omicron\upsilon$)» ⁵⁾. Затѣмъ, указавъ на различные виды происхожденія, измѣненія и движенія, философъ продолжаетъ: «если у насъ одно производитъ измѣненіе въ другомъ, другое—въ третьемъ и такъ далѣе, то не должно ли наконецъ быть пер-

1) Legg. X, 888. E.

2) Ibid. 889. C.

3) Ibid. 891. C. Здѣсь очевидно разумѣются представители и приверженцы мнѣній архаической философіи.

4) Ibid. E.

5) Ibid. 892. A. B.

вое измѣняющее? и если то же самое является относительно движенія, то должно предположить и первую измѣняющую спокойное положеніе причину. Иначе какимъ образомъ то, что движется другимъ, можетъ быть первою причиною движенія? Это невозможно. Но если что-нибудь и само себя движетъ и передаетъ это движеніе другому, а это послѣднее третьему, и такимъ образомъ приводится въ движеніе безчисленное множество предметовъ: то началомъ этого движенія можетъ ли быть что-нибудь иное, какъ не перемѣна того, что движетъ само себя? Въ первый разъ, когда происшедшее въ одно время было еще неподвижно, какимъ движеніемъ изтъхъ, о коихъ мы говорили, начало все двигаться? Тѣмъ, которое само себя движетъ; ибо отъ другого безъ предварительной причины не можетъ послѣдовать никакой перемѣны. Итакъ это начало всѣхъ движеній (*ἀρχὴν κινήσεως πασῶν*). первое, которое произошло въ неподвижныхъ и въ движущихся предметахъ, которое само себя движетъ, мы назовемъ первѣйшею и сильнѣйшею причиною всѣхъ перемѣнъ (*πρῶτατὴν καὶ κρατίστην μεταβολὴν πασῶν*); а то, которое терпитъ измѣненія отъ другаго и движетъ другіе предметы, назовемъ второю¹⁾. Опредѣливъ затѣмъ движеніе и измѣненіе вообще какъ жизнь (*ζῆν*) и по аналогіи съ человѣческою жизнью, условіемъ коей является душа, утвердивъ еще яснѣе и точнѣе прежняго, что «душа есть первое происхожденіе и движеніе (*τῆν πρώτην γένεσιν καὶ κίνησιν*) всего, что есть, что было, что будетъ, и всего, что противоположно сему, такъ какъ ясно, что она есть самая первая причина (*αἰτία*) всякаго измѣненія и всякаго движенія»²⁾, а слѣдовательно она же «есть причина и всего добраго, прекраснаго, равно также худаго и постыднаго, справедливаго и несправедливаго и всѣхъ противоположностей»³⁾, нашъ философъ приступаетъ теперь къ главнѣйшему, чего мы ищемъ у него. «Не необходимо ли,— читаемъ у него,— также сказать, что душа, управляющая всѣмъ

1) Ibid. 894. E. 895. A. B.

2) 896. A. B.

3) 896. D.

и живущая во всемъ какимъ бы то ни было образомъ движущемся, также править и небесами? Править же душа всѣмъ на небѣ, на землѣ и на морѣ посредствомъ своихъ движеній, коихъ имена суть: воля, провицательность, попеченіе, совѣтъ, мнѣніе, справедливое или ложное, радость, огорченіе, смѣлость, боязливость, ненависть, любовь; править посредствомъ сродныхъ ей первоначальныхъ движеній, коими возбуждаются второстепенныя движенія въ тѣлѣ, приводящія все къ возрастанію или къ разрушенію, къ раздѣленію или къ соединенію, производящія теплоту или холодъ, тяжесть или легкость, жесткость или мягкость, бѣлое или черное, сладкое или горькое. Всѣмъ этимъ пользуясь, воспринявшая умъ, который всегда есть Богъ (νοῦν μὲν προσλαβοῦσα ἀεὶ θεόν), правильно руководить всѣмъ, что является правымъ и блаженнымъ у боговъ (θεοῖς ὀρθὰ καὶ εὐδαίμονα παιδαγωγεῖ πάντα). Соединяясь же съ безуміемъ (ἀνοία), она производитъ все противоположное этому¹⁾. Но такъ какъ «всѣ пути неба, всѣ движенія находящіяся въ немъ свѣтиль отражаютъ на себѣ движеніе, оборотъ мыслей и соображеній ума: то очевидно должно назвать совершеннѣйшею (ἀρίστην) ту Душу, которая промышляетъ о всемъ мірѣ и ведетъ его таковымъ путемъ, какъ тѣ»²⁾. Вчастности и въ каждомъ изъ свѣтиль небесныхъ непременно должно предполагать такую же душу, имъ управляющую³⁾. «Душу же эту всякій человѣкъ долженъ считать Богомъ (ταύτην τὴν ψυχὴν θεὸν ἡγεῖσθαι χρεὼν πάντα ἄνδρα»⁴⁾. И такимъ образомъ получается въ болѣе очищенномъ философски видѣ, мысль высказанная уже однимъ изъ древнѣйшихъ мыслителей—Талесомъ, именно, что «все полно боговъ (θεῶν εἶναι πλήρη πάντα)»⁵⁾ а чрезъ то прямо доказывается, «что боги существуютъ (ὡς εἰσὶ θεοὶ)»⁶⁾. Однако и этого мало. Какъ истинному философу, Платону хотѣлось доказать не столько бытіе многихъ боговъ,

1) Legg. X, 896. Д. Е. 897. А. В.

2) Ibid. 897. С.

3) Ibid. 898. Д.

4) Ibid. 899. А.

5) Ibid. 899. В.

6) Ibid. 899. Д.

сколько бытіе единого Бога—міроустроителя и міроправителя. и потому онъ, не смотря на проглядывающее во всѣхъ «разговорахъ и законахъ» стремленіе поддержать именно народную, политеистическую религію, выразившееся между прочимъ и въ сейчасъ приведенныхъ словахъ, даже въ этихъ «разговорахъ» далѣе, при изображеніи промысла Божія, говоритъ въ согласіи и съ вышесказаннымъ, слѣдующее: «не подумаемъ, что Богъ (τοῦ θεοῦ) въ чемъ либо хуже смертныхъ художниковъ (собственно δημιουργῶν—ремесленниковъ, но очевидно здѣсь въ соотвѣтствіе понятію о Богѣ, какъ δημιουργός—зидителѣ). Послѣдніе въ произведеніяхъ своихъ чѣмъ сами превосходиѣ, тѣмъ съ большею точностію, съ большимъ совершенствомъ, съ одинаковымъ искусствомъ отдѣлываютъ какъ малое, такъ и великое; а Богъ премудрѣйшій (τοῦ δὲ θεοῦ οὕτα σοφώτατον), имѣющій желаніе и возможность промыслить, со-всѣмъ не занимается вещами малыми, какъ существо праздное и всякихъ трудовъ избѣгающее; оставляя легкое, объемлетъ только великое. Такого мнѣнія о богахъ (περὶ θεῶν) мы не примемъ»¹⁾. Далѣе опять такое же и уже болѣе ясное противоположеніе верховнаго Царя (ὁ Βασιλεὺς) и промыслителя многимъ богамъ народной религіи (οἱ κατὰ νόμον οὕτες θεοί)²⁾. Къ такому же по характеру изложенія телеологическому доказательству бытія Божія Платонъ возвращается и въ концѣ всѣхъ «разговоровъ о законахъ», съ указаніемъ на выше приведенное изъ X-й книги доказательство³⁾. Само собою разумѣется, что въ такомъ смѣшеніи народныхъ представленій о Божествѣ съ философскимъ понятіемъ о немъ не было нужды для Платона въ его другихъ діалогахъ, гдѣ мы находимъ слѣды того же доказательства. Такъ напр. въ «Политикѣ» мы читаемъ: «истинный астрономъ, смотря на движеніе звѣздъ, будетъ думать, конечно, что какъ тѣ предметы устроены наилучшимъ образомъ, такъ устроено творцемъ (τῷ

¹⁾ Ibid. 902. E. 903. A.

²⁾ Ibid. 904. A. B.

³⁾ Legg. XII, 966. D. E. 367.

δημιουργῶ) неба и самое небо и все, что на вебѣ» ¹⁾). Или въ «Софистѣ»: «всѣ животныя смертныя и растенія, вырастающія на землѣ изъ сѣмянъ и отъ корней, всѣ неодушевленныя тѣла, образующіяся въ землѣ, рожденныя и не рожденныя, не кѣмъ инымъ созданныя, какъ только Богомъ (μὴ ἄλλου τινὸς ἢ θεοῦ δημιουργήσαντος), — не скажемъ ли, произошли впоследствии, а прежде не существовали? Или воспользуемся учениемъ и словомъ народа? *Θεῶν τε.* Какимъ? *Ἰностранецъ.* Тѣмъ, что создаетъ ихъ природа, отъ какой-то самобытной причины, раждающей безъ разума (δῆλον). Или съ умомъ и знаніемъ Божественнымъ происходящей отъ Бога (ἀπὸ θεοῦ)? *Θεῶν.* Думаю, что все это происходитъ отъ Бога» ²⁾).

в) *Онтологическое* доказательство бытія Божія. Оба доселѣ разсмотрѣнныя доказательства бытія Божія исходили отъ внѣшняго въ отношеніи къ человѣческому сознанию, отъ разсмотрѣнія внѣшняго міра. Но философъ нашъ обращаетъ вниманіе и на внутреннее существо человѣка, на его сознаніе и здѣсь также находитъ источникъ, изъ котораго черпаетъ доказательства для убѣжденія въ той же истинѣ бытія Божія. Изъ этихъ доказательствъ не всѣ у Платона раскрываются съ одинаковою ясностію; однако все же они являются точнымъ выводомъ изъ его ученія. Сюда относится прежде всего, какъ мы обозначили выше, онтологическое доказательство, при которомъ, какъ извѣстно, основанія къ признанію истины бытія Божія берутся изъ анализа самаго понятія о Богѣ, существующаго въ нашемъ умѣ ³⁾. Въ нашемъ умѣ, сознаніи есть понятіе, идея о Богѣ, какъ существѣ совершенномъ или абсолютно совершенномъ. Въ этомъ понятіи, въ этой идеѣ уже включаются признаки бытія, существованія (εἶναι, τὸ ὄν) съ одной и безусловнаго совершенства съ другой стороны. Когда мы говоримъ о чемъ бы то ни было, что это существуетъ, даже когда отрицаемъ всякое бытіе, то и тогда и тѣмъ са-

¹⁾ Civitas VII, 530. A.

²⁾ Sophista, p. 265. С. Д. Conf. Phaedr. p. 245. С. Д. Tim. 29—30 и др.

³⁾ Срав. объ этомъ доказательствѣ «Чтенія по философіи религіи» В. Д. Кудрявцева въ Прав. Обозр. 1886, II, 63.

мымъ выражаемъ мысль о бытіи вообще, объ истинно сущемъ ($\tau\acute{o} \acute{o}\nu\tau\omega\varsigma \acute{o}\nu$), какъ не нами придуманпомъ, а существовавшемъ необходимо раньше появленія всякой подобной мысли. А это, въ свою очередь, предполагаетъ, при условности какого бы то ни было частнаго бытія, необходимость бытія безусловнаго, или, какъ говорятъ, абсолютнаго, которое есть Богъ. Въ этомъ очевидно соприкосновеніе онтологическаго доказательства съ космологическимъ, которое также отъ условной причинности восходитъ къ причинѣ безусловной. Но тутъ на помощь идетъ другая сторона онтологическаго доказательства—идея безусловнаго совершенства, которая даетъ не только то, что даютъ вмѣстѣ космологическое и телеологическое доказательства, но и болѣе ихъ: ибо вмѣстѣ съ указанною сейчасъ стороною объемлетъ все понятіе о Богѣ. Какъ же, спрашивается теперь, Платонъ раскрываетъ онтологическое доказательство? Раскрытіе это стоитъ въ связи съ его ученіемъ объ идеяхъ. Сущность этого ученія заключается въ томъ, что идеи суть мысленные образцы, по которымъ Богомъ создано и происходитъ все существующее, существовавшее и имѣющее появиться на свѣтъ ¹⁾. Онѣ отъ вѣчности существовали въ умѣ Зидителя міра, какъ планъ въ умѣ художника, и потому вѣчны, въ противоположность временности всего являющагося по образцу ихъ въ мірѣ. Онѣ неизмѣнны въ противоположность измѣняемости послѣдняго;—совершенны, въ противоположность несовершенству являющагося по образцу ихъ;—истинно сущи ($\tau\acute{o} \acute{o}\nu\tau\omega\varsigma \acute{o}\nu$) въ противоположность послѣднему ($\tau\acute{o} \mu\grave{\eta} \acute{o}\nu$) и т. д. ²⁾. Между идеями есть своего рода степени. Отъ значенія простыхъ понятій о предметахъ онѣ восходятъ до высшей степени значенія у Платона. Послѣднее въ особенности должно сказать объ идеѣ блага, которая (особливо въ Филебѣ) облекается такими предикатами, какіе свойственны только Богу, такъ что поэтому многіе ученые отождествляли ее съ самою иде-

¹⁾ Тимей, стр. 29—30 и др. Πολυτικά, X, 597 и др.

²⁾ Это ученіе особенно обстоятельно раскрывается въ діалогѣ «Софистъ». Срав. также «Тимей», стр. 27—28, 48, 52 и др. «Шврѣ», стр. 211 и др.

ею Божества у Платона. А между тѣмъ въ существѣ дѣла эта идея у нашего философа представляетъ собою лишь идею абсолютнаго совершенства ¹⁾. Съ признаніемъ же этого положенія мы получаемъ прочныя основанія къ правильной постановкѣ онтологическаго доказательства бытія Божія по Платону, какъ со стороны признака бытія, такъ и со стороны признака абсолютнаго совершенства. Именно существуютъ вещи въ мірѣ; но не обладаютъ истиннымъ бытіемъ (τὸ ὄντως ὄν); онѣ суть не сущее (μὴ ὄν); истинное бытіе принадлежитъ лишь идеямъ, по которымъ онѣ созданы и являются въ мірѣ. Однакоже и идеи не сами по себѣ существуютъ, но существуютъ лишь поскольку заключаются въ умѣ высочайшемъ, объемлющемъ всѣ эти идеи, всѣмъ управляющемъ, въ умѣ Божіемъ. Слѣдовательно собственно только Богъ имѣетъ бытіе Самъ по Себѣ, стало быть истинное бытіе; Онъ только есть въ полномъ смыслѣ τὸ ὄντως ὄν, какъ передаетъ ученіе Платона Стобей ²⁾, что и св. отцамъ Церкви напоминало ³⁾ и намъ невольно напоминаетъ изрѣченіе самого истиннаго Бога о Себѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ *Азъ есмь съи* (Ἐγὼ εἰμι ὁ ὢν, Исх. 3, 14). Въ доказательство этихъ мыслей, извлеченныхъ изъ ученія Платона объ идеяхъ, ихъ отношенія къ матеріи (τὸ μὴ ὄν) и къ Богу, мы не будемъ приводить вадлежащихъ и въ значительной части выше указанныхъ уже (подъ строками) мѣстъ изъ самыхъ сочиненій Платона, такъ какъ это было бы утомительно, да и излишне послѣ сказаннаго. Мы приведемъ лишь одно, ближе относящееся къ главной цѣли нашего изслѣдованія и заключающееся въ «Политикѣ Платона». Именно здѣсь онъ различаетъ, въ видахъ уясненія понятія объ идеяхъ, три рода одра (κλίνας) или софы ⁴⁾,

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. цитов. соч. *Schürmann*, p. 5—14.

²⁾ Приведа различныя наименованія Бога у Платона, и между прочимъ (τὸ ὄντως ὄν), Стобей говоритъ: πάντα δὲ τὰ τοιαῦτα τῶν ὀνομάτων εἰς τὸν νοῦν σκεύδει. *Eclog. phys.* I, 28.

³⁾ Св. Иустинъ философъ даже говоритъ, что вся разница между Платоновымъ и христіанскимъ ученіемъ здѣсь заключается лишь въ членѣ (ὁ ὢν и τὸ ὄν). *Conhort. ad. Graec.*

⁴⁾ У Карпова не точно переведено: скамья. На κλίνας, правда, и возлежали за обѣдомъ, но на ней и спали.

изъ коихъ «одну, существующую въ природѣ, сотворилъ Богъ (θεὸν ἐργάσασθαι), другую построилъ плотникъ (κλινοποιός) и наконецъ третью нарисовалъ живописецъ (ζωγράφος)» и такимъ образомъ устанавливаются три представителя (ἐπιστάται) надъ тремя видами (εἶδеси) софы. Но при этомъ «Богъ, или потому что не хотѣлъ, или по какой необходимости, чтобы въ природѣ сотворена была не больше, какъ одна софа, такъ и сотворилъ — одну и единственную (μίαν μόνην) ¹⁾ софу; а двѣ, или болѣе такихъ насаждены (ἐφυτεύθησαν) Богомъ не были и не будутъ. И это потому, что если бы Онъ сотворилъ ихъ двѣ по одной, то опять явилась бы одна, видъ которой имѣли бы обѣ онѣ, и сущая софа была бы (εἴη ἂν ὃ ἔστι κλίνη) та одна, а не эти двѣ. Съ этою то мыслию, думаю, Богъ, желая по истинѣ (ὄντως) быть творцемъ (ποιητής) истинно сущей (ὄντως οὐσης), а не какойнибудь софы, и не какимънибудь плотникомъ, произвелъ (ἔφουσε — насадилъ) ее въ природѣ (φύσει) одну», такъ что Его по этому «мы назовемъ насадителемъ (φυτοῦργός) сего или подобнымъ тому именемъ: ибо чрезъ насажденіе Онъ сотворилъ (πεποιήκε) и это и все другое. А плотника или живописца не назовемъ зиждителемъ и творцемъ (δημιουργὸν καὶ ποιητήν) софы (истинно сущей), а только подражателемъ (μιμητής) Ему, Который есть «Царь истины» въ этомъ отношеніи ²⁾. За тѣмъ въ отношеніи къ идеѣ блага, которое, по Платону, есть «совершеннѣйшее» (τελειώτατον), довлѣющее (ἰκανόν) и этимъ отличается отъ всего сущаго (πάντων διαφέρει ὄντων) ³⁾ и т. д. «идея блага (ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα) на предѣлахъ вѣдѣнія едва созерцается; но будучи предметомъ созерцанія, даетъ право умозаключать, что она во всемъ есть причина всего праваго и прекраснаго (ὀρθῶν τε καὶ καλῶν αἰτίαι), въ видимомъ родившая свѣтъ и его господина (т. е. солнце), а въ мыслимомъ (ἐν τε τῷ νοητῷ) сама госпожа, дающая исти-

¹⁾ По другимъ изданіямъ: μίαν μόνην — одну только.

²⁾ X, 597. Относительно выраженія «Царь истины» см. перев. Карпова стр. 491.

³⁾ Физебъ, стр. 20. Срав. также «Полютика» VI, 509.

ну и умъ (*ἀλήθειαν καὶ νοῦν παρασχομένη*), и что желающій быть мудрымъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ долженъ видѣть (*ιδεῖν*) ее¹⁾ А между тѣмъ и раньше въ томъ же сочиненіи («*Политикъ*») собственно Богъ называется «Зиждителемъ чувствъ (*τῶν αἰσθησέων δημιουργός*), создавшимъ драгоценнѣйшую силу видѣть и быть видимымъ»²⁾, и въ другихъ діалогахъ Платона только Богъ называется вообще «Зиждителемъ» (*δημιουργός*), «умомъ» (*νοῦς*) и под., а не идеи. Слѣдовательно и самая идея абсолютнаго совершенства (идея блага), существующая въ умѣ нашемъ, также есть въ насъ произведение существа всесовершеннаго, т. е. Бога и такъ какъ эта идея несомнѣнно есть, то есть и Богъ, даровавшій ее, вложившій ее въ нашъ умъ, что и требовалось доказать.

г) *Психологическое* доказательство бытія Божія. Между тѣмъ какъ онтологическое доказательство рассматриваетъ идею Божества, какъ нѣчто уже *данное* въ нашемъ сознаніи, психологическое доказательство затрогиваетъ вопросъ о самомъ источникѣ этой идеи въ нашемъ умѣ, сознаніи³⁾. Мы имѣемъ, въ числѣ другихъ идей, присущею нашему сознанію также идею высочайшаго блага или безусловнаго совершенства, по ученію Платона, короче—идею Божества. Откуда мы получили эту идею, когда видимый міръ, съ его несовершенствами, не могъ намъ дать ее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ полупоэтическое по изложенію, но глубоко-философское по содержанію ученіе Платона о до-мірномъ состояніи душъ, заключающееся въ *Федрѣ*. Именно здѣсь нашъ философъ, уподобляя душу человѣческую парѣ окрыленныхъ коней и возникшему, потерявшей однакоже крылья, задается вопросомъ о причинѣ этого лишенія перьевъ и говоритъ, въ объясненіе этой причины, слѣдующее: «сила пера состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы тяжелое поднимать на высоту,—въ пространство воздуха, гдѣ обитаетъ поколѣніе боговъ. И такъ какъ душа бо-

1) *Политика*, VII, 517.

2) Тамъ же, VI, 507. С.

3) См. о психологическомъ доказательствѣ у *В. Д. Кудрявцева* въ его «Чтеніяхъ по философіи религіи» въ *Прив. Обозр.* 1887, I, 250 и дал.

лѣе чѣмъ тѣлесному причастна божественному (*κεκοινώνηκε δὲ πη μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θείου ψυχῆ*); божественное же есть прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное: то этимъ-то особенно питаются и возвращаются крылья души; а отъ постыднаго, злаго и противнаго высшему они ослабѣваютъ и гибнутъ. Итакъ великій вождь на небѣ Зевсъ ѣдетъ первый на крылатой своей колесницѣ, устрояя вездѣ порядокъ и объемля все своимъ попеченіемъ. За нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и геніевъ, раздѣленное на одиннадцать отрядовъ; потому что одна только Веста остается въ жилищѣ боговъ, прочіе уже, въ числѣ двѣнадцати, поставленные начальниками, предводительствуютъ каждый ввѣреннымъ ему отрядомъ ¹⁾. И какое множество восхитительныхъ зрѣлищъ въ предѣлахъ неба! Сколько тамъ поприщъ, по которымъ протекаютъ блаженные боги, исполняя всякій свое дѣло! Слѣдуютъ же они за Зевсомъ, поколику всегда хотятъ и могутъ; такъ какъ ненависть находится вѣсь сонма боговъ. Но отправляясь на праздникъ и пиръ, они идутъ подъ высшее пространство небснаго свода уже вверху по наклонной плоскости. Поэтому колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія — съ трудомъ; потому что конь, причастный злу, не бывъ хорошо вскормленъ возничими, какъ-то тяжелъ, порывается и тяготѣеть къ землѣ. Отсюда въ душѣ рождается безпокойство и упорная борьба. Души, называемыя бессмертными, достигнувъ вершины и вышедши вѣсь неба, становятся на хребтѣ его. Стоя на немъ, онѣ вращаются вмѣстѣ съ орбитою и созерцаютъ пренебесное. Мѣста пренебснаго (*ὑπερουράμιον*), вѣроятно, не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспеть, какъ надобно. Оно таково — осмѣлимся уже высказать истину, особенно когда говоримъ объ истинѣ — оно есть существо безцвѣтное, безформенное, неосязаемое, истинно сущее (*ὄντως ὄντα*) и созерцаемое однимъ правителемъ души — умомъ: родъ истиннаго знанія

¹⁾ Здѣсь мы опять видимъ указаніе на ученіе о 12 главныхъ божествахъ греческой религіи.

только около его ¹⁾ имѣть свое мѣсто. Итакъ мысль Бога, питающаяся умомъ и чистымъ вѣдѣніемъ, и мысль всякой души, любящей принимать должное, радуется, что по временамъ видитъ сущее (το ὄν), и, усматривая истину, насыщается и наслаждается ею, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то же положеніе. Во время этого кругооборота она созерцаетъ справедливость, созерцаетъ разсудительность, созерцаетъ знаніе, и не такое, какое рождается, или заключается одно въ другомъ, какъ это бываетъ теперь у насъ, но знаніе, находящееся въ истинно сущемъ (ἐν τῷ ὄντι ὄν ὄντως). Насладившись созерцаніемъ и другихъ истинно сущихъ предметовъ ²⁾, она снова пускается во внутренность неба и идетъ домой. По возвращеніи же, ея возникшій, поставивъ коней къ яслямъ, даетъ имъ амвросіи и сверхъ того поить ихъ нектаромъ. Такова жизнь боговъ. Что же касается до прочихъ душъ, то однѣ изъ нихъ, наилучше слѣдуя за Богомъ и подражая ему (θεῶν ἐπομένη καὶ οἰκασμένη), поднимаются съ помощію головы возникшаго ³⁾ во внѣшнее мѣсто, и увлекаются также орбитою, не обезпокоиваемыя конями, съ трудомъ созерцаютъ сущее; а другія то поднимаются, то опускаются и, вслѣдствіе неповиновенія коней, иное видятъ, иное—нѣтъ. Нѣкоторыя же наконецъ, сколь ни сильно хотятъ онѣ подняться вверху, отъ слабости погружаются, падаютъ стремглавъ, попираютъ, давятъ другъ друга и стараются войти въ міръ явленій одна прежде другой. Отсюда—волненіе, толкотня, и чрезвычайный трудъ. Многія изъ нихъ при этомъ случаѣ, отъ глупости возникшихъ, дѣлаются калѣками ⁴⁾, многія много ломаютъ перьевъ, а всѣ вообще, послѣ такихъ трудовъ, остаются непосвященными въ созерцаніе сущаго и вдутъ питаться пищею мнѣнія ⁵⁾. Но отчего это великое стремленіе видѣть поле истины,

¹⁾ Т. е. истинно сущаго.

²⁾ Т. е. идей.

³⁾ Подъ головою возникшаго здѣсь разумѣется, конечно, умъ.

⁴⁾ Это выраженіе хорошо объясняется въ VII кн. Платоновой «Политикѣ» (стр. 535 Д), гдѣ значеніе хромой души опредѣляется по аналогіи съ хромымъ тѣломъ.

⁵⁾ Подъ именемъ мнѣній (δόξα), въ противоположность истинѣ и философскимъ познаніямъ, Платонъ разумѣетъ обыкновенныя человѣческія познанія, непрестан-

гдѣ она находится? Оттого, что приличная пища благороднѣйшей части души добывается только съ той пажити, и природа пера, облегчающая душу, питается только тою пищею»¹⁾. Изложивъ за тѣмъ и въ томъ же тонѣ, на основаніи того же орфико-пифагорейскаго поэтическаго преданія, ученіе о душе-переселеніяхъ, философъ продолжаетъ: «человѣкъ долженъ познавать истину подъ формою такъ называемаго вида (εἶδος), который составляется изъ многихъ чувственныхъ представлений, приводимыхъ разсудкомъ во едино; а это дѣлается чрезъ воспоминаніе о томъ, что душа ваша нѣкогда видѣла (τοῦτο δὲ ἐστὶν ἀνάμνησις ἐκείνων ἃ ποτ' εἶδεν ἡμῶν ἢ ψυχῆ), сопутствуя Богу (συμπροευθεῖσα θεῷ) и, презирая все, называемое нынѣ существующимъ, привикала мыслию къ истинно-сущему (εἰς τὸ ὄντως ὄν). По этому-то достойно окрыляется только мысль философа, такъ какъ его воспоминаніе, по мѣрѣ силъ, всегда направлено къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ направляясь, самъ Богъ есть существо Божественное (πρὸς ὁσπερ ὁ θεὸς ὄν, θεῖός ἐστι). Такими-то воспоминаніями пользуясь правильно, человѣкъ достигаетъ поляго освященія и одинъ бываетъ истинно совершенъ (τέλειος ὄντως). Правда, чуждый житейскихъ заботъ и преданный Божественному, онъ терпитъ укоризны толпы, какъ помѣшанный: но толпа не замѣчаетъ, что онъ въ энтузіазмѣ»²⁾. Итакъ вотъ гдѣ источникъ нашей идеи о Богѣ: непосредственное созерцаніе самого Бога въ до-мірномъ состояніи души нашей, когда умъ нашъ былъ гораздо чище и сознаніе яснѣе и живѣе, воспоминаніе о чемъ не изгладилось и доселѣ и возникаетъ съ большею или меньшею ясностію при извѣстныхъ болѣе или менѣе возвышенныхъ состояніяхъ нашего духа. И это тѣмъ болѣе, что, по ученію Платона, нашъ умъ сроденъ съ причиною всего (μοῦς γενούστας τῆς τοῦ παντὸς αἰτίας) и почти того же съ нею рода (καί

но измѣняющійся и не имѣющій между собою органической связи. СРАВ. ОБЪ. ТОМЪ. «Полт.» VI, 508. Д. Е.

1) Федръ, стр. 246. Д.—248. В.

2) Ibid. p. 249. В.—Д. Объ этомъ «воспоминаніи» или «припоминаніи» см. также въ Федолѣ, стр. 72—77.

τοῦτου σφεδρὸν τοῦ γένους)» ¹⁾ Ибо объ этомъ умѣ, «о господствующемъ у насъ видѣ души должно мыслить такъ, что въ немъ каждому Богъ даровалъ генія, — въ немъ, въ томъ началѣ, которому и обитель-то мы отвели въ верхней части тѣла, совершенно правильно полагая, что оно (т. е. начало) поднимаетъ насъ отъ земли, какъ пасаженіе не земное, а небесное, къ родственной намъ въ небесахъ природѣ; такъ какъ, придавая намъ оттуда, гдѣ восприняла свое начало душа, также и голову -- корень нашей жизни, Богъ выпрямляетъ все тѣло» ²⁾. И такимъ образомъ «ты признаешь бытіе боговъ, потому что нѣкоторое сродство съ Божественною природою и врожденное чувство (συγγενεῖα τὴς σε θεῶν πρὸς τὸ ἕμψυτον) заставляеть тебя почитать и признавать ихъ» ³⁾. Это заключеніе, по прежнему, невольно напоминаетъ собою уже извѣстное намъ мѣсто изъ рѣчи св. Ап. Павла въ Аѳинскомъ ареопагѣ, гдѣ онъ говоритъ со словъ языческихъ греческихъ книжниковъ: *сеο бо и родъ (γένος) есмь* (Дѣян. 17, 28).

Однако уже и изъ этихъ мѣстъ ученія Платона, которыя мы привели въ подтвержденіе мысли о томъ, что уму этого философа предносилось, такъ называемое, психологическое доказательство бытія Божія, нѣсколько выясняется еще и доказательство историческое.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Филебъ, стр. 31. А.

²⁾ Тимей, 90. А. В.

³⁾ Закон. X, 899. д.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Іюня № 11. 1889 года.

Содержаніе. Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1888/89 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ церковно-приходской школѣ за 1888/89 учебный годъ.—Списокъ воспитаницъ IV и V классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1888/89 учебный годъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1888/89 учебный годъ.

1. Въ 1888/89 году Совѣтъ училища составляли:

а) предсѣдатель Совѣта, магистръ богословія, священникъ Тимоѣей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Никандръ Оливевичъ, члены Совѣта отъ духовенства священникъ Панкратій Ивановъ и священникъ Николай Мощенковъ и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища Николай Александровичъ Чикинъ.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: 6 нормальныхъ классовъ, 1 приготовительный и одна церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ изъ 12 преподавателей, 11 учительницъ, 7 воспитательницъ, 7 пелиньерокъ и одной учительницы церковно-приходской школы.

4. Къ началу 1888/89 учебнаго года въ училищѣ числилось 289 воспитаницъ.

Въ августѣ 1888 года принято 50 дѣвицъ,—48 въ приготовительный классъ и 2 въ 3-й классъ.

Вслѣдствіе этого 1889/89 учебный годъ начался при 339 воспитанницахъ изъ коихъ:

Въ приготовительномъ классѣ было 52 воспитанницы.

<	I	<	<	53	<
<	II	<	<	50	<
<	III	<	<	43	<
<	IV	<	<	49	<
<	V	<	<	55	<
и въ	VI	<	<	37	<

Всего < < 339 воспитанницъ.

5. Въ теченіе 1888/9 учебного года принята была въ училище одна дѣвица въ 3-й классъ.

Въ отчетномъ учебномъ году вышло изъ училища 10 воспитанницъ, а именно:

Изъ II класса 2 воспитанницы

< III < 2 <

и < V < 6 воспитанницъ.

6. Къ началу годичныхъ испытаній въ училищѣ числилось:

Въ приготовительномъ классѣ 52 воспитанницы

<	I	<	53	<
<	II	<	48	<
<	III	<	41	<
<	IV	<	49	<
<	V	<	49	<
и въ	VI	<	37	<

Всего < 329 воспитанницъ.

7. Послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ и май мѣсяцахъ настоящаго года по постановленію училищнаго Собранія, отъ 16 и 25 мая н. г.

А) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ приготовительнаго въ I классъ 41 воспитанница (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 23).

Изъ I-го во II классъ 40 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 18).

Изъ II-го въ III классъ 39 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 12).

Изъ III-го въ IV классъ 29 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15).

Изъ IV-го въ V классъ 35 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15).

Изъ V-го въ VI классъ 39 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15).

Окончили полный курсъ училищнаго образованія 37 воспитанницъ, которымъ, на основаніи § 3 устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

6. Оставлено въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ — по малоуспѣшности, по просьбѣ родителей и болѣзни.

Въ подготовительномъ классѣ 2 воспитан.			
<	I	<	1 <
<	II	<	1 <
<	III	<	2 <
<	IV	<	< <
и въ	V	<	1 <

В. Воспитанницамъ, не окончившимъ экзаменовъ и не державшимъ таковыхъ вовсе — по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ канікулъ въ августѣ мѣсяцѣ, — именно:

Въ подготовительномъ классѣ 8 воспитанницамъ			
<	I	<	10 <
<	II	<	7 <
<	III	<	10 <
<	IV	<	10 <
<	V	<	8 <

8) Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благо нравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами.

Въ подготовительномъ классѣ 9 воспитанницъ			
<	I	<	8 <
<	II	<	6 <
<	III	<	7 <
<	IV	<	5 <
<	V	<	4 <
<	VI	<	3 <

СПИСОКЪ

воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

Іюня 2-го дня 1889 г.

Приготовительнаго класса: 1) Стефановская Евдокія, Жукова Ирина, Николаевичъ Александра, Копѣйчикова Анастасія; 5) Любарская 3-я Юлія, Титова Лариса, Чудновская Нина, Ревская Анна, Маяцкая Матрона. I-го класса: 1) Мирводина Дарія, Приходькова Софья, Юшкова Антонина, Торанская 2-я Екатерина; 5) Шиплова Анна, Петрова Любовь, Сѣкирская Лариса, Жуковская Александра. II-го класса: 1) Феденко Евфросинія, Северинова Софья, Капустянская 2-я Анастасія, Толмачева Наталія; 5) Оглоблина Анна, Измайлова Марія. III-го класса: 1) Шиплова 2-я Дарія, Энеидова Александра, Попова 3-я Евдокія, Курасовская Анна. 5) Жукова Анна, Дейнеховская 1-я Елисавета. IV-го класса: 1) Котляревская Антонина, Васильковская Анастасія, Павлова 2-я Неонилла, Энеидова Клавдія; 5) Макаровская Екатерина. V-го класса: 1) Мухина Евгенія, Юшкова Анастасія, Лашварева Анна и Погорѣлова Анастасія.

СПИСОКЪ

воспитанницъ VI класса Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; причеиъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Іюня 2-го дня 1889 года.

1) Авксентьева Татіана, Агнявцева Антонина, Антонова Софья, Василевская Александра; 5) Власова Серафима, Дейнеховская Александра, Жукова Марія, Жуковская Марія, Измайлова Матрона. 10) Ишкова Зинаида, Іосифова Ольга, Кипріанова Александра, Колосовская Ольга, Крыжановская Анна; 15) Лобковская Анна, Лукашева Антонина, Любарская Елена—награждена книгою, Макаровская Анастасія, Мощенко Марія; 20) Мухина Александра, Никитская Лидія, Павлова Анастасія, Пестрякова Анна, Полянская Антонина; 25) Пономарева Татіана, Попова Целагія, Протопопова Антонина—награждена книгою, Сергіевская Марія, Соколовская Марія; 30) Степурская Александра, Терпиловская Антонина, Тол-

мачева Александра, Титова Евгенія, Троянова Марія; 35) Хижникова Вѣра, Чернявская Ольга, Штровальдъ Пелагія — награждена книгою.

Примѣчаніе. Аттестаты двѣнадцати сиротъ — окончившихъ курсъ Совѣтомъ училища пмѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ специальныхъ училищныхъ средствъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ церковно-приходской школѣ за 1888,89 учебный годъ.

Въ началѣ учебнаго года въ состоящей при училищѣ церковно-приходской школѣ было 58 учащихся, — 31 мальчикъ и 27 дѣвочекъ, изъ которыхъ совершенно неграмотные 25 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ составили 1-е отдѣленіе школы, а 6 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ, уже обучавшіеся въ школѣ въ прошломъ учебномъ году, составили 2-е ея отдѣленіе. Ко времени экзаменовъ число это значительно сократилось, — именно: въ 1-мъ отдѣленіи школы осталось 23 учащихся, — 13 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, — и во 2-мъ отдѣленіи 16 учащихся, — 5 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, — всего въ обоихъ отдѣленіяхъ 39 учащихся, — 18 мальчиковъ и 21 дѣвочка.

Изъ общаго числа учащихся въ школѣ 1 мальчикъ и 2 дѣвочки принадлежали къ духовному званію, а остальные дѣти мѣщане и крестьяне.

По духу, характеру и объему преподаванія, обученіе въ школѣ велось согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ учебныхъ предметовъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Содержалась школа исключительно на общія училищныя средства.

Ученіе въ школѣ началось 17 августа и окончилось 20 мая.

Завѣдывалъ обученіемъ въ школѣ инспекторъ классовъ училища, священникъ Никандръ Ониковичъ, Законъ Божій преподавалъ членъ Совѣта училища, священникъ Николай Мощенковъ, русскому и славянскому языкамъ, ариметикѣ, церковному пѣнію и чиstopисанію обучала учительница школы Надежда Ивановна Попова. Вмѣстѣ съ ними дѣятельное участіе въ обученіи школьницъ, принимали и воспитанницы училища, практически приготавливаясь чрезъ это къ самостоятельнымъ трудамъ по окончаніи курса въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ. Ежедневно по двѣ воспитанницы V класса присутствовали на всѣхъ урокахъ законоучите-

ля и учительницы, прислушивались и присматривались къ тому какъ должно вѣстись элементарное преподаваніе и такимъ образомъ готовились къ дѣятельному участию въ преподаваніи по переходѣ въ VI классъ. Воспитанницы VI класса, приучаясь къ управленію школою, ежедневно по двѣ присутствовали на урокахъ законоучителя и учительницы, помогали имъ въ наблюденіи за учащимися какъ во время уроковъ, такъ и въ промежуткахъ между ними, раздавали и собирали отъ нихъ учебныя принадлежности и въ классномъ журналѣ записывали содержаніе каждаго урока; вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ нихъ руководила дѣтьми и наблюдала за исполненіемъ заданныхъ имъ самостоятельныхъ работъ въ тѣ часы, когда учительница давала уроки въ другомъ отдѣленіи. Для приобрѣтенія навыка въ преподаваніи, воспитанницы VI класса училища въ послѣобѣденные часы, отъ 3 до 5 пополудни, репетировали съ дѣтьми уроки, преподаваемыя утромъ законоучителемъ и учительницею, занимаясь каждая съ отдѣльною группою изъ 3—4 школьниковъ; такъ какъ для этихъ занятій воспитанницы VI класса были разделены на три группы, занимавшіяся черезъ день, то каждая воспитанница еженедѣльно два раза участвовала въ этихъ репетиціонныхъ урокахъ. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ до конца учебныхъ занятій въ училищѣ во время послѣобѣденныхъ репетиціонныхъ уроковъ въ школѣ воспитанницы VI класса училища, чередуясь между собою, занимались уже каждая съ цѣлымъ отдѣленіемъ школы.

Вмѣстѣ съ этимъ, со второй недѣли великаго поста до окончанія уроковъ въ училищѣ воспитанницы VI класса поочередно утромъ давали самостоятельные уроки въ обоихъ отдѣленіяхъ школы по русскому и славянскому языкамъ и ариметикѣ, для чего, подъ руководствомъ завѣдующаго школою и учительницы, предварительно составляли планъ урока; уроки эти давались, по возможности, въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ VI класса училища и по окончаніи разбирались завѣдующимъ школою или учительницею.

22-го мая произведены были обоимъ отдѣленіямъ школы годовыя экзамены коммиссіею изъ предсѣдателя Совѣта училища, начальницы училища, инспектора классовъ, законоучителя и учительницы школы, а 26 мая законоучителемъ школы въ сослуженіи съ дѣлопроизводителемъ Училищнаго Совѣта діакономъ Теофаномъ Чернявскимъ совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, при которомъ все положенное пѣли сами школьники.

На основаніи годовыхъ и экзаменскихъ балловъ признаны достойными награды книгами за отличные успѣхи девять учащихся.

С П И С О К Ъ

Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1888/89 учебный г.

IV КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ I-й классъ.

1) Агнивцева Анастасія, Аксененкова Вѣра, Арефьева Надежда, Васильковская Анастасія награждена похв. листомъ; 5) Власова Александра, Грабовская Дарія, Дзюбанова Александра, Жуковская Анна, Жукова Александра; 10) Клементьева Екатерина, Котляревская Антонина награждена похв. листомъ, Кошляева Надежда, Краснокутская Елена, Кустовская Ольга; 15) Ладенцова Анна, Лошкарева Валентина, Лукашева Ольга, Макаровская Екатерина награждена похв. листомъ, Набокова Александра, 20) Павлова 1-я Анна. Павлова 2-я Неонилла награждена похв. листомъ, Попова Елисавета, Санухина Евдокія, Сильванская 1-я Марія (Нив.); 25) Сильванская 2-я Марія (Леон.), Слюсарева Ольга, Степурская Валентина Сукачева Анна, Сулима Евфрасія; 30) Торанская 2-я Наталія, Черняева Евдокія, Щепинская Евдокія, Энеидова Клавдія награждена похв. листомъ, Яновская Наталія; 35) Ѳедорова Раиса, Копѣйчикова Антонина будетъ переведена, если представитъ экзаменскій списокъ по чистописанію.

Б) Будутъ переведены въ I-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По Закону Божію: Капустянская Александра, Косьмина Елена, по славянскому языку: Пономарева Анисія, 40) Колосовская 1-я Марія (Мих.), Колосовская 2-я Марія (Иван.), Юшкова Надежда, по географіи: Твердохлѣбова Неонилла, Торанская 1-я Пелагія; 45) Полтавцева Елисавета—по русскому и славянскому языкамъ, Татаринова Анастасія—по арифметикѣ и географіи.

В) Увольняются изъ училища по просьбѣ родителей.

Бутуцкая Анастасія, Раевская Александра; г) и увольняется изъ училища Андропова Марія.

V КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ VI-й классъ.

1. Алексѣевская Лидія, Артюховская Екатерина, Брайловская Марія, Будянская Любовь; 5) Бутковская Евгенія, Ветухова Анна, Грекова Марія, Грызодубова Галлина, Губская Вѣра; 10) Дакнѣв-

ская Ксенія, Жданова Аполлинарія, Климентова Наталія, Косьмина Анна, Корнильева Анна; 15) Краснопольская Екатерина, Лашкарева Анна награждена похв. листомъ, Лядская Татіана, Максимова Марія, Можелевская Анна; 20) Мухина Евгенія награждена похв. листомъ, Оглоблина Елена, Павлова Евгенія, Петрова Елисавета, Погорѣлова Анастасія награждена похв. листомъ; 25) Подольская 1-я Антонина, Пономарева 1-я Серафима (Иван.), Пономарева 2-я Серафима (Андр.), Приходькова Антонина, Раздольская Анна; 30) Рубинская Марія, Селезнева Марія, Соколова Елена, Соколовская Марія, Северинова Анна; 35) Татаринова Анна, Чернявская Людмила, Эллинская Марія, Юшкова Анастасія награждена похв. листомъ и Яновская Юлія.

Б) Будутъ переведены въ VI-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

40) по славянскому языку: Жукова Марія, Ступницкая Надежда, Уманцева Софья по русскому языку, Савенко Евдокія по геометріи, Лѣсняцкая Марія по исторіи; 45) Мощенко Анна по Закону Божію и географіи, Мартыновичъ Анастасія по исторіи и славянскому языку, Подольская 2-я Елена по сочин. п исторіи.

В) Оставляется въ I классъ на повторительный курсъ по болѣзни.

Шебатинская Ирина.

Г) Увольняется изъ училища.

Сабинина Софья.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества за Май мѣсяць поступили слѣдующія пожертвованія: собрано благочинными въ недѣлю православія: 3-го Зміевского округа 46 р. 49 к., 1-го Богодуховскаго округа 49 р. 71 к., 2-го Валковскаго округа 43 р. 1 к., 2-го Волчанскаго округа 40 р. 70 к., 1-го Зміевского округа 94 р. 5 к., 2-го Зміевского округа 40 р. 10 к., имъ же представлено собранныхъ по листамъ отъ разныхъ лицъ 16 р. 54 к., собрано свящ. Иоанномъ Хижняковымъ въ недѣлю православія 3 р., благочин. 3-го Лебединскаго округа въ ту же недѣлю 52 р. 82 к., отъ мѣщанина Александра Николаевича Пустовалова 3 р., собрано благочинными въ недѣлю православія: 1-го Старобѣльскаго округа 80 р., 2-го

Ахтырскаго округа 40 р. 25 к., 4-го Харьковскаго округа 46 р. 6 к., 3-го Ахтырскаго округа 23 р. 29 к., 2-го Сумскаго округа 78 р., 2-го Изюмскаго округа 54 р. 30 к., 1-го Изюмскаго округа 42 р., 2-го Лебединскаго округа 23 р. 81 к., 3-го Старобѣльскаго округа 62 р. 26 к., 4-го Изюмскаго округа 20 р., 1-го Волчанскаго округа 27 р. 86 к., 1-го Купянскаго округа 80 р., отъ мѣщанина Василя Колонтаевского 3 р., отъ благочин. 1-го Валковскаго округа собрано въ недѣлю православія 41 р. 60 к., отъ крестьянина Ивана Олѣйника 3 р., собрано имъ отъ разныхъ лицъ 6 р. 6 к., благочин. 2-го Зміевскаго округа собрано по листамъ 6 р., казначеемъ комитета представлено полугодычныхъ процентовъ по 14 билетамъ Харьков. городскаго купеческаго банка 46 р. 31 к., благочин. 1-го Лебединскаго округа представлено собран. въ недѣлю православія 31 р. 58 к., благочин. 1-го Сумскаго округа собрано въ недѣлю православія 137 р. 23 к. и отъ священника Павлова Павлова 3 р.

Всего въ маѣ мѣсяцѣ поступило на распространеніе православія между язычниками Имперіи 1263 р. 3 к.

Журнальнымъ постановленіемъ комитета православнаго миссіонерскаго общества отъ 20 февраля сего года, между прочимъ, опредѣлено: «просить о. о. благочинныхъ, настоятелей и настоятельница монастырей внести въ синодныя имя покойнаго мужа старобѣльскаго мѣщанина Евгениа Остаховой *Іоанна* для всегдашняго поминовенія его и всѣхъ сродниковъ въ установленное время».

Епархіальныя извѣщенія.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 25 апрѣля 1889 года за № 45:

а) Произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ

по Харьковской семинаріи:

Въ *Статскіе совѣтники*—коллежскіе совѣтники, преподаватели: Алексѣй Вертеловскій, Федоръ Садовъ, Николай Страховъ, Степанъ Пономаревъ, всѣ съ 24 октября 1888 года.

--- Въ *коллежскіе совѣтники*—преподаватель, надворный совѣтникъ Михаилъ Добронравовъ съ 1 августа 1888 года.

— Въ *надворные совѣтники*—коллежскіе ассесоры: преподаватель

Сергѣй Булгаковъ со 2 сентября, помощникъ инспектора Василий Пономаревъ съ 23 октября 1887 года.

по Харьковскому духовному училищу:

— Въ *статскіе совѣтники*—смотритель, коллежскій совѣтникъ Александръ Снегиревъ, съ 24 октября 1888 года.

по Купянскому духовному училищу:

— Въ *надворные совѣтники*—коллежскій ассесоръ учитель Александръ Макухинъ съ 14 августа 1888 года.

б) утверждены со старшинствомъ въ чинѣ *коллежскаго ассесора*:

Преподаватель Харьковской семинаріи Николай Протопоповъ съ 3 сентября 1884 года и учитель Харьковскаго духовнаго училища Иванъ Евецкій съ 23 декабря 1883 года.

— Определенный на второе священническое мѣсто къ Георгіевской церкви слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, Михаилъ *Юшковъ* 28 мая посвященъ въ санъ священника къ оной церкви.

— Священникъ села Кольченкова, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Ковалевскій* перемѣщенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто въ слободу Голубовку Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Симеонъ *Флоринскій*, перемѣщенный изъ слободы Одноробовки, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ въ слободѣ Березовкѣ Харьковскаго уѣзда при Николаевской церкви.

— Священникъ Пятницкой церкви слоб. Бакировка Ахтырскаго уѣзда, Николай *Акимовъ* волею Божіею умре, а на его мѣсто переведенъ свящ. Казанской церкви с. Деревокъ того-же уѣзда Василий *Сушковъ*.

— Священникъ Троицкой церкви с. Вобрика, Лебедипскаго уѣзда, Максимъ *Серіевскій* переведенъ къ Николаевской церкви с. Влѣзекъ того-же уѣзда.

— На праздное священническое мѣсто въ сл. Одноробовку Харьковскаго уѣзда определенъ окончившій курсъ семинаріи Леонидъ *Поповъ*.

— Исаломщикъ Успенской церкви слободы Бѣло-Куракиной Старобѣльскаго уѣзда Григорій *Стефановскій* определенъ на діаконое мѣсто къ той же церкви.

— Исаломщикъ сл. Подгоровки Старобѣльскаго уѣзда Василий *Корнильевъ* определенъ на штатное діаконое мѣсто къ Успенской церкви, слободы Нижней-Покровки того-же уѣзда.

— На праздное исаломщикское мѣсто къ Сергіевской 2-й Харьковской

мужской гимназіи перемѣщенъ діаконъ Вознесенской церкви с. Скрыпаена Зміевского уѣзда Филиппъ *Пестряковъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Петровверигской церкви Харьковскаго тюремнаго замка и учителя школы при ономъ замкѣ опредѣленъ сынъ священника, учитель сельскаго народнаго училища, Михаилъ *Васильковскій*.

— Окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ Павелъ *Чебановъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви с. Молодой Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщики Крестовоздвиженской церкви села Черкасско-Дозовой Іоаннъ *Кустовскій* и Рождество-Богородичной церкви села Удѣ Харьковскаго уѣзда Михаилъ *Голубовъ*, — перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ сл. Боровой Купянскаго уѣзда Іоаннъ *Ковалевъ* перемѣщенъ въ сл. Гороховатку того-же уѣзда.

— Священническій сынъ Василій *Павловъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто въ сл. Каменку Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Федоръ *Сынцовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви слободы Бѣлокуракиной Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Николаевской церкви слоб. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Терентій *Поддубный* — на второе трехлѣтіе; къ Архангело-Михайловской церкви села Шубиной, того-же уѣзда, крестьянинъ Миронъ *Хоринъ*; къ Николаевской церкви сл. Григоровки крестьянинъ Емельянъ *Елоровъ*; къ Архангело-Гавриловской церкви сл. Гавриловки, Изюмскаго уѣзда, статскій совѣтникъ Сергѣй Александровичъ *Раевскій*; къ Троицкой церкви сл. Малой-Камышевахы, того-же уѣзда, крестьянинъ Сумеонъ *Симоненко*; къ церкви слоб. Ново-Пскова Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Изюмскій*; къ церкви м. Основой, того-же уѣзда, крестьянинъ Косьма *Слюсаревъ*; къ церкви сл. Бѣляевки, того-же уѣзда, Платовъ *Козюберда*; къ церкви слоб. Петропавловки, того-же уѣзда, крестьянинъ Василій *Богиня*; къ Преображенской церкви сл. Большаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, дворянинъ Василій *Задонскій*; къ Петро-Павловской церкви г. Ахтырки крестьянинъ Теодоръ Кирпловичъ *Бабичъ*; къ Архангело-Михайловской церкви г. Ахтырки коллежскій регистраторъ Михаилъ Викторовичъ *Бакевичъ - Шуковскій*; къ Преображенской церкви с. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Даниилъ Васильевичъ *Стрижъ*; къ Покровской церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Іоаннъ Никифоровичъ *Касьяновъ*; къ Аннончатевской церкви с. Нильмовъ, того-же уѣзда, дворянинъ Андрей Андреевичъ *Савичъ* и къ Іоанно-Предтеченской церкви сл. Мѣлзатки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Махницкій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода о празднованіи пятидесятилѣтія воссоединенія униатовъ съ православною Церковію.—Предстоящее церковное торжество въ Харьковской епархіи.—Бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича.—Помолвка Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича.—Положеніе православнаго духовенства въ Болгаріи.—Актъ въ образцовой школѣ при Харьковской Духовной Семинаріи.

— Святѣйшій Синодъ, по случаю предстоящаго 8-го сего іюня празднованія пятидесятилѣтія воссоединенія съ Православною Церковію западно-русскихъ униатовъ, опредѣленіемъ, отъ 2 іюня 1889 г., за № 137, постановилъ: предписать преосвященнымъ: Литовскому, Полоцкому, Могилевскому и Минской духовной консисторіи сдѣлать безотлагательно распоряженіе о прочтеніи издавнаго по сему поводу синодальнаго посланія въ церквахъ сихъ епархій 8-го іюня, или въ первый, по полученіи посланія, воскресный или праздничный день, предъ началомъ благодарственнаго молебствія, поручивъ при семъ преосвященнымъ епархій: Кіевской, Волинской и Подольской сдѣлать таковое же распоряженіе по отношенію къ церквамъ тѣхъ приходоу, въ коихъ были воссоединившіеся съ Православною Церковію униаты; о чемъ, для надлежащаго исполненія, напечатать настоящее опредѣленіе, вмѣстѣ съ посланіемъ въ «Церковн. Вѣдом.».

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ.

Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ православныя Греко-Россійскія Церкви, наипаче же сущимъ въ западныхъ предѣлахъ Россіи.

*Благодать Господа нашею Исуса Христа и
любви Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со
всѣми вами (2 Коринѣ. 13, 13).*

По неизреченному милосердію Божію, полвѣка тому назадъ, совершилось знаменательное для Православной Церкви событіе: великое множество людей русскаго рода, отъ отцовъ издревле-православныхъ, насиліемъ и лестию отторгнутыхъ въ пагубную унию съ латинствомъ, познавъ въ своей братіи свѣтъ истины, любовію воссоединено съ Церковію Православно-Каеолическою. Велие было торжество святой нашей Церкви, велия была ея радость, велие Богу благодареніе! Радуется и нынѣ Православная Церковь, благо-

дарнѣ воспомнная преславное сіе событіе, и возносить молитву: вѣры къ верховному пастыреначальнику Господу Іисусу Христу, да утвердить всѣхъ ея чадъ въ чистомъ исповѣданіи вѣры, единомыслии и единомушіи.

Унія съ Римомъ не принесла отпамъ вашимъ вождѣннаго мира. Много претерпѣли за свою вѣрность матери Церкви тѣ ея чада, кои не покорились насилію и сохранили древнее свое достоиніе — святую православную вѣру; не нашли въ единеніи съ Римомъ успокоенія и тѣ, кои, уступая насилію, мнили обрѣсти миръ и сохранить родной церковный обрядъ свой: папская власть тою уничтожила праотеческую ихъ Церковь и законныхъ ея пастырей и явила имъ новую лествь, привлекая всѣхъ въ чуждое языку нашему, Риму же сродное латинство.

Но Богъ благословилъ люди своя миромъ, когда отторгнутые отъ единенія съ Православною Церковію паки возвратились въ общеніе со всѣми вкупѣ вѣрно въ ней пребывающими: *Се, что добро или что красно, но еже жити братіи окупъ!* По истинѣ неисчислимы блага единенія вашего съ святою Православною Церковію. Храмы Божіи, прежде стоявшіе въ нищетѣ и заустѣніи, украсились благолѣпіемъ и умножились въ числѣ; возстановлены въ нихъ полнота и красота древняго греко-восточнаго церковно-славянскаго богослужебнаго чина, учреждены и учреждаются у васъ многочисленныя училища, нерѣдко подъ самою стѣною святыхъ храмовъ, для вѣрнаго назиданія васъ и чадъ вашихъ, дабы всѣ согласно славословили Творца всяческихъ и Подателя всѣхъ благъ. Земля ваша просіяла мужами правды и совѣта, добрыми пастырями Церкви и учителями вѣры и закона; явила и исповѣдниковъ правды, вѣрныхъ сыновъ общаго нашего Отечества, добрѣ подвизавшихся и душу свою положившихъ за вѣру въ недавнюю годину смуты. Поминайте имена ихъ и страданія предъ Богомъ, поминайте и прародителей вашихъ, въ давнія времена за вѣру отъ врага пострадавшихъ. Поминайте духовныхъ наставниковъ вашихъ и вождей, приведшихъ васъ въ единеніе съ прародительскою вѣрою. Ихъ же взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ.

Чада возлюбленная! Стойте твердо въ вѣрѣ православной, въ усердіи къ храмамъ Божіимъ и въ добродѣтельной жизни, и утверждайте дѣтей вашихъ въ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и въ вѣрной преданности Царю Православному. Сотворивый же насъ отъ единыя крове, въ Троицѣ славимый Господь Богъ Вседержи-

тель и всѣхъ совокупивый во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, подѣ единою Главою Сына Своего Господа нашего Иисуса Христа, Той да утвердитъ васъ въ вѣрѣ непостыдной, въ любви нелицемѣрной и въ непоколебимой надеждѣ небеснаго Своего царствія. Аминь.

Подлинное подписали: *Исидоръ* митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, *Никаноръ* архіепископъ Херсонскій и Одесскій, *Германъ* епископъ, *Маркелъ* епископъ.

— 11 сентября текущаго 1889 г. въ Харьковской епархіи предстоитъ великое церковное торжество. Въ этотъ день исполнится ровно 200 лѣтъ со дня явленія въ селѣ Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда, чудотворнаго образа Божіей Матери. Въ этотъ продолжительный періодъ времени масса людей различныхъ половъ и возрастовъ получила при св. Каплуновской иконѣ пенсчислимыя дары благодати Божественной. Но къ глубокому прискорбію благотовѣйно почитающихъ этотъ св. образъ, не многимъ уже извѣстны теперь въ хранящейся при Каплуновской церкви (Богодуховскаго уѣзда) «Книгѣ чудесъ» сказанія о явленіи св. иконы и дивныхъ отъ нея знаменіяхъ чудодѣйственной помощи Богоматери тѣмъ, кто съ усердною молитвою преклонился передъ св. образомъ. Въ виду напоминанія вѣрующимъ о чудесахъ Богоматери, въ теченіи 200 лѣтъ, обильно истекающихъ отъ Ея чудотворнаго лица, священникъ о. Стефанъ Кохановъ въ послѣднемъ номерѣ журнала «Русскій Паломникъ» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ явленія св. иконы.

До явленія св. иконы земли, прилежація теперь къ с. Каплуновкѣ, отстоящей отъ г. Харькова въ 86 верстахъ и въ 17—отъ желѣзнодорожной станціи «Гуты», по Сумской линіи, — представляли обильный лѣсами и плодородный, но безлюдный пустырь, жалованною грамотою государей Петра и Иоанна Алексѣевичей отданный командовавшему тогда Ахтырскимъ казачьимъ полкомъ стольнику и полковнику Ивану Ивановичу Перекрестову за его усердную, по преимуществу сторожевую военно-пограничную службу. Къ этому полковнику въ 1687 г. явился на службу выходецъ изъ враждебной православію Польши, житель мѣстечка Умани, Іоаннъ Ильичъ Умановъ, человекъ благочестиваго образа мыслей, склонный къ духовному созерцанію. Черезъ годъ послѣ его прихода полковникъ Перекрестовъ велѣлъ заселить въ 20-ти верстахъ отъ г. Ахтырки, въ вершинѣ рѣчки Хухры, селцо, первымъ жителемъ котораго былъ иѣкто Каплупъ, прозваніе котораго навсегда

осталось за новымъ поселеніемъ. Дальность-ли разстоянія отъ ближайшихъ мѣстъ человѣческаго жилья, или же, быть можетъ, быстрый ростъ Каплуновскаго населенія послужили причиною къ устроенію въ 1688 году перваго Каплуновскаго храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы на мѣстѣ, указанномъ выше. Въ ночь передъ днемъ основанія храма «нѣкая госпожа» явилась во снѣ благочестивымъ храмоздателямъ и сказала: «не утѣсняйте Миѣ мѣста сего («кущей»), ибо Азь хочу жити здѣ». Узрѣвшіе очами вѣры въ явившейся госпожѣ Госножу неба и земли, утромъ же слѣдующаго дня уничтожили тѣ кущи и съ похвальной послѣшностью приступили къ созиданію дома Божія. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ Умановъ усиленно сталъ просить Перекрестова о произведеніи его, Уманова, во священники къ новосоздаемому храму. Перекрестовъ вошелъ объ этомъ съ прошеніемъ къ управлявшему тогда обширной Бѣлгородской частію митрополиту Авраамію (1685—1692 гг.), въ вѣдѣніи котораго находилась и Слободская Украина (Харьковская епархія), и 3 іюля 1688 года Умановъ былъ возведенъ въ желаемый чинъ сана. Въ слѣдующемъ 1689 году, 8 сентября, благоговѣйный ново-рукоположенный Каплуновскій іерей во снѣ увидѣлъ «нѣкоего мужа», благолѣпнаго и украшеннаго сѣдиною, который сказалъ ему: «на третій день послѣ сего прійдутъ къ тебѣ изъ царствующаго града Москвы три иконописца, изъ которыхъ первому около 60, второму около 80 и третьему около 90 лѣтъ. У старшаго изъ нихъ сними сверху связки семь иконъ и отдай ему, а осьмую Богородичную, изображеніемъ подобную Казанской, съ подобающей честію прійми къ себѣ: отъ нея ты узришь благодать и милость обращень». Пораженный сновидѣніемъ, Умановъ три слѣдующіе дня постилъ и служилъ божественныя литургіи. По окончаніи литургіи 11 сентября, онъ отправился домой и по дорогѣ повстрѣчалъ трехъ московскихъ иконописцевъ совершенно такихъ лѣтъ, какъ открыто ему во снѣ. Гостепріимный священникъ, согласно повелѣнію дивнаго мужа, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ, предложилъ имъ покой и трапезу. Послѣ того, взявши у старѣйшаго изъ нихъ связку иконъ, первыя семь различныхъ возвратилъ ему, а осьмую—точную копию (7—6 вершковъ) Казанской иконы Божіей матери (въ углубленіи на деревянной доскѣ по золоченному полю—великорусскаго, почти суздальскаго письма)—поясной со стоящимъ Богомладенцемъ—сталъ просить себѣ. Благодарные за гостепріимство иконописцы, снисходя къ усиленнымъ просьбамъ священника, противъ воли своей, взяли отъ него за образъ

15 коп. Приобрѣтенную икону священникъ съ подобающей честью поставилъ въ своей комнатѣ на приличномъ мѣстѣ, зажегши передъ нею для денно-нощнаго горѣнія свѣчу. Такъ простояла икона двѣ недѣли. На третьей недѣлѣ, въ ночь съ субботы на воскресенье, заснувшій, по прочтеніи положеннаго правила ко св. причащенію, священникъ снова пораженъ былъ необычайнымъ видѣніемъ. Во снѣ онъ увидѣлъ, стоявшую передъ нимъ необыкновенную Дѣву чудной красоты. Пробуждая его прикосновеніемъ своихъ перстовъ, Она сказала ему: «іерей Іоаннъ! не держи Меня въ своемъ домѣ, а отнеси въ храмъ Божій». Пробудясь, священникъ съ ужасомъ увидѣлъ въ комнатѣ свѣтъ, подобный молніи. Подошедши затѣмъ къ иконѣ, онъ увидѣлъ, при свѣтѣ горѣвшей передъ нею свѣчи, обильно текуція по образу слезы «отъ очесъ Богоматери». Собравшись съ мыслями, Умановъ поспѣшилъ пригласить къ себѣ болѣе почтенныхъ прихожанъ, которые также усмотрѣли на иконѣ слезы, текуція изъ очей Богоматери. Рассказавши собравшимся подробно объ обстоятельствахъ явленія благодатнаго образа, смиренный іерей не рѣшался долѣе оставлять у себя этого Божественнаго образа, въ сопровожденіи присутствовавшихъ перенесъ чудодѣйственную икону въ церковь съ приличными случаю пѣснопѣніями.

Какъ рѣка многоводная,—говорится въ сказаніи о чудотворной иконѣ,—въ обиліи полилась врачующая благодать чудотвореній отъ св. Каплуновскаго образа, когда онъ былъ поставленъ въ церкви. Безсиленъ языкъ человѣческій изобразить всю полноту чудодѣйственной помощи и заступленія Божіей Матери у Ея св. образа Каплуновскаго явленной, и тѣмъ, кто непосредственно передъ св. иконою молился, и тѣмъ, кто только мысленно возносился молитвою въ Богородицѣ, давая обѣтъ, при первой возможности лично явиться передъ Ея Каплуновское изображеніе. Было время, когда на поклоненіе Богоматери передъ Ея Каплуновскимъ образомъ стекались цѣлыя тысячи благочестивыхъ паломниковъ! Было время, когда ихъ потомъ кровавымъ добытая лепта, положенная у этого чудотворнаго образа, была достаточна для безбѣднаго существованія обширнаго и въ свое время единственнаго во всей Украйнѣ разсадника Богоучительныхъ знаній—основаннаго Бѣлгородскимъ епископомъ Енифаніемъ Тихорскимъ (1722 — 1731) Харьковскаго коллегіума, давшего Россіи много архипастырей, гражданскихъ дѣятелей и писателей! Было время, когда на поляхъ полтавскихъ (2-го іюня 1709 г.) передъ этимъ св. образомъ троекратно со слезами молился великій императоръ Россіи — Петръ I въ самое трудное

для земли своею время, и имѣлъ успѣхъ въ своемъ великомъ дѣлѣ—отраженіи нашествія Шведскаго короля Карла XII. Вещественнымъ знавомъ особеннаго царскаго благоговѣнія передъ этой святыней и благодаренія Богоматери за полтавскую побѣду служить хранящаяся теперь въ Каплуновскомъ храмѣ и сребропозлащенная риза, украшенная особаго устройства вѣнцемъ на главѣ Присподѣвы, замѣтно—отличающимъ Каплуновскій образъ отъ другихъ чудодѣйственныхъ изображеній Казанской иконы Божіей Матери,—и ковчегъ на икону. На исподней доскѣ этого ковчега вырѣзана слѣдующая надпись: «въ семь ковчегѣ Императоръ Петръ I, по окончаніи 1709 г. съ Карломъ XII подъ Полтавою войны, прислалъ обратно въ Каплуновку чудотворный образъ Божіей Матери».

Мы думаемъ, что торжественный день 11 сентября 1889 года не пройдетъ безслѣднымъ и для Харькова, гдѣ существуетъ храмъ въ честь иконы Каплуновской Божіей Матери. (<К). Кр.>).

— 4-го іюня сего года совершенно торжественно, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича, младшаго брата Его Императорскаго Величества Государя Императора, съ Ея Королевскимъ Высочествомъ Королевною Александрою Георгіевною Эллинскою. 27 сего мая въ 3 часа дня, съ Императорскимъ (Курскимъ) поѣздомъ прибыли въ Петергофъ ихъ величества король и королева Греческіе съ высоконазначенною невѣстою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, ея королевскимъ высочествомъ королевною Александрою Георгіевною Эллинскою, наследнымъ принцемъ Спартанскимъ Константиномъ Георгіевичемъ, принцессою Марією Георгіевною и принцами: Николаемъ Георгіевичемъ, Андреемъ Георгіевичемъ и Христофоромъ Георгіевичемъ. На русской границѣ ихъ величества и высоконазначенная невѣста ея королевское высочество были встрѣчены высоконазначеннымъ женихомъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ и назначенными состоять при ихъ величествахъ: генераль-адъютантомъ Кушелевымъ, флигель-адъютантомъ Пашковымъ и шталмейстеромъ Новосильцевымъ, а также мѣстными начальствующими лицами. Въ Варшавѣ ихъ величества и ихъ высочества были встрѣчены начальникомъ края, генераль-адъютантомъ Гурко, и генералитетомъ. Въ Варшавѣ же выѣзжалъ на станцію привѣтствовать ихъ величества и ихъ высочества Персидскій шахъ. На Красносельской станціи ихъ величества и ихъ высочества были встрѣчены Ихъ Императорскими Высочествами Ве-

лпыимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ (прибывшимъ въ это утро въ Петербургъ изъ Оріанды), Великою Княгинею Александрою Іосифовною и Великими Князьями Константиномъ Константиновичемъ и Дмитриемъ Константиновичемъ.

Изъ Краснаго Села поѣздъ съ Августѣйшими Особами направился по соединительной (Царской) вѣткѣ въ Петергофъ, который въ этотъ день расцвѣтился флагами—русскими и греческими. Въ исходѣ втораго часа пополудни изъ Петербурга прибыли сюда Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Елизаветою Теодоровною и нѣсколько придворныхъ дамъ, а также военно-начальствующія лица. Для встрѣчи короля и королевы Греческихъ и высоконареченной невѣсты прибыли изъ Петербурга посланники: греческій, князь Маврокордато съ супругою и дочерью и датскій генералъ Кіеръ съ дочерью. Въ свитѣ греческаго посланника находился редакторъ одной аѳинской газеты. Между тѣмъ, въ Царскія комнаты начали прибывать Особы Императорской Фамиліи. Затѣмъ яриѣкалъ шефъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Великіе Князья и нѣкоторые изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ были въ греческихъ лентахъ.

Въ 2 часа 46 минутъ изволили прибыть на станцію Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, а также Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна. Государь Императоръ былъ въ обще-генеральскомъ мундирѣ и греческой лентѣ; Наслѣдникъ Цесаревичъ въ гусарской формѣ и также греческой лентѣ. Его Величество, выйдя на платформу, приблизился къ почетному караулу, поздоровался съ нимъ и прошелъ по его фронту. Вотъ, наконецъ, дали знать, что королевскій поѣздъ прослѣдовалъ уже станцію Стрѣльно. Ихъ Императорскія Величества и Особы Императорской Фамиліи вышли изъ Царскихъ комнатъ на платформу. Тихо подошелъ къ платформѣ и остановился близъ входа въ Царскія комнаты ожидаемый поѣздъ. Въ окнѣ одного изъ вагоновъ мелькнуло лицо Греческаго короля. Музыка заиграла греческій гимнъ. Первою изъ вагона вышла высоконареченная невѣста, ея королевское высочество королева Александра Георгиевна Эллинская, за нею послѣдовали королева и король Греческіе.

Встрѣча была самая сердечная.

Государь Императоръ и король Греческій троскратно обнялись и поцѣловались.

Король Георгъ былъ въ русскомъ мундирѣ Невскаго пѣхотнаго полка, шефомъ котораго онъ состоитъ, и въ Андреевской лентѣ. Наслѣдный принцъ Спартанскій Константиънъ Георгиевичъ былъ также въ русскомъ мундирѣ и Андреевской лентѣ. Послѣ первыхъ обоюдныхъ привѣтствій, Греческій король, въ сопровожденіи Государя Императора, направился къ почетному караулу, поздоровался съ нимъ по-русски и прошелъ по его фронту.

Послѣ представленія лицъ Свиты, Ихъ Величества и Ихъ Высочества позволили отбыть со станціи.

Государыня Императрица и королева Греческая, выйдя изъ Царскихъ комнатъ, сѣли рядомъ въ четырехмѣстный шарабанъ, запряженный четверкою вороныхъ лошадей, цугомъ, съ жокеями. Въ этомъ же экипажѣ и также рядомъ сѣли Высоконареченные женихъ и невѣста и шарабанъ направился въ Александрію.

За первымъ экипажемъ слѣдовала коляска, запряженная парюю сѣрыхъ лошадей. Въ коляскѣ ѣхали Государь Императоръ и король Греческій. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и наслѣдный принцъ Спартанскій Константиънъ Георгиевичъ ѣхали въ коляскѣ, запряженной парюю вороныхъ лошадей. Далѣе слѣдовали Особы Императорской Фамиліи и члены греческаго королевскаго дома. По прибытіи въ Александрію, Ихъ Величества и Ихъ Высочества отправились въ церковь, гдѣ, приложившись ко св. кресту, выслушали краткое молебствіе, окончившееся многолѣтіемъ. Изъ церкви Августѣйшія Особы направлялись въ новый дворецъ, что на берегу моря, гдѣ и остановилась Греческая королевская чета. Сейчасъ же надъ башней этого дворца былъ поднятъ греческій королевскій флагъ.

3 іюня, во второмъ часу дня, состоялся торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты, королевы Александры Георгиевны, прибывшей въ Петербургъ вмѣстѣ съ Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами изъ Петергофа на яхтѣ «Александрія». Въ свадебномъ кортежѣ шли 18 золотыхъ экипажей. Невѣста ѣхала въ каретѣ съ Государыней Императрицей, окруженная ѣхавшими верхами Государемъ Императоромъ, королемъ Греческимъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, герцогомъ Спартанскимъ и Великими Князьями; во второй каретѣ ѣхали королева Греческая и герцогиня Эдинбургская. У Казанскаго собора Ихъ Величества и Ихъ Высочества встрѣтились съ крестомъ и святой водой митрополитъ С.-Петербург-

скій и Новгородскій, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ. Въ соборъ вступили, въ предшествіи придворныхъ чиновъ, Государыня Императрица съ Греческимъ королемъ, Государь Императоръ съ Греческой королевой, Высоконареченные Женихъ и Невѣста, герцога Спартанскій съ герцогиней Эдинбургской, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Великой Княгиней Маріей Павловной. Въ 2 ч. 35 м. свадебный кортежъ прибылъ во Дворецъ; прибытіе встрѣчено было 101 пушечнымъ выстрѣломъ. Въ Большомъ придворномъ соборѣ встрѣчалъ духовникъ Ихъ Величествъ протоіерей Янышевъ. На всемъ пути слѣдованія выстроены были шпалерами войска.

— 4-го іюня, во второмъ часу дня, совершилось, согласно церемоніалу, бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича съ королевною Александрю Георгіевною. На Невѣ, противъ зимняго дворца, вытянулась флотилія Императорскихъ яхтъ. Невѣсту одѣвали къ вѣнцу статсъ-дамы: княгиня Бяргинская, баронесса Будбергъ и греческая гофмейстерина г-жа Салунцаки. Въ 1 часъ 15 минутъ началось шествіе въ церковь; въ предшествіи придворныхъ чиновъ, Государь Императоръ шествовалъ подъ руку съ королевой Эллиновъ, Государыня Императрица съ королемъ, женихъ и невеста шествовали рядомъ; шлейфъ королевы держали четыре камергера, конецъ шлейфа поддерживалъ управляющій дворомъ Великаго Князя Павла Александровича гофмейстеръ Философовъ. Государыня была въ русскомъ золотомъ платьѣ, отороченномъ дорогимъ мѣхомъ въ драгоцѣнномъ кокошииѣ; невеста сверхъ серебрянаго платья имѣла малиновую бархатную, подложенную горностаемъ, мантию, на головѣ корону. Въ церкви Высочайшихъ Особъ встрѣтилъ митрополитъ Исидоръ; вѣнчаніе совершалъ протопресвитеръ Янышевъ; вѣнцы держали надъ женихомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Дмитрій Константиновичъ, надъ невестой — королевичи Константинъ и Николай и Великій Князь Александръ Михайловичъ. Послѣ молебствія былъ пушечный салютъ. Въ 5 часовъ въ Николаевской залѣ былъ обѣденный столъ на 600 человекъ. Высочайшій столъ былъ украшенъ золоченымъ сервизомъ и цвѣтами. Положенные по церемоніалу тосты сопровождались салютомъ съ Петропавловской крѣпости и стоявшихъ противъ дворца судовъ. Государю Императору служилъ камергеръ Ординъ, подавалъ кубокъ обершенкъ Гротъ; Ея Величеству подавалъ кубокъ графъ Гендриковъ, служилъ камергеръ Бартоломей. Въ 9 часовъ въ Гербовой залѣ состоялся балъ, послѣ котораго въ 10 часовъ вечера послѣ-

довали церемоніальный отъѣздъ Высоконовообрачныхъ въ ихъ дворець. Здѣсь Высоконовообрачныхъ встрѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна хлѣбомъ-солю на золотомъ блюдѣ. Затѣмъ былъ сервированъ фамильный ужинъ.

— Бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича съ Греческой королевой Александрой Георгіевной послужило толчкомъ для обсужденія въ нашей печати политическихъ и иныхъ отношеній Греціи къ Россіи и обратно. Всѣ газеты единодушно признаютъ, что эти отношенія оставляютъ желать многого и многого. Грецію и Россію, говорятъ «Петербург. Вѣдом.», давно уже связываютъ близкія династическія узы: принцесса Александра—двоюродная племянница Государя Императора по матери и родная племянница Государыни Императрицы по отцу. Королева Ольга Константиновна никогда не забывала на своей второй родинѣ о первой, и каждое русское военное судно, заходившее въ Пирей, уносило восторженную память о царственныхъ милостяхъ и вниманіи Греческой королевы къ русскимъ морякамъ. Король Георгъ, какъ и вся датская королевская фамилія, также извѣстенъ своими симпатіями къ Россіи. Но къ сожалѣнію, не смотря на то, что нынѣшняя Греція не мало обязана намъ своимъ освобожденіемъ отъ турецкаго ига и своею независимостью, русскія симпатіи стали оживать въ греческихъ общественныхъ массахъ лишь въ самое послѣднее время. Англomanія и французomanія стали исчезать, можно сказать, изъ образованныхъ слоевъ греческаго общества всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Объясняется это, отчасти, какъ результатъ несельродовской политики въ греческомъ вопрое, отчасти многими другими причинами. Самымъ вѣскимъ образомъ подѣйствовала на отрезвленіе греческой интеллигенціи отъ англomanія и французomanія памятная блокада греческихъ водъ въ 1887 г. коалиціонною австро-германско-итальянско-англійскою эскадрою. Самые давніе друзья независимой Греціи самымъ безцеремоннымъ образомъ отнеслись тогда къ жизненнѣйшимъ интересамъ и національному самолюбію греческаго народа. Сдержанность, выказанная Россією, принесла плоды сторицею. Въ народѣ, исповѣдующемъ съ нами одну и ту же православную вѣру, пробудились съ новою силою симпатіи къ Россіи; самыя руссофобскія аѳинскія газеты круто повернули фронтъ, и въ два послѣднихъ года на греческій языкъ переведено больше произведеній русской литературы, чѣмъ за предшествовавшую четверть вѣка. Въ настоя-

щее время въ Петербургѣ гостятъ нѣсколько греческихъ журналистовъ и литераторовъ, задавшихъ, между прочимъ, цѣлью какъ можно подробнѣе и точнѣе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ русской беллетристики. Это весьма отрадно, такъ какъ русской изящной литературѣ всюду на Западѣ выпадала до сихъ поръ самая благодарная роль—заставлять лучше понимать и выше цѣнить Россію. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такую же благодарную роль она сыграетъ и въ Греціи, и болѣе чѣмъ вѣроятно также, что будущность русско-греческихъ отношеній представляется отнынѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Дай это Богъ! Что можетъ быть нежелательнѣе и противоестественнѣе этого прискорбнаго отчужденія Греціи отъ единовѣрной и такими тѣсными узами съ нею связанной Россіи?

— Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ съ соизволенія Государя Императора помолвленъ съ дочерью владѣтельнаго князя Черногорскаго, княжною Милицею, за завтракомъ, въ четвергъ, 18 мая, въ Петергофѣ, въ большомъ Петровскомъ дворцѣ, бывшемъ по случаю церковныхъ праздниковъ полковъ: лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго. Присутствовали: Ихъ Императорскія Величества и Особы Императорской Фамиліи, князь Черногорскій съ сыномъ и дочерьми княжнами: Милицей, Анастасіей, Еленой и Анной, свита Его Величества и князя Черногорскаго, военно-начальствующія лица, командиры и офицеры полковъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго и офицеры, окончившіе курсъ восточныхъ нарѣчій при азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Во время завтрака, въ саду подъ окнами дворца, играли два хора мѣзыка уланъ и конно-гренадеръ. Высочайшій столъ, художественно-убранный драгоценнымъ сервизомъ и цвѣтами, стоялъ въ Петровской залѣ у картины-гобеленъ Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ и имѣлъ форму буквы. Въ среднѣ стола заняла мѣсто Ея Величество Государыня Императрица, имѣя по правую руку владѣтельнаго князя Николая Черногорскаго, по лѣвую Его Императорское Высочество Наслѣдника Цесаревича. Государь Императоръ сидѣлъ противъ Ея Величества, имѣя по обѣимъ сторонамъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ генераль-фельдмаршаловъ, по правую шефа лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка Великаго Князя Михаила Николаевича, по лѣвую шефа лейбъ-гвардіи уланскаго полка Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ сидѣлъ рядомъ съ не-

вѣстою. Его Величество иль также за здоровье праздновавшихъ полковъ, при чемъ музыка играла полковые марши.

— Корреспондентъ изъ Цетинья «Варш. Дневн.» сообщаетъ о томъ, какъ было принято въ столицѣ Черногоріи извѣстіе о помолвкѣ Великаго Князя Петра Николаевича съ Черногорской Княжной Мялицей. «17 мая, пишетъ корреспондентъ, между 11 и 12 часами ночи, пришла изъ Петербурга телеграмма черногорскаго князя Николая княгинѣ Миленѣ, за отсутствіемъ супруга правительницѣ Черногоріи, о томъ, что княжна Мялица просватана за Его Высочество Великаго Князя Петра Николаевича. Весь дворецъ поднялся на ноги: началось поздравленіе и угощеніе виномъ: затѣмъ пѣніе и пляска перяниковъ и прислуги; а черезъ какихъ-нибудь полчаса и все Цетинье, на половину предававшееся уже сну, устремилось во дворецъ поздравлять княгиню и принять участіе въ ея радости. Въ то же время былъ открытъ и иллюминированъ Зетскій домъ, и весь народъ собрался въ обширномъ его помѣщеніи, предназначенномъ именно для подобнаго рода народныхъ собраній, театральныхъ представленій, торжественныхъ актовъ учебныхъ заведеній, публичныхъ чтеній и т. д. (Своды этого недостроеннаго еще и ничѣмъ ненаполненнаго зданія потряслись криками: «живіо!» «живили!»; сотни голосовъ запѣли веселыя и юнацкія пѣсни; заскакало черногорское «оро» съ гиваньемъ, завертѣлось цермицкое «коло» съ ускореннымъ тактомъ и съ покрякиваніемъ «хай-хай-хай!», чтобы живѣе вертѣлись; живо, но плавно выступило зетское коло; явился органъ изъ заѣзжаго цирка и заигралъ марши и польки. Все это сливалось въ одинъ хоръ, шумный, бурный, воодушевленный однимъ чувствомъ, одною радостью, что дорогая всѣмъ княжна вступаетъ родственнымъ членомъ въ Семью Великаго Царственнаго Дома Россіи. Въ общемъ одушевленіи нѣтъ конца тостамъ и здравицамъ и самымъ восторженнымъ пожеланіямъ. Красное цермицкое вино перемежалось пѣнящимся пивомъ и подогрѣвало и безъ того горячее настроеніе. Пиръ продолжался до полнаго разсвѣта, и вся масса народа, разбиваясь на толпы, съ пѣснями разошлась по домамъ, чтобы немного отдохнуть и на другой день, принеся благодареніе Богу въ церква, снова предаться веселью.

На другой день, митрополитомъ Митрофаномъ отслужена была литургія съ молебствіемъ, на которой присутствовали весь дипломатическій корпусъ, и по окончаніи службы была стрѣльба изъ пушекъ. Изъ церкви всѣ ходили съ поздравленіями къ княгинѣ.

а отъ нея чиновники и граждане Цетинья были съ поздравленіями также и у русскаго министра-резидента, причемъ говорились привѣтствія и пились задравные тосты шампанскимъ за Новообрученныхъ, Ихъ Августѣйшихъ Родителей и за Русскій Императорскій Домъ; надобно замѣтить, что на литургіи въ эктеніяхъ и колѣнопреклоненной молитвѣ упоминались вмѣстѣ: Русскіе Императоръ и Императрица, Черногорскіе Князь и Княгиня, Высокіе Родители обрученныхъ и Обрученные».

Далѣе корреспондентъ рассказываетъ, что «отъ полдня въ тотъ день не переставало коло въ разныхъ мѣстахъ Цетинья: отдѣльное коло изъ мужчинъ и женщинъ играло и передъ тюрьмой, гдѣ одни получили полное прощеніе, другіе—сокращеніе сроковъ».

Вечеромъ всѣ граждане собрались опять у Зетскаго дома и отсюда съ факелами отправились ко дворцу, распѣвая свои любимыя пѣсни: «Радо иде србин у войнике», Онамо, онамо», «Заставе се наше вію» и друг., а передъ дворцомъ, послѣ гимна «Убавой намъ Црной Гори», преподаватель гимназій и женскаго института, Дѣпава, сказалъ рѣчь, полную глубокаго смысла и теплаго чувства; княгиня, обруженная своими малыи дѣтьми съ матерью своего супруга, госпожею Станой, выслушала эту рѣчь съ балкона и, тронутая такимъ горячимъ выраженіемъ народнаго сочувствія къ счастью ея семейства и благу маленькой Черногоріи, выразила свою искреннюю благодарность. Отсюда, запѣвши «Ой Славене», отправились къ дому русской миссіи. Тутъ пропѣли «Боже, Царя храни», и потомъ другой преподаватель, Ф. Кавачевичъ, произнесъ краткую, но хорошо продуманную и прочувствованную рѣчь, на которую отвѣтилъ нашъ представитель, К. М. Аргиропуло, также краткою рѣчью, вызвавшею безконечные крики: «живіо, живили!» Вечеръ закончился пѣніемъ и пляской передъ Зетскимъ домомъ, причемъ проживающіе въ Цетиньѣ албанцы устроили свое отдѣльное оригинальное коло. Днемъ же было даровое на счетъ двора представленіе въ циркѣ.

Какъ ни скромнень характеръ этого торжества, имѣющаго смыслъ устроенія семейнаго счастья двухъ молодыхъ существъ изъ двухъ владѣтельныхъ домовъ, но съ Цетинья отправлено было по этому поводу около 100 телеграммъ; а внутри страны, само собою разумѣется, полетѣли своимъ чередомъ извѣщенія официальные и газетныя».

Корреспондентъ свидѣтельствуетъ, что княжна Милица питаетъ самыя искреннія симпатіи къ Россіи. «Одному русскому, отправ-

лявшемуся три года тому назадъ въ Россію, послѣ долгаго пребыванія въ Черногоріи, она сказала такъ: «Счастливецъ вы! я вамъ завидую! Но я знаю, какъ вы соскучились объ Россіи, когда я объ ней тоскую! Скажите только тамъ, что я люблю Россію и никогда не забуду ея и не перестану любить». Кому сказать—княжна не выразила; но это понятно само-собою: она любить не отдѣльныя только личности, съ которыми ее связала дружба и тѣсное общеніе, но цѣлую Россію, которую узнала, живя ея жизнью и изучивъ ея исторію и богатую литературу. Слова эти произнесены были съ такимъ чувствомъ и выраженіемъ, что они глубоко запали въ душу слышавшаго ихъ и останутся въ ней навсегда дорогимъ и неизгладимымъ воспоминаніемъ».

— Крайне безотрадно, пишетъ газета «Застава», нынѣшнее положеніе духовенства Болгаріи: все чаще и больше приходится ему испытывать всевозможныя несправедливости и притѣсненія заправилъ. Самъ принцъ Кобургскій, съ цѣлою клямою іезуитовъ, подвергаетъ православное духовенство всевозможнымъ насмѣшкамъ, униженіямъ, а заправилы, со Стамбуловымъ во главѣ, шлютъ по адресу духовенства всевозможныя угрозы, которыя нерѣдко приводятся въ исполненіе. Напримѣръ, еще недавно правительство выполнило свою угрозу по отношенію къ митрополиту Константину, которому прекратило выдачу установленнаго закономъ содержанія и митрополитъ вслѣдствіе этого остался безъ всякихъ почти средствъ. На помощь митрополиту пришли его духовныя дѣти—граждане епархіи, собравшіе по подпискѣ около четырехъ тысячъ франковъ, кои и предложили митрополиту; но Константинъ, поблагодаривъ гражданъ за сочувствіе и участіе, не согласился принять эту помощь. Какъ только вѣсть о подпискѣ дошла до палачниковъ, они немедленно распорядились поступить съ участниками подписки «по своему» — арестовать всѣхъ кого можно, не разбирая, участвовало-ли данное лицо въ подпискѣ, или нѣтъ. Главнымъ образомъ обращено было при этомъ вниманіе на священниковъ и вообще духовенство, которое и составляетъ двѣ трети всѣхъ арестованныхъ; остальную часть арестованныхъ составляютъ учителя и граждане; мотивъ арестованія обычный «революціонныя убѣжденія и такія же дѣйствія». Вѣсть эта взбудоражила населеніе, которое не замедлило послать болгарскому эзарху въ Константинополь протестъ противъ незаконныхъ, постыдныхъ дѣйствій правительства по отношенію къ духовенству. Въ этомъ протестѣ, съ многочисленными подписями, говорится, между прочимъ,

что даже турби съ гораздо большимъ уваженіемъ относились къ православной болгарской церкви и ея духовенству, чѣмъ нынѣшніе правители: — «князь» и «министры».

— 21 числа мая, послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ 12, 16, 19 и 20 мая педагогическимъ совѣтомъ образцовой школы при Харьковской духовной семинаріи подъ предсѣдательствомъ о. ректора семинаріи и членовъ совѣта: преподавателя дидактики въ семинаріи Н. Н. Страхова, законоучителя школы священника о. Д. Скрынникова и учителя діакона о. Г. Олейникова въ образцовой двухъ-классной школѣ при Харьковской духовной семинаріи, учебный годъ былъ законченъ актомъ.

По окончаніи Божественной Литургіи въ семинарской церкви, всѣ мальчики обучающіеся въ школѣ собрались вмѣстѣ съ своими родителями, родственниками и другими посторонними лицами въ зданіе школы, куда въ 12 часовъ прибылъ отецъ ректоръ семинаріи, члены совѣта и многіе изъ преподавателей семинаріи. Актъ начался благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ за успѣшное и благополучное окончаніе учебнаго года.

Молебенъ служилъ законоучитель о. Д. Скрынниковъ, а пѣли и читали ученики школы подъ руководствомъ учителя о. діакона Олейникова. Пѣніе отличалось стройностію, а чтеніе отчетливо-стію, что производило глубокое впечатлѣніе, вызывающее слезы умиленія у молящихся. Даже пѣснь «Тебѣ Бога хвалимъ» была исполнена учениками стройно, ясно и отчетливо. На лицахъ дѣтей можно было читать, съ какою любовію относятся они къ своему учителю и преподаваемому имъ пѣнію. Въ концѣ молебна было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, супругѣ Его, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, затѣмъ Святѣйшему Правительствующему Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, основателю и благотворителю школъ боярину Іоанну (Ивану Герасимовичу Харитоненко), учащимъ и учащимся. По окончаніи молебствія учитель о. діаконъ Олейниковъ прочиталъ краткій отчетъ за истекшій учебный годъ. Изъ отчета видно, что всѣхъ учениковъ въ учебномъ году было 90; въ концѣ учебнаго года оставалось 84 (прочіе выбыли изъ школы по разнымъ причинамъ). Въ 1 отдѣленіи I класса было 42 ученика, изъ коихъ испытанію подвергались 35 и переведено во 2 отдѣл. I класса 28; 9 учениковъ за хорошіе успѣхи и поведеніе награждены книгами. Во 2 отдѣленіи I класса было также 42 ученика; въ 1 отдѣленіи II класса переведено 25, при чемъ 10 получили награды. Уволен-

ныхъ изъ школы нѣтъ, потому что вели себя ученики очень хорошо, а малоуспѣшность нѣкоторыхъ учениковъ зависѣла частію отъ малолѣтства, а частію отъ значительныхъ пропусковъ учениками уроковъ по болѣзни и другимъ причинамъ. Испытанія, какъ видно изъ отчета, производились съ особенною строгостію, что и весьма понятно, такъ какъ изъ переведенныхъ въ 1 отдѣленіе II класса мальчиковъ желающіе могли получить свидѣтельство на льготу по отбыванію воинской повинности.

По прочтеніи отчета, о. ректоромъ были розданы по назначенію награды; а затѣмъ было сказано дѣтямъ слово назиданія о томъ, какъ они должны вести себя въ теченіе предстоящихъ имъ каникулъ, а родителямъ и родственникамъ разъяснены обязанности ихъ по отношенію къ дѣтямъ во время ихъ пребыванія внѣ школы. Актъ закончился пѣніемъ гимна «Боже Царя храни», который исполнили ученики образцовой школы стройно и благоговѣнно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1889 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

годъ IV.

РУССКІЙ СЛѢПЦЪ.

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ОБСУЖДЕНІЯ ВОПРОСОВЪ, КАСАЮЩИХСЯ УЛУЧШЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЯ СЛѢПЫХЪ.

— Выходитъ ежедневно —

Подписная цѣна за годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Россійской Имперіи 1 р., съ пересылкою за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., д. № 5, въ Канцеляріи Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ.

Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто по 15 коп.

Программа журнала. Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ: цѣли раціональнаго образованія и призрѣнія слѣпыхъ, принципы воспитанія и образованія, психологія, методы обученія, учебныя программы, учебныя пособія, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла для слѣпыхъ, попеченіе объ окончившихъ ученіе слѣпыхъ (патронатство) призрѣніе неспособныхъ къ труду слѣпыхъ, статистика и т. д.; окултически-медицинскіе вопросы; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя періодическія изданія о слѣпыхъ.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Страхование Общество

„МОСКВА“

съ основнымъ сполна оплаченнымъ капиталомъ

въ 1.000,000 руб. сер.

принимаетъ всякаго рода имущества (строения, домашнюю движимость, товары, сельско-хозяйственный инвентарь и продукты, постройки и проч.) къ застрахованію отъ огня на особо выгодныхъ для страхователей условіяхъ, состоящихъ въ томъ, что Общество это, несвязанное тарифами конвенціи другихъ акціонерно-страховыхъ компаній, взимаетъ страховые платежи въ значительно пониженномъ размѣрѣ и кромѣ того, по своему уставу, даетъ страхователямъ: а) право голоса въ общихъ собраніяхъ; б) участіе въ прибыляхъ отъ операций.

За церкви, благотворительныя учрежденія и дома, въ коихъ помѣщаются церковныя причты, которые въ пожарномъ отношеніи, какъ указываетъ опытъ, находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія имущества, — преміи удешевлены до возможныхъ предѣловъ.

**ПРАВИЛЬНЫЙ РАЗСЧЕТЪ ЗА ПОЖАРНЫЕ УБЫТКИ И СКОРАЯ
ВЫДАЧА ВОЗНАГРАЖДЕНІЙ.**

Желающимъ ближе ознакомиться съ основаніями дѣятельности Общества по первому требованію выдаются и высылаются бесплатно: уставъ его и изданная правленіемъ „Справочная книжка для страхователей и акціонеровъ.“

Правленіе помѣщается въ Москвѣ, Рождественка, домъ Портнова.

**Агентство въ г. ХАРЬКОВѢ, Екате-
ринославская ул., д. Монакова.**

Агѣнтъ Яковъ Сергѣевичъ Капланъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.